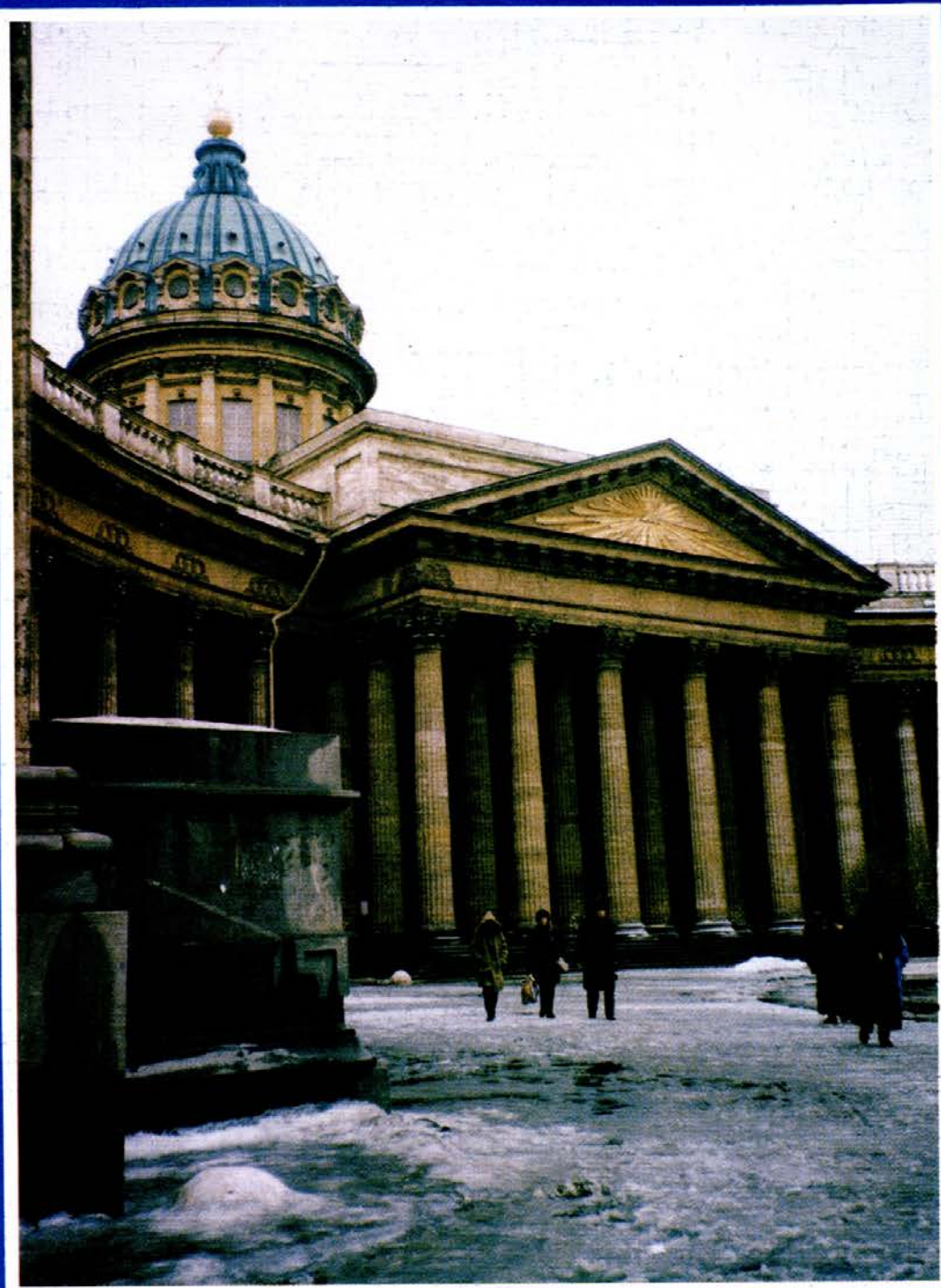

Санкт-Петербургские епархиальные ведомости

Выпуск 18

Санкт-Петербургские епархиальные ведомости

ИЗДАЮТСЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

Главный редактор
Высокопреосвященный **ВЛАДИМИР**,
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

Ответственный секретарь **Н. К. Симаков**

Выпуск 18

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

Рождественское поздравление митрополита С.-Петербургского и Ладожского Владимира
Деяние Освященного Архиерейского Поместного Собора Русской Православной Церкви о канонизации сщмчч. Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Крутицкого Петра, митрополита Серафима и архиепископа Фаддея
К прославлению Валаамской иконы Божией Матери

ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

Архиерейские богослужения и рукоположения

Неофициальная часть

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Свт. Василий Великий. О том, что Бог не виновник зла
--

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Прот. Михаил Помазанский. О Церкви и благодати
--

ПРОПОВЕДЬ

Свт. Николай Охридский (Велимирович). Проповедь на кончину прп. Силуана Афонского
Архиеп. Онуфрий (Гагалюк). Христианин и земные блага

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

И. В. Попов. Странник Александр Крайнев

БЫЛОЕ

Архим. Алексей (Чернай). Воспоминания

НАШИ ХРАМЫ

И. В. Попов. Лужские храмы

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

О. Ходаковская. Из отчих объятий
--

ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ РУСИ

В. С. Орлов. Черемнецкий Иоанно-Богословский мужской монастырь
--

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

И. С. Шмелев. Куликово поле

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОЧИВШИМ

Блаженная старица Любушка (Любовь Ивановна Лазарева)
--

На 1-ой и 4-ой сторонах обложки: Казанский собор. Исаакиевский собор.

На 2-ой и 3-ей сторонах обложки: Всенощное бдение в праздник Рождества Христова в Казанском соборе.
Божественная литургия в Свято-Троицкой Сергиевой Приморской пустыни в праздник прп. Сергия, игумена Радонежского

Издательство Санкт-Петербургской митрополии «Православная Русь»

Редакторы отделов: В. В. Антонов и И. В. Попов. Техн. редактор И. А. Шумакова. Фото Ю. П. Костыгова, И. В. Попова
Адрес редакции: Наб. реки Монастырки, д. 1; тел. (812) 274-34-83.

Подписано в печать 27.01.1998. Формат 60х90^{1/8}. Печ. л. 12. Тираж 1000. Заказ 829.

ОАО ПП-3. 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 55

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского ВЛАДИМИРА

всечестному клиру, монашествующим
и всем верным православным чадам
Санкт-Петербургской Митрополии

«Закона любви держащиеся, братолюбия изволение да воспримем, друг с другом мирствующе и единомудрствующе; мира бо Податель приходит Христос, умиряя всяческая и спасаая»

(Канон повечерия предпразднства, песнь 8-ая).

Снова милостью Божией мы вступили в великие и спасительные дни Рождества Христова, когда Святая Церковь своим богослужебным последованием говорит нам, как некогда вифлеемским пастырям светоносный посланник неба: «Я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь» (Лк. 2,10-11).

Зрители таинственного и дивного видения поспешили к тому месту, которое было указано Ангелом, «нашли Марию, и Иосифа, и Младенца, лежащего в яслях» (Лк. 2,16), «и возвратились... слава и хвала Бога за все то, что слышали и видели...» (Лк. 2,20). Ведомые звездой волхвы, от Востока пришедшие, «с радостью весьма великою» (Мф. 2,10) поклонились Богу вочеловечившемуся, «и сокровища своя усердно отверзше, дары честные приношаху...» (3-ая стихира на стиховне).

Тогда, при Рождестве Христовом, только Ангелы небесные славословили пришествие Сына Божия на землю, воспевая: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2,14). Ныне же этот ангельский гимн возносится от земли на небо и звучит по всей Вселенной. Поэтому сегодня, когда Дева «Пресущественного рождает и земля вертеп Неприступному приносит», «силы небесные радуются и земля с человеки веселится»!

Возлюбленные о Господе братья и сестры! Чтобы яснее представить себе все величие воспоминаемого ныне события – преславного Рождества Христова, чтобы глубже понять священный смысл апостольского изречения о нем: «Великая благочестия тайна: Бог явился во плоти!» (Тим. 3,16), – постараемся вникнуть в то состояние человечества, ради исправления и уврачевания которого и совершилась эта, до конца непостижимая на земле, тайна.

В грехопадении прародителей, преступив волю Божию и нарушив Божественную заповедь, человечество удалилось от Бога, Источника Жизни. «Чрез то самое, – говорит св. Григорий Нисский, – что человек отчуждился от истинной жизни, над ним немедленно исполнился приговор смерти» (Против Евномия. Слово 2-ое). Вполне понятно, что и Бог, хотя и не отвратился от него до конца, но отступил от человека, предоставив его своей собственной греховной воле. Если бы человек в раскаянии исправил свое преступление, то смерть духовная могла бы упраздниться в самом начале. Но человек пытался оправдать свое преступление Божественного закона, и тогда появилось новое тяжкое и губительное следствие грехопадения – повреждение природы человека, через которое «грех вошел в мир и грехом смерть» (Рим. 5,12). «Человек, – по выражению великого учителя церкви св. Василия Великого, – стал злым» (Беседа о том, что Бог не виновник зла). О законе греха, действующем в падшем человеческом естестве ясно говорит и св. ап. Павел: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех... Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7,19-20, 24).

Так, согласно Божественному Откровению и учению святых отцов церкви, человечество впало в мучительное рабство греху и служение своим страстям.

Из священного Писания и из церковного учения мы знаем, что безграничная любовь Бога к своему созданию изыскала путь спасения человека. Рожденный в убогом вифлеемском вертепе Спаситель наш на Божественной Голгофе освободил род человеческий от рабства греху и даровал человеку возможность вернуться в первоначальное состояние духовной свободы. «И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин. 1,14). Святой Ириней, епископ Лионский, так разъясняет смысл и значение воплощения и вочеловечения Христова: «Господь наш Иисус Христос стал Сыном человеческим для того, чтобы человека сделать подобным себе...» (Против ересей. 3,10,2).

«Размышляя о величии такого Его снисхождения, - говорит св. Иоанн Златоуст, - воздадим Ему достойную честь и воздаяние. Нашим же воздаянием Богу не может быть ничего другого, кроме нашего спасения, кроме забот о добродетели и попечения о наших братьях» (И. Златоуст. Творение, т. 12, СПб., 1906, с. 799).

Поэтому в светлый и всерадостный день Рождества Христова, не постигая этого таинства разумом, но ощущая сердцем бесконечную благодать Божию, ликует и празднует душа каждого верного сына и дочери Святой Церкви.

Дорогие братья и сестры! Уходящий год был для нашей священной митрополии насыщен различными событиями церковной жизни. Мы молитвенно отметили 200-летие присвоения Александрo-Невскому монастырю статуса Лавры, 80-летие мученической кончины первого новомученика российского Иоанна Кочурова, пресвитера Царскосельского. К скорбным юбилеям этого года нужно отнести и 75-летие мученической кончины митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина и «иже с ним пострадавших: священномученика архимандрита Сергия и мучеников Юрия и Иоанна».

Нам особенно отрадно отметить, что наша митрополия в этом году приобрела еще одного молитвенника перед престолом Божиим. К лику святых был причислен новомученик российский — митрополит Серафим (Чичагов), возглавлявший нашу митрополию с 1928 по 1933 год.

Уходящий год был отмечен многими архипастырскими посещениями благочиний и приходов митрополии. В июне месяце священнослужители епархии и многочисленные паломники отправились в древнюю обитель на Ладожском озере — Коневский мужской монастырь, где молитвенно прославляли 550-летие со дня кончины основателя этой обители — преподобного Арсения Коневского. В сентябре уходящего года в городе Приозерске мы были участниками торжества по случаю 150-летия храма Рождества Пресвятой Богородицы, где размещается подворье Коневского монастыря и заложили камень в основание нового подворья.

В июле мы молитвенно праздновали явление Тихвинской иконы Божией Матери. В древнем Тихвинском монастыре при многочисленном стечении паломников мы с духовенством епархии в Успенском соборе монастыря совершили Божественную Литургию, за которой усердно молились о возвращении иконы Тихвинской Богородицы на ее историческое место в монастыре.

В этом же году мы с архипастырским визитом посетили далекий и древний город Выборг, где совершали богослужения и имели братское общение с духовенством и мирянами Выборгского благочиния.

В ноябре в Царском Селе мы провели очередное годовое Епархиальное собрание, результатом работы которого явилось принятое Обращение, в котором мы высказались по насущным вопросам церковной и общественной жизни. Мы обратились ко всем жителям нашего города и области с призывом к 2000-летию Рождества Христова восстановить внешний облик порушенных храмов нашей митрополии и тем самым принести дар Богомладенцу Христу ко дню Его светлого Рождества.

Это будет видимым знаком нашего покаяния перед Богом за грехи наши и предшествовавших поколений, а также символом нашего примирения друг с другом, а, значит, и духовного возрождения России.

Возлюбленные о Господе пастыри, всечестные иноки и инокини, церковные работники и все верные чада Санкт-Петербургской митрополии! Приветствую вас и поздравляю с великим праздником РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА радостными и победными словами святого пророка Исайи — «С нами Бог!» Эти слова как нельзя лучше выражают сущность нашего торжества в этот святой день и «великую благочестия тайну».

Наступающий новый 1998 год да будет Новолетием Благодати Господней. Будем молиться Богомладенцу о даровании нашему Отечеству мира, благоденствия и процветания.

Божией милостью

Рождество Христово 1997/1998 г.
г. Санкт-Петербург.

ВЛАДИМИР,
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

ДЕЯНИЕ ОСВЯЩЕННОГО АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

о канонизации священномучеников:
Местоблюстителя Патриаршего престола

митрополита Крутицкого Петра (Полянского; 1862-1937),

митрополита Серафима (Чичагова; 1856-1937),

и архиепископа Фаддея (Успенского; 1872-1937)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Издrevле возлагая свои духовные упования на молитвенное заступничество пред Престолом Всевышнего святых угодников земли Российской, Русская Православная Церковь соборно свидетельствует о сугубом предстательстве за ее верных чад сонма новомучеников Российских, поименное прославление которых благоговейно осуществляется Церковью. По Промыслу Божию не только мученическая кончина, но и подвижническая жизнь многих новомучеников Российских оказалась запечатленной в соборной памяти Русской Православной Церкви для назидания будущих поколений ее верных духовных чад, дабы помнили они обращенные ко всем христианам слова святого Апостола: «Живем ли — для Господа живем; умираем ли — для Господа умираем» (Рим. 14,8).

Великий смысл этих слов засвидетельствовали благочестивым житием, исповедническим архипастырским служением, самоотверженным стоянием за единство Русской Православной Церкви и пролитием мученической крови в 1937 году священномученики митрополит Крутицкий Петр (Полянский), Местоблюститель Патриаршего престола, митрополит Серафим (Чичагов) и архиепископ Фаддей (Успенский).

Митрополит Петр, призванный к первосвятительскому служению после блаженной кончины своего святого предшественника Патриарха Тихона, возглавлял Русскую Православную Церковь в пору лютых гонений на нее, претерпел изгнание, тюремные узы и заточение, увенчав подвиг исповедничества мученической смертью за Христа.

Строгий ревнитель церковных традиций и вдохновенный архипастырь, священномученик митрополит Серафим на 82-м году своей благочестивой жизни был взят гонителями Церкви с одра болезни, мужественно пребывав в узах и смиренно принял смерть за веру и Церковь.

Сочетавший в своей подвижнической жизни отмеченное даром чудотворений молитвенно-аскетическое делание с ревностным архипастырским служением, священномученик Фаддей принял смерть за Христа с мужеством и вдохновением мучеников Церкви первых веков.

Освященный Архиерейский Собор, рассмотрев благочестивую жизнь, подвижническое служение и мученическую кончину митрополита Петра, митрополита Серафима и архиепископа Фаддея и удостоверившись в их подвиге как мученичестве за Христа, единомысленно ОПРЕДЕЛЯЕТ:

1. Причислить к лику священномучеников для общецерковного почитания Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра, митрополита Серафима и архиепископа Фаддея.

Честные останки священномученика Петра, находящиеся в безвестной могиле, именовать отныне святыми мощами, оставив на Божие произволение.

2. Честные останки священномученика Серафима, находящиеся в безымянной братской могиле в подмосковной деревне Бутово, именовать отныне святыми мощами, оставив на Божие произволение.

Честные останки священномученика Фаддея, обретенные 26 октября 1993 года и пребывающие ныне в Воскресенском соборе города Твери, именовать святыми мощами и воздавать им достойное почитание.

3. Службу новопрославленным священномученикам после сего дня прославления отправлять общую по чину священномученическому и благословить составление каждому из них особой службы.

4. Память священномученикам праздновать в дни их мученической кончины:

митрополиту Петру — 27 сентября (10 октября);

митрополиту Серафиму — 28 ноября (11 декабря);

архиепископу Фаддею — 18(31) декабря.

5. Включить в собор новомучеников и исповедников Российских священномучеников Петра, Серафима и Фаддея.

6. Писать новопрославленным священномученикам Петру, Серафиму и Фаддею иконы для поклонения, согласно определению VII Вселенского Собора.

7. Напечатать жития священномучеников Петра, Серафима и Фаддея и их творения для назидания в благочестии чад церковных.
8. От лица Освященного Собора объявить о сей благой и благодатной радости прославления новых Российских священномучеников пастве всероссийской.
9. Сообщить имена новопрославленных священномучеников Предстоятелям братских Поместных Православных Церквей для включения их в святцы.

Предстательством и молитвами священномучеников митрополита Петра, митрополита Серафима и архиепископа Фаддея Господь да укрепит веру православных христиан и ниспошлет им Свое благоволение. Аминь.

ЧЛЕНЫ ОСВЯЩЕННОГО АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА

АЛЕКСИЙ II,
Божией милостию
смиранный Патриарх Московский и всея Руси

Тропарь священномученику Петру, глас 2-й:

Божиим смиреннем к святительскому служению/ святым Патриархом Тихоном призванный,/ саду Христову явился еси/ страж неусыпный и защитник небоязненный,/ священномучениче Петре./ Жестокая заточения и дальная изгнания,/ страдания и смерть от богоборцев претерпел еси./ Венец мученический прияв,/ на Небеси ныне радуешься./ Моли милостиваго Бога,/ да сохранит Церковь нашу от нестроений,/ единомыслие и мир людям Своим дарует/ и спасет души наша.

Кондак, глас 4-й:

Дух мирен и кроток стяжав, / твердое упование на милосердие Божие имея, / блюститель верный Церкви нашей/ и исповедник Христов явился еси, / священномучениче Петре,/ присный от нас пред Богом представителю/ и молитвенниче о душах наших.

Житие священномученика Петра, митрополита Крутицкого

Священномученик Петр (в миру Петр Федорович Полянский) родился в 1862 году в благочестивой семье сельского священника Воронежской епархии. В 1885 году он закончил по первому разряду Воронежскую Духовную семинарию. В 1892 году, по окончании Московской Духовной академии, он был оставлен при ней помощником инспектора. До 1906 года занимал различные административные должности и преподавал в духовных учебных заведениях, а затем был переведен в Петербург, в штат Синодального Учебного Комитета, членом которого он стал. Будучи высокопоставленным синодальным чиновником, отличался бесребреничеством и строгостью. Участвовал в Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1917-1918 годов. В это время особенно сблизился со Святейшим Патриархом Тихоном,

с которым был знаком в прежние годы. В 1920 году Патриарх Тихон предложил ему принять постриг, священство и стать его помощником

в делах церковного управления. Так в 58-летнем возрасте священномученик Петр избрал стезю церковного служения, приведшую его в эпоху гонений на Русскую Церковь на Голгофу.

Сразу после архиерейской хиротонии епископ Петр был сослан в Великий Устюг, но вскоре — после освобождения из-под ареста Святейшего Патриарха Тихона — вернулся в Москву, став ближайшим помощником Российского Первосвященителя; он был возведен в сан архиепископа, затем стал митрополитом Крутицким и был включен в состав Временного Патриаршего Синода. В последние месяцы жизни Патриарха Тихона митрополит Петр был его верным помощником во всех делах управления Церковью. В завещании Святейшего Тихона о преемстве патриаршей власти в условиях гонения на Церковь митрополит Петр был назван первым в ряду преемников

жизни и подвигов преподобного Серафима Саровского.

В 1898 году отец Леонид Чичагов принимает постриг с именем Серафим и зачисляется в штат Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Вскоре он, уже в сане архимандрита, назначается настоятелем Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. Будущий святитель продолжает работу над «Серафимо-Дивеевской летописью». Постоянно ощущавший духовную поддержку преподобного, архимандрит Серафим решил обратиться с просьбой поставить вопрос о канонизации преподобного Серафима Саровского в Священном Синоде непосредственно к Государю Императору Николаю II, являвшемуся «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры». В деле, представленным архимандритом Серафимом, Государь принял искреннее участие. Деянием Синода 1903 года Саровский старец Серафим причислен к лику святых Русской Православной Церкви.

Приняв участие в различных торжественных мероприятиях в связи с канонизацией преподобного в Сарове, свой окончательный вклад в его прославление архимандрит Серафим внес несколько позже, составив замечательный акафист преподобному, обогативший русскую традицию церковной гимнографии. Так завершилось одно из самых значительных для архимандрита Серафима деяний его церковного служения, в котором великий подвижник и чудотворец преподобный Серафим Саровский оказался прославленным во многом благодаря

молитвенным и пастырским трудам будущего святителя Русской Церкви священномученика Серафима.

В 1905 году архимандрит Серафим был хиротонисан во епископа Сухумского, а затем попеременно направлялся на Орловскую (1906), Кишиневскую (1908) и Тверскую (1912) кафедры в сане архиепископа. Повсюду он проявлял себя в качестве ревностного устроителя приходских общин.

Несмотря на государственные измещения, происшедшие в 1917 году, Владыка Серафим продолжал активную церковную деятельность. Он участвовал на правах правящего архиерея Тверской епархии в Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1917-1918 годов, на котором возглавил Соборный отдел «Монастыри и монашество». Изгнанный раскольниками со своей кафедры в конце 1917 года, святитель Серафим был назначен Святейшим Патриархом Тихоном на Варшавскую кафедру, вступить в управление которой не смог из-за разворачивавшихся в Польше военных действий. В 1921 году, когда он был уже в сане митрополита, его арестовали и приговорили к ссылке в Архангельскую область.

Вернувшись через год в Москву, митрополит Серафим вскоре опять был арестован: ему вменялось в вину прославление преподобного Серафима Саровского. А потом святитель вновь должен был покинуть Москву. Несколько лет он жил вдали от нее, в Воскресенском Феодоровском монастыре под Шуей, пребывая в молитве, раздумьях о судьбах России и Церкви

и работая над второй частью «Серафимо-Дивеевской летописи». В 1928 году он возвращается к делам церковного управления с назначением на Ленинградскую кафедру, где царил в то время дух смуты и церковного разделения, охвативший значительное число действовавших в Ленинграде православных приходов.

В своих проповедях Владыка Серафим призывает народ церковный к строгой православной жизни, стремится духовно укрепить свою паству, побуждая прихожан усилить молитву, почаще причащаться Святых Христовых Таин. В 1933 году 77-летний святитель, отдавший все силы служению в епархии, был уволен на покой. Последние годы своей жизни Владыка Серафим провел на даче под Москвой. В деревенской тиши, в духовных размышлениях над богословскими и аскетическими сочинениями, в молитвенных бдениях святитель Серафим подводил итог своей жизни и готовится к встрече со Христом, преодолевая тяжелые телесные недуги, молится о тех, кто забыл о Спасителе и гонит Его Святую Церковь.

Арестованный в ноябре 1937 года 82-летний старец, больной и немощный, был доставлен на носилках в Таганскую тюрьму. Он не признал предъявленных ему обвинений, держался мужественно. Был расстрелян 11 декабря 1937 года в деревне Бутово неподалеку от Москвы. Так завершилось святительское служение митрополита Серафима, стяжавшего мученический венец в конце своего исповеднического пути.

Тропарь священномученику Фаддею, глас 1-й:

Хвала Богу и жертва живая/ житие твое, священномучениче Фаддее, явися./ Постом, бдением и молитвою Небесная дарования приим,/ многим добрый помощник и утешитель бысть./ Пастырскою мудростию и тихостию нрава украшен,/ лукавства врагов Христовых препобедил еси./ Слава Давшему тебе во страданиях крепость,/ слава, яко мученика, Венчавшему тя,/ слава Действующему тобою всем исцеления.

Кондак, глас 4-й:

Духа небоязни, силы, любве и упования/ даде Пастыреначальник ти, святителю Фаддее,/ во страдании бо твоем благодарение Богу воздавал еси/ и в гонениях страждущия утешал еси, глаголя:/ Не унывайте, Христос бо с нами есть.

Житие священномученика Фаддея, архиепископа Тверского

Священномученик Фаддей (в миру Иван Васильевич Успенский) родился в 1872 году в семье сельского священника Нижегородской епархии. После окончания Нижегородской Духовной семинарии и Московской Духовной академии принял в 1897 году монашество и был рукоположен во иеромонаха. В 1902 году был назначен инспектором, а затем – с возведением в сан архимандрита – ректором Олонецкой Духовной семинарии. В это время он подготавливает к изданию свои богословские сочинения «Единство книги пророка Исаии» и «Иегова», написанные в традициях православной библеистики; за ученые труды ему было присуждена степень доктора богословия. В 1908 году архимандрит Фаддей был хиротонисан во епископа Владимиро-Волынского. Став архиереем, он не изменил своему монашескому аскетическому правилу – по-прежнему много молился и постился. Паства увидела в своем новом архипастыре человека святой жизни, образец кротости, смирения и чистоты. В первые, тяжелейшие месяцы российской смуты он духовно окормлял и поддерживал свою паству; в лице Владыки Фаддея православные получили бесстрашного заступника. В начале 1922 года епископ Фаддей был арестован и выслан за пределы Волынской губернии. Вскоре был освобожден из тюрьмы и, приехав в Москву, встретился здесь с Патриархом Тихоном. После нового ареста епископ Фаддей был отправлен в ссылку: известно, что там Владыка многих духовно укреплял и поддерживал материально. После окончания ссылки он в декабре 1923 года уже в сане архиепископа был назначен на Астраханскую кафедру.

Архиепископ Фаддей приехал в Астрахань в разгар обновленчества, когда у православных осталось в городе всего лишь десять церквей. Во время пребывания в Астрахани Владыка не выступал против обновленцев публично, но обличал их примером своей жизни. Нравственное влияние архиепископа на верующих было огромным – в их домашних иконостасах рядом с иконами стояли фотографии Владыки. Владыка вел жизнь настоящего бесребренника, был прост и открыт в общении, в свободное время принимал посетителей, утром и вечером совершал уставные богослужения.

В октябре 1926 года был арестован Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский), в его права вступил архиепископ Ростовский Иосиф (Петровых), назначивший архиепископа Фаддея одним из своих заместителей. И когда после

ареста архиепископа Иосифа место Патриаршего Местоблюстителя оказалось свободным, Владыка Фаддей (в середине декабря 1926 года) выехал в Москву, чтобы приступить к выполнению возложенных на него обязанностей по управлению Церковью. Однако до Москвы он не доехал, так как был задержан властями в Саратове и затем отправлен в Кузнецк. Там он и находился до марта 1928 года, а затем освобожденный из заключения митрополит Сергей назначил его на Саратовскую кафедру. Но уже в ноябре Владыка Фаддей был переведен в Тверь. И в Твери, ведя жизнь молитвенника и аскета, Владыка продолжал свое подвижничество, не отказывая в помощи страждущим и болящим, духовно наставляя всех к нему приходящих. В 1936 году, когда гонения на православных усилились, власти лишили архиепископа Фаддея возможности служить, а в конце года Владыка был уволен на покой.

20 декабря 1937 года архиепископ Фаддей был арестован. Десять дней находился он под арестом, мужественно претерпевая нравственные и физические страдания. Владыка Фаддей был расстрелян 31 декабря 1937 года. Он отошел ко Господу как исповедник Православия и мученик за Христа. Память о нем и поныне хранится не только среди верующих разных епархий, где он совершал свое архиерейское служение, но и среди православных, которые узнали о праведной жизни архиепископа Фаддея из воспоминаний его современников.

26 октября 1993 года, в праздник Иверской иконы Божией Матери, были обретены честные мощи священномученика Фаддея, которые находятся ныне в Вознесенском соборе города Твери.

К ПРОСЛАВЛЕНИЮ ВАЛААМСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

ПОСЛАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II

Священноначалию, насельникам и богомольцам
ставропигиального мужского Спасо-Преображенского монастыря

Ваше Высокопреподобие,
священноиноки, всечестная братия и богоспасаемые паломники
Спасо-Преображенской Валаамской обители!

В нынешнем году исполняется сто лет со дня чудного явления, явленного Пресвятой Владычицей нашей Богородицей и Приснодевой Марией через Ее святую икону, именуемую «Валаамская».

Почитание иконы насельниками обители и богомольцами началось еще с 1897 года, когда по молитвам перед образом Божией Матери получила чудесное исцеление от тяжкого и затянувшегося недуга одна из благочестивых верующих.

Трагические события прошлых десятилетий привели к тому, что подлинная икона покинула пределы России и остался первый ее список, сделанный до революции. Первоначально он был помещен в Санкт-Петербурге на Васильевском острове, в часовне, принадлежавшей Валаамскому монастырю, а затем его перенесли в храм Смоленской иконы Божией Матери на Смоленском кладбище. Список быстро приобрел известность, и верующие стали относиться к нему с большим благоговением, как к знамению благодатного Покрова Пресвятой Богородицы над Валаамской обителью.

Почитание святого Образа стало особенно заметным в последнее время, чему свидетельство — устроенные в 1992 году торжества по его перенесению из Смоленской церкви в Валаамский монастырь.

Сегодня список иконы Божией Матери «Валаамская» занимает почетное место в нашей древней обители. Сделаны также копии, находящиеся на подворьях монастыря в Санкт-Петербурге и Москве. Все они также пользуются благоговейным почитанием со стороны многочисленных верующих — паломников и богомольцев.

В связи со столетней годовщиной чудотворения, явленного от иконы Божией Матери «Валаамская», и на основании глубокого и непрерывного почитания верующими этого образа Нами устанавливается празднование иконы Божией Матери «Валаамская» в первое воскресенье после дня памяти свв. Преподобных Сергия и Германа — валаамских чудотворцев и после дня памяти святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла.

Поздравляю всех вас, всечестной отец Игумен, дорогие отцы, братия и сестры, с этим знаменательным духовным событием и верю, что ни одна из ваших искренних молитв, возносимых пред святым Образом нашей Усердной Заступницы и Небесной Ходатаицы не останется не услышанной!

Покров Пресвятой Богородицы да пребывает над славной обителью и всеми, кто несет в ней свой монашеский подвиг или обращается к ее заступлению как паломник, посещая землю Валаамскую!

С любовью

АЛЕКСИЙ,
Патриарх Московский и всея Руси.

ЖИЗНЬ ЕПАРХИИ

30 августа/12 сентября впервые в качестве действующей обители отметил свой престольный праздник, память прп. Александра Свирского, Свято-Троицкий Александро-Свирский мужской монастырь. В настоящее время принять обитель и вступить в обязанности ее настоятеля, назначен иеромонах Лукиан (Куценко), прежде бывший настоятелем храма свв.мцц. Веры, Надежды, Любви и матери их Софии в Дачном. Растет и число братии возобновляемого монастыря.

3/16 сентября митрополит Владимир благословил начать работы по восстановлению деревянного храма в честь Казанской иконы Божией Матери, св. Иоанна Предтечи и прп. Антония Дымского в Антониевом Дымском Свято-Троицком монастыре (ныне – ските Тихвинского Успенского монастыря). Усердием настоятеля Тихвинской обители игумена Александра (Гордеева) в настоящее время обустраивается еще один скит (хозяйственное подворье) монастыря, – при Свято-Троицком храме с.Сенно близ Тихвина, где в конце прошлого века служил священником его дед.

4/17 сентября в ряде храмов епархии была отмечена 60-я годовщина мученической кончины убиенных в этот день в 1937 году новых священномучеников Русской Церкви: епископов Сергия Нарвского (Дружинина) и Григория Шлиссельбургского (Лебедева). Оба они долго служили в С.-Петербургской епархии и одновременно приняли мученический венец за Христа. Первый был расстрелян в Царевококшайске (Йошкар-Оле), где находился в заключении, другой – в Кашине Тверской губернии, где проживал на покое.

12/25 сентября Владыка Владимир благословил открытие войскового храма «для совершения богослужений, таинств и молитв военнослужащих» в поселке Каменка Выборгского района области, в помещении б. клуба на территории воинской части. Освящен новый храм будет в честь Божией Матери, иконы Ее, именуемой «Умягчение злых сердец». Настоятелем церкви назначен настоятель храма св.Георгия Победоносца пос.Каменка священник Александр Зубарев.

В сентябре и октябре сего года в Российской Национальной библиотеке была развернута большая книжная выставка, посвященная святителю Иннокентию Иркутскому, просветителю Сибири, Аляски и Америки.

В начале октября в С.-Петербурге находился известный московский священник Артемий Владимиров. Состоялось несколько пастырских бесед и встреч с прихожанами петербургских храмов. В беседах о.Артемий затронул вопросы «комплекса новообращенных», с печалью констатировал оскудение православной славянской семьи, рассмотрел проблему одиночества прихожанина в храме, выразил свое благоговейное отношение к памяти Царственных Мучеников, которых он неизменно почитает как мучеников за веру и святых угодников Божиих.

В начале октября вышел в свет первый номер газеты Православного общества Тихвинской иконы Божией Матери «Православное возрождение». Новое православное издание, по мысли учредителей и издателей, призвано помочь делу восстановления Тихвинского Богородице-Успенского мужского монастыря и возвращения в обитель чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери. Газета ставит целью содействовать духовному выздоровлению общества, что, по слову настоятеля Тихвинского монастыря игумена Александра (Гордеева), подразумевает православную веру, крепкую семью, честность и трудолюбие, защиту Отечества и благосостояние народа. В газете дается история и значение для России Тихвинского образа

В обители преподобного Сергия в день памяти Преподобного 25 сентября/8 октября

Богоматери, публикуются документы общественного комитета «за нравственное возрождение Отечества».

27 сентября/10 октября воссоздан приход церкви Преображения Господня села Загубье Волховского района, сооруженной в 1829 году и ныне восстанавливаемой силами общины.

28 сентября/11 октября состоялось освящение нижнего Ильинского храма в Ильинско-Толгской церкви пос.Ефимовский Бокситогорского района. Освящение храма и первую Божественную литургию в его стенах совершили настоятель церкви свящ. Геннадий Сухоруких и настоятель Петропавловской церкви с.Сомино свящ.Геннадий Украинский.

В этот же день в Спасо-Конюшенной церкви состоялось нечастое ныне освящение иконы-вклада, сооруженной в память прихожанки храма Н. В. Губаревой (+ 4/17.02.1997). Образ св.равноап.Нины освятил клирик храма протоиерей Игорь Юшин. В дни тезоименитства и памяти усопшей в храме будут совершаться заупокойные службы и панихиды по почившей.

В праздник Покрова Пресвятой Богородицы **1/14 октября**, день 60-летия мученической кончины настоятеля Стрельнинской Спасо-Преображенской церкви протоиерея Измаила Рождественского (1894-1937), расстрелянного в этот день в 1937 году в Вятке. На Стрельнинском Успенском кладбище была молитвенно отмечена память священномученика. У могилы стрельнинского протоиерея Николая Кедрова (+ 1904), которую богомольцы, родные и духовные чада о.Измаила почитают, по завещанию батюшки, как его символическую могилу (точное место захоронения в Вятке о. Измаила неизвестно), была отслужена насельниками Свято-Троицкой Сергиевой пустыни панихида по убиенному. На следующий день возле б.церковного дома, выстроенного в 1922 году самим о.Измаилом, где жила семья Рождественских в 1920-х-40-х гг., был установлен памятный знак-крест с иконой Новомучеников и Исповедников Российских.

В праздник Покрова в Царскосельском Софийском соборе состоялось отпевание известного петербургского скульптора В.Г.Козенюка, автора проекта памятника св. блгв. великому князю Александру Невскому,

Молебен в день открытия выставки "Православная Русь" в Михайловском манеже

который планируется установить к 2000 году на площади Александра Невского.

В этот же день свой престольный праздник отметил приход храма Покрова Пресвятой Богородицы на Боровой улице. В 1997 г. исполнилось ровно 100 лет со дня его освящения. **Православными** постоянно **совершаются** службы в домовых церквях б.приходского дома, сам же храм, при попустительстве властей занятый в 1990 году баптистами, регулярно обходится богомольцами крестным ходом. Известно, что баптистская община приняла решение найти себе другое место для собраний, а Покровский храм вернуть православным.

С 9/22 по 12/25 октября в С.-Петербурге в Михайловском манеже прошла третья Всероссийская выставка «Православная Русь», устроенная при участии Русской Православной Церкви (Московского Патриархата), С.-Петербургской епархии, отдела Внешних церковных сношений, С.-Петербургских Духовных академии и семинарии, художественно-производственного предприятия «Софрино» и выставочного объединения «Рестэк»

Поминовение Стрельнинских новомучеников на Стрельнинском Успенском кладбище

Крест в память новосвященномученика Измаила Рождественского

Выставка "Православная Русь". Облечение духовенства, изготовленное в швейной мастерской С.-Петербургской епархии

В церемонии открытия выставки принял участие митрополит С.-Петербургский и Ладожский Владимир. После молебна Владыка Владимир обратился с напутственным словом к устроителям, участникам и посетителям выставки, осмотрел выставочные павильоны.

География выставки была достаточно широка: из 92 участников от С.-Петербурга и Москвы были соответственно 38 и 18 представителей, 13 – от центральной России, 7 – от Русского Севера, по 4 – от Северо-Запада и Урала, участвовали представители Сибири, юга России, Украины, Белоруссии, а также Франции. Русскую Православную Церковь представляли: С.-Петербургская, Московская, Кубанская, Курганская, Олонекская, Вологодская, Нижегородская, Новосибирская, Пермская, Курская, Сыктывкарская, Донецкая епархии и Белорусский экзархат. Среди монастырей были представлены: Александро-Невская Лавра, Оптина пустынь, Валаамский, Коневский, Тихвинский, Свято-Данилов и Сретенский (Москва), Ново-Голутвин и Кутеинский (Орша). В выставке-ярмарке традиционно были представлены многочисленные государственные и частные фирмы, занимающиеся реставрацией храмов, мастерские иконописи, пошива облачений, производства церковной утвари, книгоиздательства.

Панихида по всем умученным за годы безбожия православным христианам в день Русской скорби 25 октября/7 ноября у храма Спас-на-Крови

9-10/22-23 октября в конференц-зале Российской Национальной библиотеки прошла конференция «История С.-Петербургской епархии. Храмоздательство и приходская жизнь», организованная библиотекой и Фондом свт.Димитрия Ростовского. В ней приняли участие клирики и миряне епархии, историки, архивисты, архитекторы и музейные работники. Доклады были посвящены церковной жизни Петербурга в XVIII - XX вв., храмам и святыням Александро-Невской лавры, реставрации монастырских ансамблей Тихвина, Зеленца и Св.Горы Афон, новомученикам и исповедникам Российским.

14/27 октября зарегистрирован новый приход храма свт.Николая Чудотворца в пос.Мга Кировского района области. Настоятелем прихода назначен священник Владимир Чупов.

17/30 октября в Иоанновском женском монастыре состоялось переложение в раку останков чтимой в народе первой настоятельницы обители схиигумении Ангелины (Сергеевой) († 1926), чьи останки были перенесены в монастырь с Никольского кладбища Александро-Невской лавры. Утром **21 октября/3 ноября** состоялось их погребение в усыпальнице монастыря, в подземном храме свв.пророка Илии и блаж.царицы Феодоры, в крипте обители, рядом с гробницей св.прав.Иоанна Кронштадтского. По преданию, погребение схиигумении Ангелины в Иоанновском монастыре, будет предшествовать должествующему последовать за этим обретению мощей Всероссийского пастыря.

В ночь с четверга на пятницу, **18/31 октября**, в Афинах (Греция) зверски убит монах Иосиф (Муньос), хранитель чудотворной Иверской-мирооточивой иконы Божией Матери. Судьба чудотворного образа неизвестна.

20 октября/2 ноября — во вторую годовщину кончины митрополита С.-Петербургского и Ладожского Иоанна панихиды по приснопамятному архипастырю служились в течение всего дня на его могиле на Никольском кладбище Лавры.

В день памяти новосвященномученику Иоанна Кочурова у поклонного креста на месте Екатерининского собора в Царском Селе

Введенский собор и часовня св. Александра Невского. На ее месте строится здание ресторана "Макдональдс"

В день Русской скорби, **25 октября/7 ноября** — 80-ю годовщину большевистского переворота, православными установлен крест на месте алтаря Введенского собора лейб-гвардии Семеновского полка, над братской могилой 26-ти офицеров полка — героев Отечественной войны 1812 г., Русско-турецкой 1877–78, Японской и Первой Мировой (1914–17 гг.) войн. Собор, стоявший на Загородном проспекте, 47, напротив Витебского вокзала и храмовая часовня св. Александра Невского в честь чудесного спасения Царской Семьи при крушении поезда в Борках в 1888 г. были снесены в 1932–33 гг. Ныне на святом месте (непосредственно на фундаменте часовни св. Александра Невского) строится ресторан «Макдональдс».

В 80-ю годовщину восстания юнкеров в Петрограде, **27 октября/9 ноября** панихиды по погибшим были отслужены у поклонного креста воинам Северо-Западной Белой армии на Пулковской горе, а также в ряде храмов епархии. На братской могиле юнкеров на Смоленском кладбище был установлен и освящен крест в память о погибших.

В канун 80-летия со дня мученической кончины протоиерея Иоанна Кочурова, пресвитера Царскосельского, **29 октября/11 ноября** в здании церковно-приходской школы Софийского собора в Царском Селе состоялся семинар памяти новомученика. После молебна сщмч. Иоанну, отслуженного в соборе местным причтом, были прочитаны доклады памяти о. Иоанна преподавателями С.-Петербургских Духовных школ, а также клириками Софийского собора прот. Геннадием Зверевым и свящ. Олегом Скоморохом.

Епархиальное собрание

Во вторник, **18 ноября**, в Зеркальном зале Екатерининского дворца в Царском Селе состоялось очередное епархиальное собрание. Перед началом собрания, в 10 часов утра, был отслужен торжественный молебен недавно прославленному священномученику Иоанну Кочурову, пресвитеру Царскосельскому. Затем со вступительным словом к собравшимся обратился митрополит С.-Петербургский и Ладужский Владимир.

У поклонного креста на месте разрушенного в 1931—33 г.г., Введенского собора лейб-гвардии Семеновского полка, на могилах 26 воинов-героев участников Отечественной войны 1812 г., Русско-Японской и I Мировой 1914—17 г.г. войн

Владыка Владимир рассказал собравшимся о нынешнем положении Русской Православной Церкви, и, приведя некоторые данные, характеризующие ее количественный рост, отметил также, что она приобретает все больший авторитет у граждан нашего Отечества. Владыка подчеркнул, что у нас сложились добрые отношения с городскими и областными властями, а также с представителями дипломатического корпуса иностранных государств, имеющих консульства в нашем городе. Благодаря этому многие представители нашего духовенства имеют возможность совершать паломничества на Святую Землю.

Прошедший год в нашей епархии был отмечен канонизацией святителя, митрополита Петроградского Серафима (Чичагова), который теперь является нашим заступником и ходатаем перед Господом. Также предстоит канонизация святителя Илариона (Троицкого), который похоронен в нашем городе, на кладбище Новодевичьего монастыря на Московском проспекте. Имеются также предложения о канонизации иеросхимонаха Серафима Вырицкого. В связи с этим на Епархиальном совете предполагается создать специальную комиссию, которая подготовит все необходимые документы и обратится с ходатайством в Священный Синод.

Молебен перед началом Епархиального собрания

В нашей епархии продолжается возрождение монашеской жизни. Возрожден Черемнецкий монастырь, принявший первых насельников, утверждена настоятельница Тервенического женского монастыря. По случаю возведения Александро-Невского монастыря на степень лавры в епархии 5-6 декабря состоятся торжества.

Закончил свое выступление Владыка словами апостола Павла из его послания к Фессалоникийцам: «Какую благодарность можем мы воздать Богу за вас, за всю радость, которою радуемся о вас пред Богом нашим, ночь и день всеусердно молясь о том, чтобы видеть лице ваше и дополнить, чего не доставало вере вашей? Сам же Бог и Отец наш и Господь наш Иисус Христос да управит путь наш к вам. А вас Господь да исполнит и преисполнит любовью друг к другу и ко всем, какою мы исполнены к вам, чтобы утвердить сердца ваши непорочными во святине пред Богом и Отцем нашим в пришествие Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его. Аминь» (1Фес.3,9-13).

Затем слово было предоставлено секретарю Епархиального совета прот. Александру Кудряшову, а вслед за ним выступили председатели отделов Епархиального управления с докладами о своих достижениях и проблемах.

По окончании прений состоялись выборы новых членов Епархиального совета. Далее участники собрания приняли специальное обращение, в котором не только отмечаются положительные моменты в жизни епархии, но и выражается порицание тем силам, которые стремятся нарушить мир церковный.

После заключительного слова Владыки Владимира Епархиальное собрание завершилось совместной молитвой.

В праздник св. вмч. Георгия Победоносца, **26 ноября/9 декабря**, отмечавшийся в России как праздник Георгиевских кавалеров, был отслужен молебен св. Георгию и произведена закладка капсул с землей из палестинского города Лидды, от гробницы св. вмч. Георгия в алтарь строящегося храма св. Георгия в Купчине. Благотворительным Георгиевским фондом и приходом храма в Купчине в этот день были возложены венки к памятнику Императрице Екатерине II, учредительнице (1769) ордена св. Георгия.

В этот же день усердием общественного фонда "Средняя Рогатка" и приходом храма св. Георгия Победоносца на Средней Рогатке был отмечен праздник св. Георгия и в старинном селе Ложголово Сланцевского района. В стенах восстанавливаемого храма св. Георгия Победоносца, закрытого в 1965 году, был отслужен молебен по случаю праздника и панихида по новым мученикам Ложноголовским иерею Михаилу Иевлеву и иже с ним убиенным (†1937). Затем состоялся крестный ход по селу к часовне св. Георгия, сооруженной на месте его чудесного явления. Восстановление храма планируется завершить в 1998 г., когда селу Ложголово исполнится 500 лет.

В праздник свт. Николая Чудотворца **6/19 ноября** был отслужен молебен у стен храма свт. Николая Чудотворца и мц. Царицы Александры (Путиловской) на пр. Стачек, по случаю престольного праздника. Община храма настаивает на возвращении его верующим, — в первую очередь, — пещерной (нижней) церкви св. Георгия, где была усыпальница Путиловых, и б. церковного дома, а также планирует восстановление храмовой часовни.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОЧИВШИМ

Заштатный протоиерей **ИГОРЬ ТИХОМИРОВ**,
служивший в церкви Казанской иконы Божией Матери
с. Большие Поля Сланцевского района
† **8/21 апреля 1997 г.**

Протоиерей **ОЛЕГ БЕКАРЕВИЧ**
настоятель Князь-Владимирской церкви
пос. Лисий Нос
† **23 мая/4 июня 1997 г.**

Протоиерей **СЕРГИЙ ЧЕВЯГА**,
ключарь Свято-Троицкого собора
Александро-Невской Лавры
† **24 июня/7 июля 1997 г.**

Протоиерей **АНАТОЛИЙ МЕТЕЛИЦА**
настоятель церкви Воскресения Словущего
с. Яблоницы Волосовского района
† **1/14 июля 1997 г.**

Протоиерей **ВЛАДИМИР СИДОРОВ**
настоятель церкви Свв. Апостолов Петра и Павла
в Вырице
† **14/27 июля 1997 г.**

Заштатный протоиерей **АЛЕКСАНДР АНИСИМОВ**,
проживавший в С.-Петербурге на покое, бывший
прежде настоятелем Свято-Троицкой церкви
г. Всеволожка
† **3/16 октября 1997 г.**

АРХИЕРЕЙСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ И РУКОПОЛОЖЕНИЯ

В воскресенье, **1/14 сентября**, митрополит С.-Петербургский и Ладожский Владимир совершил Божественную литургию в Царскосельском Вознесенском Софийском соборе, после чего проследовал на Софийскую площадь, где им возле церковно-приходской школы собора был отслужен благодарственный молебен и совершена закладка богадельни на 25 мест – для одиноких и нуждающихся в помощи стариков. Строительство подобной богадельни в пос. Поги, на подворье Софийского собора, уже ведется усилиями прихода собора и жертвователей. Здание будет выполнено по образцу шведских богаделен. Современный проект предусматривает наличие у каждого призываемого собственной комнаты, удобную планировку и наличие всего необходимого медицинского и бытового оборудования. Обслуживание богадельни будет осуществляться силами общины. Строительство планируется завершить через полтора года.

5/18 сентября митрополит Владимир посетил завод АТИ (промышленная зона ст. Цветочная), где совершил освящение заводской домово́й церкви во имя иконы Божией Матери «Неупиваемая чаша». Настоятелем храма назначен священник Александр Захаров, настоятель церкви Богоявления Господня на Гутуевском острове. Последнее воскресенье каждого месяца здесь будет служить Божественная литургия. По четвергам вечером читается акафист мученику Вонифатию.

В канун праздника Рождества Пресвятой Богородицы, субботу **7/20 сентября**, митрополит С.-Петербургский и Ладожский Владимир посетил г. Приозерск (б. Кексгольм), где совершил в этот день всенощное бдение в соборе Рождества Пресвятой Богородицы, отметившем в этом году свое 150-летие, и являющимся ныне подворьем Коневского мужского монастыря. Величественный белый храм возвышается в самом центре города, издавна бывшего важным

духовным центром Православия в Западной Карелии и Восточной Финляндии. Основанный в середине XIX века, собор является старейшим из двух ныне действующих православных храмов города.

В самый день престольного праздника, **8/21 сентября**, при большом стечении молящихся митрополит Владимир в сослужении наместника Коневского Рождества Пресвятой Богородицы мужского монастыря архимандрита Назария (Лавриненко), братии обители и насельников Приозерского подворья, а также клириков Финляндской Православной Церкви, совершил в соборе Божественную литургию. В проповеди им было произнесено слово о значении Пресвятой Богородицы для нашего спасения. После литургии состоялся крестный ход вокруг храма, во время которого была совершена закладка нового здания подворья Коневского монастыря. Сооружение его будет вестись в камне, к востоку от собора, по проекту архитектора Билибина и включит в себя комплекс построек из четырех корпусов: домового храма, гостиницы, келий и хозяйственного корпуса. В церемонии закладки подворья приняли участие губернатор области В.А. Густов и местные администрация, поддерживавшие идею строительства. Надзор за строительными работами, которые решено начать в 1998 году, будет вести насельник Коневской обители иеромонах Виталий (Исаев), в прошлом – выпускник Мухинского художественно-промышленного училища.

Вечером в праздник Воскресения Словущего, канун Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, **13/26 сентября**, митрополит Владимир служил в Николо-Богоявленском кафедральном соборе всенощное бдение с выносом св. Креста и совершил чин воздвижения св. Животворящего Креста Господня.

Крестный ход в праздник Рождества Пресвятой Богородицы в Приозерске

За Божественной литургией в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня в Николо-Богоявленском кафедральном соборе

На следующий день, в самый праздник Воздвижения, **14/27 сентября**, Владыка совершил в том же храме Божественную литургию, за которой рукоположил псаломщика церкви Благовещения на Васильевском острове иподиакона Димитрия Казакова – во диакона, диакона Спасо-Парголовской церкви Ярослав Родионова – во пресвитера, назначив его штатным священником Спасо-Парголовского храма. В проповеди Владыка раскрыл смысл праздника и пояснил важность ношения каждым православным христианином нательного креста.

В праздник прп.Сергия, игумена Радонежского, **25 сентября/8 октября**, в Свято-Троицкой Сергиевой Приморской мужской пустыни состоялось первое с момента возвращения обители Русской Православной Церкви в 1993 году архиерейское богослужение.

В день престольного монастырского праздника Пустынь посетил митрополит С.-Петербургский и Ладужский Владимир, совершивший по этому случаю в главном Сергиевском храме обители Божественную литургию в сослужении благочинного монастырей архимандрита Назария (Лавриненко), духовника Лавры и Петербургских Духовных школ архимандрита Кирилла (Начиса), Епархиального секретаря и благочинного Царскосельского округа протоиерея Александра Кудряшова и братии самой обители во главе с настоятелем иеромонахом Николаем (Парамоновым). За богослужением пели монашеские хоры самой обители и Александро-Невской Лавры. Затем состоялся многолюдный крестный ход вокруг храма, во время которого был отслужен водосвятный молебен, а также совершалось поминовение основателя обители архимандрита Варлаама и всех прежде почивших братьев обители.

В проповеди Владыка митрополит рассказал о почитании св.Сергия на Руси и значении преподобного в его жизни. Владыка подчеркнул свое особо теплое чувство и волнение при встрече с Пустынью, ибо ей была посвящена кандидатская митрополита Владимира, в бытность его студентом С.-Петербургской Духовной академии. В завершение проповеди архипастырь пожелал братии успешных трудов во славу Божию и для духовного процветания обители. После праздничной трапезы Владыка осмотрел храмы, некрополь, корпуса и хозяйственные постройки монастыря.

В престольный праздник св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова **26 сентября/9 октября** в храме С.-Петербургских Духовных академии и семинарии митрополит С.-Петербургский и Ладужский Владимир совершил Божественную литургию в сослужении Владыки-ректора Преосвященного Константина, епископа Тихвинского, а также прибывших на торжество Преосвященных: Димитрия, епископа Тобольского и Тюменского, Тихона, епископа Архангельского и Холмогорского и архиепископа Михаила (б.Вологодского), пребывающего ныне на покое, а также сонма клириков – преподавателей Духовных школ, богомольцев и гостей, приглашенных на торжество.

После литургии был отслужен молебен св. Апостолу Иоанну Богослову по случаю праздника. Владыка

Приобщения детей в праздник св. Ап. Иоанна Богослова в храме С.-Петербургских Духовных школ

Владимир поздравил с праздником учащихся и учащихся Духовных школ. Краткое напутственное слово произнес также епископ Константин. Затем он показал гостям условия жизни семинаристов и обучающихся в регентском классе. За братской трапезой, куда были приглашены все пришедшие на торжество, митрополит Владимир произнес краткое слово, вспомнив годы своего обучения в стенах «Alma mater».

После этого в актовом зале Преосвященным епископом Константином был открыт годичный акт, в ходе которого состоялось награждение хорошо успевающих воспитанников семинарии и студентов академии книгами и памятными подарками. Инспектор С.-Петербургских академии и семинарии проф. прот. Георгий Тельпис зачитал годовой отчет Духовных школ, а представитель Преосвященного Евгения, епископа Вереяского, ректора Московских Духовных школ архим.Платон прочел приветствие и поздравления с праздником от Московских Духовных школ.

С актовой речью «Венец жизни священномученика Вениамина митрополита Петроградского» выступил проф. прот. Владимир Сорокин. Секретарь Совета Духовных школ прот.Сергий Рассказовский огласил поздравительные телеграммы. С приветственным словом

Архипастыри осматривают келии воспитанников С.-Петербургской академии и семинарии

Награждение воспитанников Духовной семинарии

к собравшимся обратились: митрополит С.-Петербургский и Ладужский Владимир, епископ Тобольский Димитрий, епископ Архангельский Тихон, ректор Русского христианского гуманитарного института Д.К.Бурлак, представитель Законодательного собрания С.-Петербурга Ю.М.Наволодский.

В завершение состоялся концерт духовной, классической и народной музыки, исполненной женским (регент Е. Филонова) и мужским (регент О. Тараканов) хорами. Смешанный хор (регент А. И. Сорокина, партия фортепиано Л. Е. Гаазе) исполнил песнопения: «Ангел», на музыку А. Г. Рубинштейна, студенческий гимн «Гаудеамус» и многолетие собравшимся на торжество.

В воскресенье, **29 сентября/12 октября** митрополит Владимир совершил в храме Смоленской иконы Божией Матери на Смоленском кладбище Божественную литургию, за которой рукоположил выпускника С.-Петербургской Духовной семинарии чтеца церкви вмч.Димитрия Солунского в Коломьях Игоря Гноевого – во диакона, выпускника Одесской Духовной семинарии и студента С.-Петербургской Духовной академии, диакона петербургского Спасо-Преображенского собора Андрея Щербана - во пресвитера, с возложением на бедренника.

В канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы митрополит С.-Петербургский и Ладужский Владимир совершил всенощное бдение в Казанском соборе, а в самый праздник Покрова Пресвятой Богородицы **1/14 октября** – Божественную литургию в храме Покрова Пресвятой Богородицы при Техническом университете. В проповеди архиерей зачитал народу обращение Свящ.Синода, призвавшего не доверять критическим публикациям на церковные темы в ряде светских газет.

В канун праздника св.блгв.князя Владимира Ярославича Новгородского **4/17 октября**, дня тезоименитства митрополита С.-Петербургского и Ладужского Владимира архиерей совершил в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры всенощное бдение, а в самый праздник, – в сослужении епископа Тихвинского Константина, насельников Лавры и благочинных С.-Петербургской епархии, – Божественную литургию, за которой рукоположил выпускника

Архиерейское богослужение в праздник Покрова Пресвятой Богородицы в Покровской церкви Политехнического институт

С.-Петербургской Духовной семинарии, алтарника и псаломщика церкви Рождества Богородицы в селе Рождествено Гатчинского района Леонида Трофимука – во диакона, назначив его (с 7/20.11) штатным диаконом церкви Рождества Пресвятой Богородицы в с.Рождествено. В молебне св.блгв.князк Владимиру Ярославичу приняли участие около 60-ти клириков С.-Петербургской епархии, приехавших в Свято-Троицкий собор поздравить архиерея со днем Ангела.

Владыка Константин обратился к митрополиту Владимиру с приветственным словом, поднес ему адрес и новонаписанную учащимися иконописного класса С.-Петербургских Духовных школ икону св.Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. От духовенства и мирян епархии Владыку приветствовал настоятель Николо-Богоявленского кафедрального собора прот. Богдан Сойко.Букет белых астр с пальмовой ветвью поднес митрополиту Владимиру губернатор С.-Петербурга В.А.Яковлев. После литургии архиерей-именинник, епископ Константин и приехавший в этот день в С.-Петербург митрополит Нижегородский Николай, а также духовенство и гости прошли в Митрополичий корпус Лавры, где состоялась праздничная трапеза.

В праздник св. блгв. кн. Владимира Ярославича, день тезоименитства Владыки Владимира, в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры

Освящение новопостроенного храма Казанской иконы Божией Матери в Александровке.

В праздник Иверской иконы Божией Матери, воскресенье **13/26 октября**, в пос. Александровская, близ Царского Села состоялось освящение вновь выстроенной в камне церкви Казанской Божией Матери, на месте одноименной прежней, закрытой в 1927 г. и позже разрушенной, — а также служение в ней первой Божественной литургии. Храм выстроен на месте чудесного явления 27 апреля 1826 года крестьянке дер. Александровки Марфе Екимовой иконы Казанской Божией Матери, когда та на берегу реки Кузьминки, за своим домом, обрела явившийся в необыкновенном свете св.образ.

Утром митрополит С.-Петербургский и Ладужский Владимир в сослужении девяти клириков епархии совершил освящение престола и самого храма. Затем в переполненном богомольцами и пришедшими на торжество жителями Александровки храме Владыкой была совершена первая в стенах новоосвященного храма Божественная литургия. По запричастном стихе слово о постройке храма произнес настоятель Софийского Царскосельского собора прот.Геннадий Зверев. В нем он раскрыл смысл евангельских слов "На камени сем созижду Церковь мою, и врата ада не одолеют ей" (Мф. XVI, 18), пояснив их духовный смысл на примере крестного пути России, когда гонения безбожной власти не смогли одолеть Церкви Христовой, а восстановление поруганных святынь в нынешнее время — истинное и главное тому свидетельство.

Владыка митрополит преподнес в дар храму икону Владимирской Божией Матери и в проповеди своей сравнил воскресение Казанского храма в Александровке с воскрешением Христом сына Наинской вдовы, поблагодарив всех принявших участие в сооружении храма и пришедших на духовное торжество разделить молитву в нем. Особо Владыка отметил труды главы Балтийской строительной компании Игоря Александровича Найвальда, безвозмездно в течение 1996-97 гг. построившего Александровский храм. Ему была поднесена просфора и выражена сердечная признательность за благой труд по восстановлению святыни.

Новопостроенная церковь Казанской иконы Божией Матери
в пос. Александровская

Первая литургия в новоосвященной церкви

После литургии Владыка, духовенство и богомольцы приложились к местному Казанскому образу (древний, явленный, после закрытия и разорения храма был утрачен). Под праздничный колокольный звон, долго не смолкавший над Александровкой, богомольцы долго не расходились, любясь прекрасным храмом, а иные — молились возле креста, установленного на месте чудесного явления Божией Матери.

В канун праздника Казанской иконы Божией Матери митрополит С.-Петербургский и Ладужский Владимир совершил всенощное бдение в Князь-Владимирском соборе, в сослужении находившегося в эти дни в Петербурге епископа Элладской Православной Церкви. В проповеди Владыка сказал о стремлении к тому, чтобы кафедральным вновь стал Казанский собор.

В самый праздник **22 октября/4 ноября** Владыка митрополит совершил Божественную литургию в Казанском соборе, наградив клириков храма церковными наградами и сказав в проповеди о Казанской Божией Матери, как Заступнице и Хранительнице России от нашествия иноземных завоевателей.

В праздник вмч. Димитрия Солунского, **26 октября/8 ноября**, митрополит С.-Петербургский и Ладужский Владимир совершил по случаю престольного праздника в Димитриевской Коломяжской церкви Божественную литургию, за которой рукоположил воспитанника III класса С.-Петербургской Духовной семинарии иподиакона Александра Рябкова во диакона (командирован в храм св. Ап. Иоанна Богослова при С.-Петербургских Духовных школах), после чего состоялся крестный ход вокруг храма.

31 октября/13 ноября, в день 80-й годовщины со дня мученической кончины сщмч. Иоанна Кочурова, пресвитера Царскосельского, в Вознесенском Софийском соборе Царского Села митрополит Владимир совершил в сослужении соборного причта Божественную литургию. В проповеди Владыка пересказал народу житие первой жертвы большевиков, убиенного в 1917 году первомученика Русского духовенства, протоиерея Иоанна. Затем Владыка, сопровождаемый духовенством и богомольцами, проследовал к Соборной площади, где был отслужен молебен, и возложил цветы к подножию Креста, установленного в память священномученика над местом его погребения. К на-

Крестный ход в день престольного праздника в церкви вмч Димитрия Солунского в Коломягах

чалу молебна сюда же пришел крестный ход из Царскосельского Феодоровского Государева собора, почтивший память святого.

В праздник Св. Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных, **8/21 ноября**, митрополит Владимир совершил Божественную литургию в Ораниенбаумском соборе Архангела Михаила по случаю престольного праздника.

В воскресенье, **17/30 ноября**, митрополит Владимир совершил в Спасо-Парголовской церкви Божественную литургию, за которой рукоположил псаломщика и алтарника церкви Богоявления Господня на Гутевском острове иподиакона Максима Фионина во диакона (определен к прохождению богослужебной практики в Николо-Богоявленский кафедральный собор с 1.12.1997); иеродиакона Свято-Троицкой Сергиевой пустыни Варлаама (Переверзева) во иеромонаха, оставив его подвизаться в числе братии пустыни.

19 ноября/2 декабря, на память свт. Филарета, митрополита Московского, митрополит Владимир совершил в церкви Владимирской иконы Божией Матери Божественную литургию, за которой рукоположил студента I курса С.-Петербургской Духовной академии Давлетова — во диакона, назначив его штатным диаконом церкви прав. Иова Многострадального.

В канун праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы митрополит Владимир совершил всенощное бдение в церкви Владимирской иконы Божией Матери, а в самый праздник, **21 ноября/4 декабря**, там же, в сослужении причта храма — Божественную литургию, за которой рукоположил воспитанника С.-Петербургской

Торжество, посвященное 200-летию Александро-Невской Лавры. За литургией в Свято-Троицком соборе

Духовной семинарии, чтеца Ильинской церкви Константина Горбунова — во диакона, назначив его штатным диаконом церкви св. Илии Пророка на Пороховых, а диакона Ильинской церкви выпускника С.-Петербургской Духовной академии Александра Миронова — во иерея, назначив его штатным священником названного храма.

В этот же день епископ Константин совершил в Иоанно-Богословском храме С.-Петербургских Духовных школ Божественную литургию, за которой рукоположил студента 2 курса С.-Петербургской Духовной академии диакона Романа Даниленко во пресвитера.

Празднование 200-летия присвоения Александро-Невскому монастырю статуса Лавры

22-23 ноября/5-6 декабря 1997 г. — официальные дни празднования 200-летия Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. В 1797 году Высочайшим указом Императора Павла I монастырь св. блгв. вел. кн. Александра Невского становится Лаврой, четвертой и при этом самой молодой в России.

22 ноября/5 декабря, в Голубом зале митрополичьих покоев состоялся Торжественный акт, посвященный юбилею Лавры. После краткого вступительного слова митрополита С.-Петербургского и Ладожского Владимира были прочитаны доклады: насельника Александро-Невской Лавры иеромонаха Стефана (Садо): "Место Александро-Невской Лавры в истории России", преподавателя С.-Петербургской Духовной семинарии прот. Георгия Митрофанова: "С.-Петербургская Духовная академия и ее двухвековой путь в стенах Александро-Невской Лавры", академика А. М. Панченко: "О великокняжеской святости в истории Русской Православной Церкви" и сделано выступление сотрудником музея Городской скульптуры Ю. М. Пирютко: "Празднование дня св. Александра Невского в С.-Петербурге".

С приветственным словом перед собравшимися выступил еп. Тихвинский Константин, ректор С.-Петербургской Духовной академии и семинарии, были зачитаны приветствия по случаю юбилея ректором Педагогического университета им. Герцена Г. А. Бардовским и директором Российской Национальной

библиотеки В. Н. Зайцевым. С заключительным словом к собравшимся обратился Владыка Владимир.

Вечером состоялось праздничное всенощное бдение в Свято-Троицком соборе, которое совершил митрополит Владимир в сослужении епископа Константина, насельников Лавры и клира собора. В проповеди Владыка сказал о значении Лавры как духовного центра С.-Петербурга и России и восстановлении ее ныне.

На следующий день, в самый праздник, **23 ноября/6 декабря** в Свято-Троицком соборе митрополит Владимир возглавил служение Божественной литургии, а затем молебен св. благоверному князю у его свв. мощей по случаю праздника. Днем в Золотом зале Митрополичьих покоев Александро-Невской Лавры митрополитом Владимиром был дан праздничный прием.

В канун праздника свт. Николая Чудотворца **5/18 декабря**, митрополит Владимир в сослужении преосвященного епископа Константина совершил всенощное бдение в Николо-Богоявленском кафедральном соборе, после чего освятил малым освящением верхний Богоявленский храм собора (после произведенного там косметического ремонта). На следующий день, в самый праздник, **6/19 декабря**, архипастырь в сослужении епископа Константина и причта собора при большом стечении богомольцев, совершил там же Божественную литургию, за которой рукоположил выпускника С.-Петербургской Духовной семинарии псаломщика церкви свв. Апп. Петра и Павла в Любани иподиакона Михаила Васильева — во диакона, назначил его (с 31 января 1998 г.) штатным диаконом Петропавловской церкви в Любани.

После литургии Владыка Владимир произнес проповедь и поздравил собравшихся с праздником свт. Николая, а затем вручил церковные награды многочисленным

За Божественной литургией в праздник свт. Николая в Николо-Богоявленском соборе

благодетелям и жертвователям, принимавшим участие в реставрации Николо-Богоявленского собора.

В воскресенье недели свв. праотец **15/28 декабря** митрополит Владимир совершил Божественную литургию в Андреевском соборе на Васильевском острове.

35 лет Архиерейской хиротонии митрополита С.-Петербургского и Ладожского Владимира

17/30 декабря, на память пророка Даниила, исполнилось 35 лет архиерейской хиротонии митрополита С.-Петербургского и Ладожского Владимира. В этот день в 1962 г. он был хиротонисан во епископа Звенигородского и с этого дня началось его архипастырское служение. В день юбилея митрополит Владимир возглавил служение Божественной литургии в Исаакиевском соборе С.-Петербурга, за которой Владыке сослужил Преосвященный Константин, епископ Тихвинский и более ста клириков епархии.

После литургии с приветственным словом к архиерею от профессорско-преподавательской корпорации С.-Петербургских Духовных школ обратился епископ Константин и настоятель Спасо-Преображенского собора протоиерей Николай Гундяев. Затем к клирикам и мирянам обратился Владыка Владимир. Он рассказал о своем 44-летнем пастырском служении и 35-летнем архипастырском.

Также тепло Владыку поздравили губернатор С.-Петербурга В. А. Яковлев, представитель администрации президента в С.-Петербурге С. Цыпляев и сослужившие архиерею клирики петербургских храмов.

Днем Владыка дал праздничный торжественный прием по случаю юбилея в Голубом зале Митрополичьих покоев.

19 декабря/1 января 1998 г., в канун дня памяти св. прав. Иоанна Кронштадтского, митрополит Владимир совершил всенощное бдение в домовая церкви Всех Святых при Кронштадтском Владимирском соборе. На следующий день, в самый праздник, он совершил там же Божественную литургию, по окончании которой произнес слово о св. прав. Иоанне Кронштадтском как светлом образе и примере истинного пастырства.

Затем Владыка осмотрел восстанавливаемый собор и другие святыни Кронштадта.

Торжественное богослужение в Исаакиевском соборе

*Всенощное бдение в церкви Всех святых
при Кронштадтском Владимирском соборе*

Рождественское богослужение в Казанском соборе

Праздничное всенощное бдение в конце праздника Рождества Христова в Казанском соборе возглавил митрополит С.-Петербургский и Ладожский Владимир в сослужении епископа Тихвинского Константина и многочисленного духовенства епархии. В Рождественский сочельник Казанский собор был заполнен православными прихожанами. В величественном соборе праздничное богослужение проходило торжественно. Этот собор, закрытый еще в эпоху "пятилеток безбожия", превращенный в место атеистической пропаганды, вновь ожил для соборной молитвы, обращенной к Богу.

По окончании богослужения к своей пастве обратился правящий архиерей. Владыка митрополит поздравил клириков и всех православных мирян с великим праздником Рождества Христова. Он сказал, что в этом соборе, как нигде, видна победа веры Христовой над безбожием и отметил, что в ближайшем будущем Казанский собор должен вновь стать кафедральным собором С.-Петербургской епархии.

*Праздник Богоявления Господня. Митрополит Владимир
совершает чин великого освящения воды.*

На следующий день, в самый праздник Владыка совершил в Николо-Богоявленском кафедральном соборе Божественную литургию. В поспразднство Рождества Христова и празднование Собора Пресвятой Богородицы, **26 декабря/8 января**, Владыка митрополит совершил в сослужении епископа Константина и более ста клириков петербургской епархии Великую вечерню в Исаакиевском соборе. К празднику Рождества Христова Владыка наградил духовенство и благодетелей, принявших участие в восстановлении храмов епархии, церковными наградами.

5/18 декабря, в Крещенский сочельник митрополит С.-Петербургский и Ладожский Владимир совершил торжественное богослужение и чин освящения воды в Николо-Богоявленском кафедральном соборе. Множество верующих в этот день пришло в собор, чтобы помолиться и взять освященной воды.

В самый праздник Богоявления, **6/19 декабря**, Владыка митрополит совершил в Николо-Богоявленском соборе Божественную литургию, по окончании которой был совершен чин великого освящения воды.

Всенощное бдение в праздник Рождества Христова в Казанском соборе

СВЯТЫЕ ОТЦЫ ЦЕРКВИ

Свт. Василий Великий

О ТОМ, ЧТО БОГ НЕ ВИНОВНИК ЗЛА

Много видов учения, какие через священного псалмопевца Давида показал нам действовавший в нем Дух. Иногда пророк, описывая собственные свои страдания и мужество, с каким переносил он встречавшееся с ним в жизни, в примере своем оставляет нам самое полное учение о терпении. Например, когда говорит: Господи, что ся умножиша стужающи ми (Псал. 3, 1)? А иногда изображает он Божию благодать и скорость помощи, какую подает Бог истинно взыскавшим Его; и тогда говорит: внегда призвати ми, услыша мя Бог правды моея (Псал. 4, 2), выражаясь равносильно с другим пророком, который сказал: еще глаголющу ти, речет: се приидох (Ис. 58, 9), то есть, не успел я окончить призывание, как слух Божий внял уже конец призывания.

Еще, принося молитвы и моления к Богу, научает нас, каким образом живущие во грехах должны умиловать Бога. Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеша мене (Пс. 6, 2). А в двенадцатом псалме показывает какую-то продолжительность искушения словами: доколе Господи, забудеши мя до конца (2 ст.) и в продолжение всего псалма учит нас не терять бодрости в скорбях, но ожидать Божией благодати, и знать, что Бог по особенному домостроительству предаст нас скорбям, по мере веры каждого посылая в меру испытаний.

Поэтому, сказав: доколе, Господи, забудеши мя до конца? и: доколе отвращаеши лице Твое от мене? тотчас переходит к зломыслию людей безбожных, которые, едва встретят хотя малое огорчение в жизни, не перенося затруднительности обстоятельств, тотчас начинают колебаться в мыслях: имеет ли Бог попечение о здешнем мире, на-

зидает ли за делами каждого, воздаст ли каждому должное? Потом, когда видят, что неприятное их положение все еще продолжается, утверждают в себе лукавое мнение, и решительно говорят в сердце своем, что нет Бога. Рече безумен в сердце своем: несть Бог (Пс. 13, 1). А кто вложил себе это в ум, тот уже без осторожности вдается во всякий грех. Ибо ежели нет называющего, нет воздающего каждому по достоинству того, что сделано в жизни; то воспрепятствует ли что притеснять нищего, убивать сирот, умерщвлять вдову и пришельца, отваживаться на всякое нечестное дело, осквернять себя нечистыми и мерзкими страстями, всякими скотскими вожделениями? Посему, как следствие мысли, что нет Бога, пророк присоветовал: растлеша и омерзися в начинаниях. Ибо невозможно совратиться с правого пути тому,

кто не болезнует в душе забвением Бога. Почему язычники преданы в неискусен ум и творят неподобное (Рим. 1, 28)? Не потому ли, что сказали: несть Бог? Почему они впали в страсти бесчестия, и жены их измениша естественную подобу в предъестественную, и мужи на мужей студ содевают (26, 27)? Не потому ли, что измениша славу нетленного Бога в подобие скотов, и четвероног и гад (23)?

Поэтому, как действительно лишенный ума и смысла, безумен тот, кто говорит: несть Бог. Но близок к нему и ни мало не уступает ему в бессмыслии и тот, кто говорит, что Бог — виновник зла. Я полагаю, что грех их равно тяжек; потому что оба равным образом отрицают Бога благого, один говоря, что Бога нет, а другой утверждая, что Он не благ. Ибо, если Бог — виновник зла, то очевидно не благ. А поэтому в том и другом случае отрицается Бог. «От чего

же, говорят, болезни? От чего безвременная смерть? От чего истребление городов, кораблекрушения, войны, голодные времена? Это есть зло, продолжают, и между тем все это — Божие произведение.»Поэтому кого же иного, кроме Бога, признаем виновником происходящего? Итак, поелику коснулись мы сего часто повторяемого вопроса; то, возводя слово к какому-нибудь всеми принятому началу и тщательнее разобрав предложенный предмет, попытаемся сделать на него внятное и несбивчивое объяснение.

Предварительно должны мы утвердить в мыслях своих одно следующее: поелику мы творения благого Бога и состоим во власти Того, Кто устрояет все до нас касающееся, и важное и маловажное, то не можем ничего потерпеть без воли Божией, и если что терпим, оно не вредно, или не таково, чтоб можно было примыслить что-либо лучшее. Ибо, хотя смерть от Бога, однако же, без сомнения, смерть не зло; разве кто назовет злом смерть грешника; потому что для него переходение отсюда бывает началом мучений во аде. Но опять не Бог причиной зол во аде, а мы сами; потому что началом и корнем греха от нас зависящее, наша свобода. Удержавшись от зла, могли бы мы не терпеть ничего бедственного. Но поелику уловлены сластолюбием в грех; то можем ли представить какое благовидное доказательство, что мы не сами для себя сделали виновниками горестей?

Поэтому иное зло только в нашем ощущении, а иное зло в собственной своей природе. Зло само в себе зависит от нас, таковы: неправда, распутство, неразумие, робость, зависть, убийства, отравы, лживые дела, и все однородные с сими недостатки, которые, оскверняя душу, созданную по образу Сотворившего, обыкновенно помрачают ее красоту. Еще злом называем, что для нас трудно и болезненно для ощущения: телесную болезнь, телесные раны, недостаток необходимого, бесславие, ущерб имения, потерю родных. Между тем, каждое из сих бедствий мудрый и благий Владыка посылает нам к нашей же пользе. Богатство отнимает у тех, которые употребляют его худо, и тем сокрушает орудие их неправды. Болезнь насылает тем, кому полезнее иметь связанные члены, нежели беспрепятственно устремляться на грех. Смерть насылается на тех, которые достигли предела жизни, какой от начала положен в праведном суде Бога, издавек предусмотревшего, что полезно для каждого из нас.

А голод, засухи, дожди суть общие какие-то язвы для целых городов и народов, которыми называется зло, преступившее меру. Посему, как врач, хотя производит в теле труды и страдания, однако же благодетелен, потому что борется с болезнью, а не с больным; так благ и Бог, Который частными наказаниями устрояет спасение целого. Ты не ставишь в вину врачу, что он иное в теле режет, другое прижигает, а другое совершенно отнимает; напротив того, даешь ему деньги, называешь его спасителем; потому что остановил болезнь в небольшой части тела, пока страдание не разлилось во всем теле. А когда видишь, что от землетрясения обрушился на жителей город, или что на море с людьми разбился корабль; не боишься подвинуть хульный язык на истинного Врача и Спасителя. Но тебе надлежало разуметь, что в болезнях, умеренных и излечимых, люди получают пользу от одного об них попечения; а когда оказывается, что страдание не уступает врачебным средствам, тогда необходимым делается отделение поврежденного,

чтоб болезнь, распространяясь на соприкосновенные с ним места, не перешла в главные члены. Посему, как в резании и прижигании не виновен врач, а виновна болезнь; так и истребления городов, имея началом чрезмерность грехов, освобождают Бога от всякой укоризны.

Но говорят: «Если Бог не виновен в зле, то почему же сказано: Аз устроивый свет, и сотворивый тму, творяй мир и зиждяй злая (Ис. 45, 7)? И еще говорится: снidoша злая от Господа на врата Иерусалимля (Мих. 1, 12). И: несть зло во град, еже Господь не сотвори (Ам. 3, 6). И в великой песне Моисеевой сказано: видите, видите, яко Аз есмь, и несть Бог разве Мене: Аз убию и жити сотворю, поражу, и Аз исцелю» (Втор. 32, 39).

Но для разумеющего смысл Писания, ни одно из сих мест не заключает в себе обвинения Богу, что Он виновник и творец зла.

Ибо сказавший: Аз устроивый свет и творяй тму, объявляет чрез сие, что Он Создатель твари, а не творец зла. Творцом же и Художником того, что в твари кажется противоположным, наименовал Он Себя, чтобы ты не подумал, будто бы иной есть виновник света, и иной — виновник тьмы, и чтобы ты не стал искать иного создателя огня, иного — воды, иного — воздуха, иного — земли; потому что стихии сии, по противоположным своим качествам, представляются несколько одна другой противоборствующими; как и действительно случилось с некоторыми, — от чего соvertedились они в многобожие.

Творит же мир, и зиждет злая. Особенно творит мир в тебе, когда добрым учением умиротворяет ум твой, и умиряет страсти, восстающие на душу. Зиждет злая, то есть, преобразует зло и ведет к лучшему, чтоб оно, перестав быть злом, приняло в себя свойство добра. Сердце чисто созижди во мне, Боже (Пс. 50, 12). Не вновь сотвори, но обнови обветшавшее от греха. И: да оба созиждет во единого нового человека (Еф. 2, 12). Да созиждет не в том смысле, чтоб произвести из небытия, но в том, чтоб преобразовать существующее. И: аще кто во Христе, нова тварь (2 Кор. 5, 17). И еще Моисей говорит: не сам ли сей отец твой стяжа тя, и сотвори тя, и созда тя (Втор. 32, 6)? Здесь слово: создание, поставленное после слова сотворение, ясным образом дает нам разуметь о себе, что оно весьма часто употребляется в значении улучшения. Посему Творяй мир творит мир чрез созидание зла, то есть чрез преобразование и приведение зла в лучшее.

Сверх того, если под словом «мир» будешь разуметь освобождение от войн, а злом назовешь трудности, сопровождающие воюющих, дальние походы, труды бдения, беспокойства, пролитие пота, раны, убийства, взятие городов, порабощения, отведение в плен, жалкий вид пленных и вообще все скорбные последствия войн, то утверждаю, что сие бывает по праведному суду Божию; Бог в войнах насылает казни на достойных наказания. Или тебе хотелось бы, чтоб Содом не был сожжен после незаконных его дел? чтоб Иерусалим не был разрушен и храм опустошен после ужасного неистовства иудеев против Господа? Но как же иначе справедливо было совершиться сему, как не руками римлян, которым предали Господа нашего враги жизни своей иудеи? Поэтому иногда справедливость требует, чтобы зло, поражаемое войною, насылаемо было на достойных того.

И слова: Аз убию и жити сотворю, принимай, если угодно, в первом представляющемся тебе смысле. Ибо лю-

дей простых наизидает и страх. Поражу и Аз исцелю. И это полезно даже в буквальном значении слов, потому что поражение внушает страх, а исцеление побуждает к любви.

Но тебе можно найти в сказанном и высший смысл. Аз убью — грехом, и жити сотворю — правдою. Ибо в какой мере внешний наш человек тлеет, в такой внутренний обновляется (2 Кор. 4, 16). Посему разумеи не так, что одного убивает, а другого жити творит, но что одного и того же оживотворяет тем самым, чем убивает, и исцеляет тем, чем поражает, согласно с Притчею, которая говорит: ты побиеши его жезлом, душу же его избавиши от смерти (Притч. 23, 14). Поэтому поражается плоть, чтоб исцелилась душа; умерщвляются грехи, чтоб жила правда.

А слова: снидоша злая от Господа на врата Иерусалимля, сами в себе заключают объяснение. Какие злая? Шум колесниц и конников (Мих. 1, 13).

Когда же слышишь: несть зло во град, еже Господь не сотвори, слово «зло» понимай так, что Писание разумеет под оным бедствия, посылаемые на грешников к исправлению прегрешений. Ибо сказано: озлобих тя, и голодом заморих, да благо тебе сотворю (Втор. 8, 3, 16), остановив неправду прежде, нежели разлилась она до безмерности, как поток, удерживаемый какою ни есть твердою плотиною и преградою.

Поэтому болезни в городах и народах, сухость в воздухе, бесплодие земли, и бедствия встречающиеся с каждым в жизни, пресекают возрастание греха. И всякое зло такого рода посылается от Бога, чтоб предотвратить порождение истинных зол. Ибо и телесные страдания и внешние бедствия измышлены к обузданию греха. Итак, Бог истребляет зло, а не от Бога зло. И врач истребляет болезнь, а не влагает ее в тело. Разрушения же городов, землетрясения, наводнения, гибель воинств, кораблекрушения, всякое истребление многих людей, случающееся от земли, или моря, или воздуха, или огня, или какой бы то ни было причины, бывают для того, чтоб уцеломудрить оставшихся, потому что Бог всенародные пороки уцеломудривает всенародными казнями. Посему в собственном смысле зло, то есть, грех, — это зло, наиболее достойное сего наименования, зависит от нашего произволения, потому что в нашей воле — или удержаться от порока, или быть порочным. А из прочих зол, иные как подвиги, бывают нужны к показанию мужества. Например, Иову лишение детей, истребление всего богатства в одно мгновение времени и поражение гнойными струпами; а иные посылаются, как врачество от грехов, например, Давиду домашний позор служит наказанием за незаконное вожделение. И еще знаем страшные казни другого рода, насылаемые праведным судом Божиим, чтоб поплзновенных на грех соделать целомудренными. Например, Дафан и Авирон были пожраны землею в разверстыя под ними бездны и пропасти. Ибо здесь таковым родом наказания не сами они приводились к исправлению (возможно ли это для сошедших во ад?), но примером своим сделали целомудренными прочих. Так и Фараон потоплен был со всем войском. Так истреблены и прежние жители Палестины.

Посему, хотя Апостол называет таковых в одном месте сосудами гнева, совершенными в погибель (Рим. 9, 22), однако же не должны мы думать, что устройство Фараона было чем-нибудь худо (в таком случае вина справедливо падала бы на устроившего), а напротив того, когда слы-

шишь о сосудах, разумеи, что каждый из нас сотворен на что-нибудь полезное. И как в большом доме один сосуд золотой, другой серебряный, иной глиняный, и иной деревянный, а произвол каждого из нас имеет сходство с вещами сосудов, человек чистый по нравственности и не коварный есть сосуд золотой, а низший его по достоинству — сосуд серебряный, мудрствующий же земное и годный к сокрушению — сосуд глиняный, а удобно оскверняющийся грехом и делающий пищу для вечного огня — сосуд деревянный; так и сосудом гнева бывает тот, кто в себе, как в сосуде, вместил все внушения диавола, и по происшедшему в нем от порчи зловонию не может быть взят на какое-нибудь употребление, но достоин одного истребления и гибели. Поелику же надобно было его сокрушить, то разумный и мудрый Домостроитель душ устроил, чтоб он соделался знаменитым и для всех известным, а чрез сие, когда сам по чрезмерной порочности стал неисцелен, своим бедствием принес пользу другим. Ожесточил же его Бог, Своим долготерпением и замедлением в наказании, дав усилиться его греху, чтоб открылась на нем правда суда Божия, когда лукавство его возросло до крайнего предела. Почему, начав с меньших язв непрестанно умножая и усиливая казни, не смягчил его упорства, но нашел, что он и Божие долготерпение презирает и насылаемые на него бедствия переносит, как нечто привычное, даже и после этого не предал его смерти, пока он сам себя не потопил, в кипении сердца своего, отважившись идти путем праведных, и возмечтав, что Чермное море, как для народа Божия, так и для него будет проходимо.

Итак, наученный сему Богом, получив понятие о различных видах зла, зная, что такое — зло действительное, именно грех, которого конец — погибель, и что такое зло мнимое, болезненное для ощущения, но имеющее силу добра, как например, злострадания, насылаемые к обузданию греха, которых плоды — вечное спасение душ, престань огорчаться распоряжениями Божия домостроительства, и вообще не почитай Бога виновным в существовании зла, и не представляй себе, будто бы зло имеет особенную свою самостоятельность. Ибо лукавство не самостоятельно, подобно какому-нибудь животному, и сущности его не должны мы представлять себе чем-то получившим самостоятельность.

Зло есть лишение добра. Сотворен глаз; а слепота произошла от потери глаз. Поэтому, если бы глаз по природе своей не подлежал порче, не имела бы места слепота. Так и зло не само по себе осуществляется, но следует за повреждениями души. Оно не есть нерожденно, как говорят нечестивые, которые благу естеству делают равночестным естеству лукавое, признавая то и другое безначальным и высшим рождения; оно не есть и рожденно, потому что, если все от Бога, то как злу быть от благого? Безобразное не от прекрасного, порок не от добродетели. Прочти историю мироздания и найдешь, что там вся добра, и добра зело (Быт. 1, 31). Поэтому зло не сотворено вместе с тварями, которые добры. Но и умная тварь, происшедшая от Создателя, не с примесью лукавства приведена в бытие. Ибо если телесные твари не имели в себе присозданного зла, то умным тварям, которые столько отличны чистотою и святинею, как иметь общую со злом самостоятельность?

Однако же зло есть, и действие показывает, что его много разлито в целом мире. Поэтому говорят: «откуда же

зло, если оно и не безначально, и не сотворено?» Доискивающих чего-либо подобного спросим: откуда болезни? откуда телесные повреждения? Болезнь не что-либо нерожденное, она и не создание Божие. Напротив того, животные сотворены с таким устройством, какое им прилично по естеству, и введены в жизнь с совершенными членами, бывают же больны, уклонившись от того, что им естественно; ибо лишаются здоровья или от худого корма, или от другой какой болезнетворной причины. Следовательно Бог сотворил тело, а не болезнь. Поэтому же Бог сотворил душу, а не грех. Повредилась же душа, уклонившись от того, что ей естественно. А что было для нее преимущественным благом? Пребывание с Богом и единение с Ним посредством любви. Отпав от Него, она стала страдать различными и многовидными недугами. Почему же в ней есть общая приемлемость зла? По причине свободного стремления всего более приличного разумной природе. Не будучи связана никакой необходимостью, получив от Творца жизнь свободную, как сотворенная по образу Божию, она разумет доброе, умеет им наслаждаться, одарена свободой и силой, пребывая в созерцании прекрасного и в наслаждении умопредставляемым, соблюдать жизнь, какая ей естествена; но имеет также свободу и уклониться иногда от прекрасного. А сие бывает с нею, когда пресытившись блаженным наслаждением, и как бы в отягчении какою-то дремотою, ниспав с высоты горнего, входит в общение с плотью для гнусных наслаждений сластолюбием.

Горе был некогда Адам, не местопребыванием, но произволением; горе он был, как скоро получил душу, воззрел на небо, восхитился видимым, возлюбил Благодетеля, Который даровал ему наслаждение вечной жизнью, поставил его среди утех рая, дал ему начальство по подобию Ангелов, соделал его подобожителем Архангелов и слышателем Божественного гласа. При всем том, находясь под защитой Бога и наслаждаясь Его благами, скоро пресытился он всем, и как бы возгордясь своим пресыщением, умной красоте предпочел показавшееся приятным для плотских очей, и выше духовных наслаждений поставил наполнение чрева. Вскоре стал он вне рая, вне оной блаженной жизни, соделавшись злым не по необходимости, но по безразсудству. Поэтому он, как согрешил по причине худого произволения, так умер по причине греха. Оброцы бо греха, смерть (*Рим. 6, 23*). В какой мере удалился от жизни, в такой приблизился к смерти; потому что Бог — жизнь, а лишение жизни — смерть. Поэтому Адам сам себе уготовил смерть через удаление от Бога, по написанному: яко се удаляющий себе от Тебе, погибнут (*Псал. 72, 27*). Так не Бог сотворил смерть, но мы сами навлекли ее на себя лукавым соизволением. Бог не воспрепятствовал нашему разрушению по причинам, объясненным выше, чтоб самого недуга не сохранить в нас бессмертным, как и горшечник такого глиняного сосуда, который течет, не захотел бы положить в огонь, пока переделкою не будет исправлен находящийся в нем недостаток.

Но говорят: «почему в самом устройстве не дано нам безгрешности, так что нельзя было бы согрешить, хотя бы и хотели?» Потому же, почему и ты не тогда признаешь служителей исправными, когда держишь их связанными, но когда видишь, что добровольно выполняют перед тобой свои обязанности. Поэтому и Богу угодно не вынужденное, но совершаемое добродетельно. Добродетель же происхо-

дит от произволения, а не от необходимости; а произволение зависит от того, что в нас; и что в нас, то свободно. Посему, кто порицает Творца, что не устроил нас по естеству безгрешными, тот не иное что делает, как предпочитает природе разумной неразумную, природе, одаренной произволением и самодеятельностью, — неподвижную и не имеющую никаких стремлений.

Сие сказано в виде отступления, однако же по необходимости, чтоб ты, впад в глубину помыслов, при утрате вождеваемого тобою, не утратил вместе и Бога. Посему перестанем поправлять Премудрого. Перестанем доискиваться того, что было бы лучше им сотворенного. Хотя сокрыты от нас причины частных Его распоряжений; однако же утвердим в душах своих следующее положение: от Благого не бывает никакого зла.

К сему вопросу, по связи понятий, привходит другой и о диаволе. «Откуда диавол, если зло не от Бога?» Что скажем на сие? То, что и на сей вопрос достаточно нам того же рассуждения, какое представлено о лукавстве в человеке. Ибо почему лукав человек? По собственному своему произволению. Почему зол диавол? По той же причине, потому что и он имел свободную жизнь, и ему дана была власть, или пребывать с Богом, или удалиться от Благого. Гавриил — Ангел и всегда предстоит Богу. Сатана — Ангел, и совершенно ниспал из собственного своего чина. И первого соблюло в горних произволение, и последнего низринула свобода воли. И первый мог стать отступником, и последний мог не отпасть. Но одного спасла ненасытимая любовь к Богу, а другого сделало отверженным удаление от Бога. И это, отчуждение от Бога, есть зло. Небольшое обращение глаза производит, что мы или на стороне солнца, или на стороне тени своего тела. И там просвещение готово тому, кто взирает прямо; необходимо же омрачение тому, кто отвращает взор к тени. Так диавол лукав, имея лукавство от произволения, а не природа его противоположна добру.

Поэтому «отчего у него брань с нами»? От того, что, став вместилищем всякого порока, принял в себя и болезнь зависти, и позавидовал нашей чести. Для него несносна была наша беспечальная жизнь в раю. Коварством же и хитростями обманув человека, и употребив средством к обману то самое вожеление, какое имел человек уподобляться Богу, показал он древо, и обещал, что через вкушение сего плода человек станет подобен Богу. Ибо сказал: аще снете, будете яко бози, ведяще доброе и лукавое (*Быт. 3, 5*). Поэтому не создан он быть нашим врагом, но завистью приведен с нами во вражду. Ибо, видя, что сам низринут из Ангелов, не мог равнодушно смотреть, как земнородный чрез преуспеяние возвышается до ангельского достоинства.

А поелику стал он врагом, Бог соблюл в нас противление ему, когда, относя угрозу к нему самому, сказал зверю, который служил ему орудием: вражду положу между тобою и между семенем твоем (*Быт. 3, 15*). Ибо действительно вредны сближения с пороком, потому что у сближающихся такой закон дружбы составляется обыкновенно вследствие их сходства. Поэтому справедливо сказанное: тлят обычаи благи беседы злы (*1 Кор. 15, 33*).

Как в странах нездоровых понемногу вдыхаемый воздух зарождает в жителях болезнь, так знакомство с людьми негодными вносит в душу великое зло, хотя вред в настоящее время и неприметен для ощущения. Посему-то

непримирима вражда со змием. Если же орудие достойно такой ненависти, то не тем ли паче должны мы враждовать на действовавшего орудием?

Но говорят: «Для чего было в раю дерево, с помощью которого диавол мог успеть в злоумышлении против нас? Ибо, если бы не было у него обманчивой приманки, то как бы ввел нас в смерть чрез преслушание?» Оно было для того, что нужна была заповедь для испытания нашего послушания. Для того было растение, приносящее красивые плоды, чтоб мы, в уклонении от приятного, показав превосходство воздержания, по праву удостоились венцов за терпение. За вкушением же последовало не только преслушание заповеди, но и познание наготы. Ибо сказано: ядота, и отверзошася очи их, и разумеша, яко нази беша (Быт.3,6,7). А наготы знать не надлежало, чтоб ум человека, придумывая себе одежды и защиту от наготы, не развлекался заботою о восполнении недостающего, и чтоб вообще попечением о плоти не был он отвлекаем от внимательного устремления к Богу.

Но почему не устроено ему одежд тотчас по сотворении? Потому что не были приличны ни естественные, ни искусственные одежды. Одежды естественные свойственные бессловесным, таковы: перья, волосы и грубая кожа, способная защищать от холода и переносить зной. И в этом одно животное ни мало не преимуществует пред другим, потому что во всех природа одинакового достоинства. А человеку прилично было, по мере любви к Богу, получать отличные дарования благ. Упражнения же в искусствах произвели бы недосуг, чего наипаче надлежало избегать, как вредного для человека. Посему и Господь, снова призывая нас к райской жизни, истребляет в душах наших заботу, говоря: не печетесь душою вашею, что ясте, ни телом вашим. во что облечетесь (Мф.6,25). Поэтому неприлично было человеку иметь как естественные, так и искусственные покровы. Напротив того, если бы показал свою доблесть, для него приготовлены были иные покровы, которые бы, по Божией благодати, процвели на человеке, и стали осиявать его какими-то светлыми оболочками, подобными ангельским, превосходящими пестроту цветов, светлость и лучезарность звезд. По сей-то причине человеку не вдруг даны одежды, потому что они назначались ему в награду добродетели, но злость диавола не позволила человеку получить их.

Итак, диавол стал нашим противоборником вследствие падения, до которого доведены мы древле его злостиею. И по Господню домостроительству у нас с ним борьба, чтоб преобороти его послушанием и восторжествовали над противником. О если бы он не сделался диаволом, но пребыл в том чине, в каком вначале поставил его Чиноначальник! Но поелику стал он отступником, врагом Бога и врагом человеков, сотворенных по образу Божию (по той же причине он человеконенавистник, по какой и богоборец; он ненавидит нас как тварей Владыки, ненавидит и как Божие подобия); то мудрый и благопромыслительный Домо-

строитель дел человеческих воспользовался его лукавством к обучению душ наших, как и врач употребляет яд ехидны в состав спасительного врачевства.

«Кто был диавол? Какой его чин? какое достоинство? И кратко сказать: почему называется он сатаной?» Он — сатана, потому что противоборствует добру. Ибо таково значение еврейского слова, как знаем из книги Царств. Ибо сказано: воздвиги Господь на Соломона противника Адера, царя сирского (3 Цар.11,14). Диаволом же назван по тому, что бывает нашим и содейственным, и обвинителем в грех; радуется нашей гибели и позорит нас нашими делами. А природа его бесплотна, по словам Апостола, сказавшего: несть наша брань к крови и плоти, но к духовом злобы. И достоинство его начальственное. Ибо сказано: к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы сея (Еф.6,12). Место же начальствования в воздухе, как говорит тот же Апостол: по князю власти воздушныя, духа, иже ныне действует в сынех противления (Еф.2,2). Поэтому называется и князем мира, потому что начальство его в странах надземных. Так и Господь говорит: ныне суд есть миру сему: ныне князь мира сего изгнан будет вон (Ин.12,31). И еще: грядет князь мира сего, и во Мне не обретет ничесоже (Ин.14,30). Когда же говорится о воинстве диавола, что это духи злобы в поднебесных (Еф.6,12), то надобно знать, что Писанию обычно называть небом воздух, например: птицы небесные (Мф.6,26), и: восходят до небес (Псал.106,26), то есть высоко поднимаются в воздухе. Поэтому и Господь видел сатану, яко молнию, с небесе спадша (Лк.10,18), то есть свергнутого с собственного своего начальства, поверженного долу, чтоб попирали его возложившие упование на Христа. Ибо Он дал ученикам Своим власть наступити на змию и на скорпию, и на всю силу вражю (19).

Поелику же лукавое его мучительство свергнуто, и надземные места очищены спасительным страданием Умиротворившего яже на земли, и яже на небеси (Кол.1,16), то нам проповедуется уже царствие Божие. Так Иоанн говорит: приближися царствие небесное (Мф.3,2), и Господь повсюду проповедует Евангелие царствия (Мф.4,23); и еще прежде возглашают Ангелы: слава в вышних Богу и на земле мир (Лк.2,14); и веселящиеся о вшествии Господа нашего во Иерусалим восклицают: мир на небеси и слава в вышних (Лк.19,38). И вообще тысячи есть победных глагов, свидетельствующих о конечном низложении врага: почему нам не остается никакой борьбы и никакого подвига в горних, никто не противится и не отклоняет нас от блаженной жизни, но беспечально можем простираться вперед, чтоб навсегда наслаждаться древом жизни, которого приобщиться воспрепятствовало нам в начале коварство змия, потому что пристави Бог пламенное оружие хранити путь древа жизни (Быт.3,24). И сей-то путь совершив невоизбранно, да внидем в наслаждение красотою, о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки! Аминь.

ПРАВОСЛАВНОЕ ВЕРОУЧЕНИЕ

Прот. Михаил Помазанский

ЖИЗНЬ В ЦЕРКВИ – ЖИЗНЬ В БЛАГОДАТИ

*Прп. Симеон Новый Богослов и св. прав. о. Иоанн Кронштадтский
о Церкви и благодати*

Православная вера, исповедуемая в творениях отцов и учителей Церкви, едина у всех и всем им обща. Но вера есть жизнь, а жизнь не производит совершенно одинаковых штампов. Наличие индивидуального элемента сообщает творениям свежесть, жизненность, силу. В общей сумме святоотеческой письменности так создается многосторонность, богатство, полнота. Выявить индивидуальное, особое, характерное в творениях отдельных церковных писателей составляет одну из существенных задач при изучении святоотеческой письменности.

Но так как своеобразное здесь может представиться и уклоном от общего, не входящим в строгие рамки церковного учения, то поэтому важно бывает видеть соответствие у двух или нескольких церковных писателей в их характерном личном, устанавливать параллель и общность идей.

Не из книжного любопытства, не из теории и систематики подходит христианин к творениям и отдельным мыслям наших учителей веры, а чтобы воспринять от них наставления для самих себя, проверить собственные шаги, усвоить полезные для себя и других указания.

Прп. Симеон Новый Богослов и св. прав. о. Иоанн Кронштадтский – люди разных эпох, разных национальностей, их деятельность протекала в разных церковных условиях, различны они и по своим характеристикам и, наконец, по форме их писаний. Прп. Симеон заканчивает собой первое тысячелетие православной христианской мысли, о. Иоанн – второе тысячелетие. Прп. Симеон – монах и руководитель-пастырь монашества, о. Иоанн – приходской священник, служитель широких кругов церковного народа и «всероссийский пастырь». Нельзя указать никакой прямой зависимости творений о. Иоанна от творений прп. Симеона. Тем более достойно внимания совпадение их мыслей и наставлений в том именно, что на общем фоне христианской письменности представляется у каждого из них индивидуальным, характерным.

Скажем несколько слов о стороне формальной их писаний. Им обоим присуща горячность, живость слова, так отчетливо выражающая их убежденность и пастырскую ревность, хотя внешняя форма очень различна: у прп. Симеона, за малым исключением – «слова», т.е. цельные поучения; у о. Иоанна – преимущественно краткие записи в виде дневника. Они оба много богословствуют, настолько, что по творениям каждого из них можно было бы составить курс догматического богословия, между тем как оба по суще-

ству в своих писаниях проповедники молитвы, духовной работы над собой, учителя христианской жизни, а не догматисты. В этом отношении их творения – прекрасные показатели того, как неразрывно связаны между собою нравственное учение и догматы; здесь наглядное свидетельство, что христианское богословие есть единое целое и что разделение его на догматику и этику приводит к обоюдной односторонности.

Два предмета богословия привлекают внимание у обоих церковных писателей: учение о Церкви и учение о благодати.

Достойно внимания, что святоотеческая письменность эпохи вселенских соборов почти не занимается вопросами о догмате Церкви и о благодати; поэтому и «Изложение православной веры» прп. Иоанна Дамаскина, дающее синтез богословия предыдущих веков на Востоке, не содержит отделов или глав по этим двум предметам.

Именно два этих предмета стоят в центре внимания прп. Симеона и о. Иоанна, но с некоторым различием. Центральное место среди мыслей о. Иоанна занимает мысль о Церкви Христовой; жизнь во Христе есть жизнь в Церкви. Центром назидательного богословия прп. Симеона является учение о благодати: христианская жизнь есть жизнь в Духе Святом, жизнь в благодати. В этом порядке: а) о Церкви и б) о благодати – мы у них и почерпнем наставления.

О. Иоанн Кронштадтский особенно часто говорит о Церкви. Но в его размышлениях и наставлениях встречаем редко и как бы мимоходом речь о Церкви, как организации, или как о внешнем авторитете, о Церкви в ее земном бытии. Но его излюбленный предмет есть Церковь в полноте ее небесно-земной вселенскости. Церковь на земле для о. Иоанна есть та почва, стоя на которой и внедряясь в которую нам надлежит расти духовно вверх и удостаиваться здесь предвкушения блаженства Церкви Небесной. Об этой последней, о неразрывной связи с нею Церкви, воинствующей на земле, он всегда поучает с особым вдохновением и любовью, поучает настойчиво, постоянно, умиленно, внушая, что сама сущность христианства заключается в пребывании мыслью, сердцем, молитвой в этом объединенном небесно-земном мире.

«Какая тесная связь Церкви небесной и земной, какая любовь у Церкви! Смотрите: она непрестанно воспоминает, призывает в молитвах и прославляет за подвиги на земле, ради Христа подъятые, Церковь небесную; молится непрестанно за Церковь земную и ходатайствует за умерших в надежде воскресения, жизни вечной и общения с Богом и со Святыми. Необъятная любовь, величественная, божественная любовь! Будем входить в дух этой любви материей — Церкви православной и будем проникаться духом этой любви. Будем считать всех ближних членами своими, себя и их членами одного тела Церкви и деятельно любить их, как себя, — тогда мы сами будем членами Церкви небесной, и она будет деятельною и скоропослушливою нашей помощницею и молитвенницею о душах наших» (т. II, 227)*.

«Молясь Богородице, Ангелам и Святым, мы признаем их за одно таинственное тело Церкви, к коему принадлежим и мы, хотя мы и грешны, и веруем, что они по любви своей молятся Богу о нашем спасении; молясь сердечно о разных сословиях и лицах отечества земного и о всем мире, мы признаем себя тоже за одно великое тело со всеми, по духу любви и желанию всем добра столько же, сколько и себе; наконец, молясь об упокоении усопших, мы считаем и их за одно тело с нами, духовное тело, и желаем им мира и покоя в стране бессмертия, исповедуя, что они живы душами своими, и что мы также, может быть, очень скоро отойдем к ним. Вот плоды веры Христовой — единение любви со всеми — с небесными, земными и преисподними! Как высок дух Церкви! О, если бы мы возвысились до этого духа» (II, 193).

О. Иоанн пишет о протестантах: «Прервавши видимую связь со святыми, они через то порвали и связь невидимую, между тем как Церковь небесная и земная — едино тело; таким образом они прервали связь с умершими, потому что не молятся о них и не приносят жертв по душам их, жертв, которыми благоугождается милосердный Бог, и тем показывают свое неверие в силу молитв Церкви за умерших. Что же это за Цер-

ковь, — та церковь, которая неразумно и дерзновенно порвала связь с небесною Церковью торжествующею, прервала общение с умершими в молитвах и прервала общение с Церковью, исповедающею веру Христову в первобытной чистоте!? Есть ли это живое и святое тело Церкви? Можно ли назвать телом организованным и живым одно туловище без головы и без рук и без ног, без глаз и без ушей? (II, 187-8).

«Вси вы братия есте» (Мф. 23,8). «Любите друг друга» (Ин. 15,17). «Церковь, — пишет о. Иоанн, — Божие как бы великое святое семейство, в котором Бог — Отец, Пресвятая Богородица Матерь Господа нашего Иисуса Христа — Матерь наша, Ангелы и святые чело- веки — старшие братья, и мы все — братья единоутробные, порожденные Церковью в одной купели крещения Духом Святым. Младшие естественно обязаны почтением к старшим, естественно подчинены им, как несовершеннолетние, просят у старших молитв за себя у Бога, так как они друзья Божии, которых ходатайство с благоволением принимает Господь. У чад Отца Небесного молитва, предначинаемая Сыном Его: «Отче наш» (I, 384).

«Где я? Я на небеси. Как Церковь есть образование неба, так и все мы члены одной Церкви Божией, и все святые угодники Божии близки к нам, как члены одного таинственного тела Церкви, имеющего одну главу — Христа».

О святых Божиих о. Иоанн говорит: «всегда они в Боге с нами, и постоянно нас учат, руководят к жизни вечной, посредством составленных ими церковных служб, таинств, обрядов, поучений, установлений церковных, как — постов, праздников, — и, так сказать, вместе с нами служат, поют, говорят, поучают, помогают нам в разных искушениях и скорбях; призывай их, как живущих с тобой под одним кровом; прославляй, благодари их, беседуй с ними, как с живыми: — и ты будешь веровать в Церковь».

«Всяческая и во всех (в св. Ангелах, в святых чело- веках и в живущих или ревнующих жить свято на земле христианах) Христос» (Кол. 3,11). Итак, — объясняет эти слова апостола о. Иоанн, — Церковь — святые Божии, Матерь Божия, Ангелы, святители, мученики, преподобные, праведные и все святые тело Спасителя, и Он Сам — Глава их. Владычица Богородица — Начальница мысленного наздания, т.е. Владычица, и все святые — един дух с Господом: так они чисты, святые и такое отношение они имеют к Нему, такую связь имеют с Ним, как члены тела с головой, и один Дух в них дух Божий, как душа в едином теле, и един Бог и Отец в них. И мы — члены земной Церкви — едино тело» (I, 345).

Церковь в созерцании о. Иоанна есть «великий дом Божий, разделяющийся на две половины — небесную и земную» (I, 275). О. Иоанн не раз говорит о том нравственном, воспитательном значении, какое имеет такое величественное представление Церкви Божией для христианина. Приводя песнопение: «Ангельскую песнь вопием Ти Сильне: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас», он продолжает: «Ты славословишь с Ангелами, ты один собор, одну Церковь, одну семью Божию с ними состав-

* Первый том «Моя жизнь во Христе» о. Иоанна цитируется по новому изданию (1957 г.) Благов. Фонда о. Иоанна Кр., Ютика. Том второй — по изданию Москва 1899 г.

ляешь по благодати Господа Иисуса Христа. Ты жить по-ангельски должен — в постоянном бодрствовании над собою и над душами вверенных твоему попечению чад духовных; ты непрестанно должен славословить и благодарить Господа; ты должен стремиться к святости; ты должен жить в воздержании и посте, во всяком смиренномудрии и терпении. Да будет это по благодати Господа» (1, 227).

В таком постоянном духовном восприятии лика Церкви живет отец Иоанн. Не значит это, что его догматическая мысль ограничивается чисто духовным понятием Церкви. Он твердо сохраняет представление о Церкви земной воинствующей в том виде, как оно дается в катехизическом определении. Но он предостерегает нас, чтобы мы ни в нашей духовной жизни ни в наших умственных представлениях не оторвались от неба; чтобы мы не остановились своим упованием на факте пребывания в Церкви на земле; чтобы представление о Церкви не получило форму одной видимой, вполне законченной, увенчанной на земле куполом, самодовлеющей религиозно-воспитательной организации, вселенской только в смысле земном, не связало нашу мысль земным кругом и не отдалило этим от нас Небо.

О Церкви на земле о. Иоанн пишет: «Господь сказал о Церкви Своей: Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей (Мф. 16, 18). Это сказано как о пастырях Церкви, или иерархии церковной, и о всех истинно верующих, так и о всех таинствах, о всех догматах, заповедях св. православной веры и о всех чинопоследованиях таинств, например, литургии, священства, брака, крещения, миропомазания, елеосвящения, которые установлены на все века и прошли уже многие столетия и тысячелетия неизменно. Вот как тверда Церковь, основанная Господом!» (II, 16).

«Наша вера и Церковь подобны почтеннейшей, святой, богомудрой, твердейшей, нестареющей старце, в которой всегда живет юный, живой и оживляющий верных чад ее дух... Мы особенно должны почитать Церковь, благоговеть перед ее святостью, древностью, непоколебимой твердостью, перед ее богопросвещенной мудростью и духовной опытностью, перед душеспасительными ее заповедями и постановлениями, ее богослужением, таинствами и обрядами. Как не почитать ее уже за то одно, что она спасла в недрах своих несметное число людей, переселив их в место вечного покоя и радости, и, не забывая их по преставлении, оглашает их доньше на земле вечною хвалою и прославлением их доблестей, как верных чад своих! Где вы найдете более признательного друга, более нежную мать? Итак, да прилепляются христиане сердцами своими всецело к Церкви Христовой, да утверждают, в ней непоколебимо до скончания временной их жизни, да ревнуют все об исполнении всех ее заповедей и уставов и да обретают в ней спасение вечное о Христе Иисусе Господе нашем» (1, 148).

Как видим, нельзя упрекнуть о. Иоанна, что его сознанию предносится один мистический образ Церкви и что этим затемняется понятие видимой Церкви.

Нет необходимости продолжать выписку мыслей о. Иоанна, выражающих его мысли о Церкви в ее всеобъемлющей полноте. «Где я? Я на небеси!» Эти пять коротких слов суммируют то, что высказано на сотнях страниц его дневника.

Нельзя сказать, что в древней христианской письменности недостает такого восприятия Церкви, как небесно-земного тела Христова, какое выражено у о. Иоанна. Достаточно указать на литургические памятники, на творения св. Климента Александрийского (2 век), для которого Церковь на земле есть видимое отображение Церкви небесной, а Церковь в ее полноте есть непрерывно возрастающий организм, «тело», члены которого достигают полного совершенства на небе; также привести рассуждения св. Иоанна Златоуста: «Что такое едино тело? Верные всех мест вселенной, какие только существуют, существовали и будут существовать. Равно и те, которые до пришествия Господня угодили Богу, суть едино тело. Почему? Потому, что они знали Христа» (Бес. 10-я на послание к Ефес.). Можно привести свидетельства многих памятников древне-христианской письменности. Тем не менее, если бы собрать все места о Церкви из святоотеческой письменности, актов вселенских и поместных соборов, из богословской литературы востока и запада от ее начала до наших дней, то оказалось бы, что предметом речи в их огромном, подавляющем количестве является Церковь воинствующая на земле. Не трудно понять, почему это получается. Деяния соборов Церкви и заботы святителей, а также наставления отцов и учителей Церкви посвящены церковному строительству, происходящему на земле, и эти практические жизненные задачи отражаются соответствующим образом на церковной письменности: они сосредотачивают внимание на Церкви воинствующей.

Однако нужно признать недостатком догматической науки нашей эпохи, что она, находясь под чисто количественным давлением письменного исторического материала, не учитывая причин этого количественного превосходства, сама ограничивается, когда дает учение о Церкви, догматом о Церкви на земле; идея небесно-земного тела Церкви почти от нее ускользает; догматики ограничиваются упоминанием о некоем «еще одном смысле» слова Церковь, дополнительно, и говорят о нем мимоходом. «Небесный Иерусалим» отделяется от земного тела; глава о почитании и призывании святых в догматических системах становится как бы дополнением к целому; само призывание святых получает характер обращения к далекому миру. В этом повинно западное римо-католическое богословие, принявшее такое направление по понятным побуждениям: для него Церковь имеет свое полное завершение на земле. Но под влиянием Запада эта односторонность отразилась и на православном богословии (даже в известном труде Вл. Троицкого — «Очерки из истории догмата о Церкви»).

Такая неполнота в умственных представлениях способна дать косвенное неблагоприятное отражение в богословской жизни Церкви. Ослабев в умах сознание близости святых к нам: тогда ослабевает и в серд-

цах ощущение ее, ослабевает и чувство молитвенной потребности обращения к ним и прославления их. И это можно наблюдать на практике, когда подвергаются сокращениям те части служб вечерни и утрени, в которых прославляются святые Божии, а за этим идет тенденция ограничиваться общественным совершением в храме одной литургии.

Святые отцы всех веков жили истинным и полным восприятием Церкви. Но они не занимались в своих творениях догматом о Церкви, как и догматом о благодати, потому что к этому не вызывали их требования самой жизни. И оттого, как было уже сказано, первая целостная систематизация истин православной веры, данная у прп. Иоанна Дамаскина, не излагает учения о Церкви. Тем более ценно для нас то, что находим по этому предмету у отцов ближайшей к нему эпохи, заканчивающей первое тысячелетие христианства.

Девятьсот лет отделяют жизнь прп. Симеона Нового Богослова от жизни наставника нашего времени о. Иоанна Кронштадтского. Но тот образ Церкви, какой постоянно присущ душе о. Иоанна, встречаем в творениях прп. Симеона.

Свои мысли о Церкви прп. Симеон излагает в одной части своего обширного 45-го слова. Воспроизводим в сокращениях эту часть.

«Все святые, — пишет прп. Симеон, — суть воистину члены Христа Бога и, как члены, сочетаны с ним и соединены с телом Его, так как Христос есть глава, а все, от начала до последнего дня, святые — члены Его, и все они в совокупности составляют единое тело и как бы, так сказать, одного человека. Иные из них состоят в чине рук, делающих даже доселе, которые исполняя святую волю Его претворяют недостойных в достойных и представляют их Ему; иные — в чине рамен тела Христова, которые друг друга тяготы носят, или возложив на себя обретенное овца погибшее, блуждающее там и здесь, в горах и пропастях, приносят ко Христу и так исполняют закон Его, иные в чине груди (матери кормящей), которые источают для жаждущих и алчущих правды Божией чистейшую воду слова премудрости и разума, т.е. научают их слову Божию, и преподают им мысленный хлеб, который вкушают святые ангелы, или истинное богословие, как возлюбленные наперстники Христовы; иные в чине сердца, которые в лоне своем любовью вмещают всех людей, приемлют внутрь себя дух спасения и служат хранилищем неизреченных и сокровенных таин Христовых; иные в чине чресл, которые имеют в себе родительную силу божественных помышлений таинственного богословия, и словом учения своего всевают в сердца людей семя благочестия; иные, наконец, — в чине костей и ног, которые являют мужество и терпение в искушениях, подобно Иову, и пребывают неподвижными в стоянии своем в добре, не уклоняются от налегающей тяготы, но охотно принимают ее и бодренно несут до конца. Таким то образом стройно составляется тело Церкви Христовой из всех от века святых Его, бывает цело и всесовершенно, да будут

едино все сыны Божии, перворожденные, на небесах написанные...»

У прп. Симеона нет резкого и отчетливого разделения на Церковь святых на небе и странствующую на земле. Поэтому, говоря о земной, он видит ее же пребывающую уже, как часть, в будущем вышнем мире Иерусалима небесного, ожидающем полноты своего наполнения.

«Как в вечных обителях Бог каждому святому дает подобающую ему часть, так и теле Церкви каждый причитается в такой член Христов, каким быть достоин», — говорит прп. Симеон о членах земной Церкви. А затем, объясняя слова Писания: «сего ради оставит человек отца своего и мать», — продолжает:

«Ради Христа оставит человек кровное родство свое и прилепится к жене своей, т.е. к Церкви, и будет два в плоть едину, т.е. в плоть Христа и Бога... Тайна сия велика есть... И воистину тайна сия есть и пребудет великою, и превыше всего великого. Какое единение, общение, освоение и сроднение имеет жена с мужем и муж с женою, такое же единение и сроднение имеет и Владыка наш и Творец всяческих со всею Церковью, как с единою женою и бывает едино с нею, и всегда нераздельно пребывает с нею, как с возлюбленною Ему. Но единение сие бывает боголепно, как лепо есть Богу единиться с Церковью, — что и недоуслимо и неизреченно. Опять и Церковь единится с любимым от нее Богом и прилепляется к Нему так, как тело соединено со своей головой. Ибо как тело не может жить без своей головы, так и Церковь — собрание верующих, или сынов Божиих, на небесах написанных, — не может быть цельным и совершенным телом без главы своей, Христа Бога нашего, и не может жить истинною и вечною жизнью, если не будет питаема от Него каждодневно насущным хлебом, от коего приемлют истинную жизнь все любящие Его, и растут в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Его. Поелику таким образом из сказанного явно, что все святые, от начала мира бывшие и имеющие быть до скончания его, составят единое тело со Христом и во Христе, т.е. благодатию Христовою; то скажу теперь и о том, каким образом подобает наполниться вышнему миру...»

«И во первых, надобно нам познать, какой это мир, коему надлежит наполниться, и притом так, что, если он не наполнится, то не придет и конец, по св. Григорию Богослову; во вторых, надо познать, какой это конец, о коем говорит он. Я полагаю, что мир преурашенный есть Церковь Христова и есть всякий человек, в коем, как говорит Писание, обитает и ходит Бог («вселюся в них и похожду», сказано в Писании), и посылает в него светлые лучи благодатных даров Своих, Сый Солнце правды»...

«Поелику же Церковь есть тело Христово, и невеста Христова, и мир вышний, и храм Божий, члены же тела сего суть все святые, а между тем они не все еще родились и благоугодными показали себя, то явно, что и тело Христово еще не есть целое вполне, что не наполнился еще и вышний мир, т.е. не весь еще сонм людей вошел в Церковь Божию. Но и донне есть еще в мире много неверующих, которые име-

ют уверовать во Христа, есть много грешников, которые имеют покаяться, есть много непокоривых, которые имеют покориться Христу; многие еще имеют родиться и благоугодить Богу, прежде чем вострубит последняя труба. Итак надлежит родиться всем, предуведанным от Бога и наполниться превысшему сего мира миру Церкви первородных, Иерусалиму небесному; тогда совершится полнота тела Христова, приняв в себя всех предопределенных от Бога быть сообразными образу Сына Его, кои суть сыны света и дня. Таковые все суть предопределенные и преднаписанные и в число спасенных включенные, и имеют соединиться и сочетаться с телом Христовым, и не будет уже у Него недоставать ни одного члена. Так есть воистинну, как открывает апостол Павел, говоря: «дондеже достигнем вси в соединение веры, ... в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова». «Ихже бо предуведе, тех и предустави сообразных быти образу Сына Его; а ихже предустави, тех и призва; а ихже призва, тех и оправда; а ихже оправда, сих и прослави». Видишь, как все святые предуведены и предопределены. Послушай еще, как апостол говорит, что они еще и написаны на небесах: «приступите к Сионской горе, и к граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмам Ангелов, торжеству и Церкви первородных, на небесех написанных». Если же они таким образом написаны, то явно, что и исчислены, как написано: «позна Господь сущия Своя», и как говорится в Евангелии: «вам же и власи главнии вси изочтени суть». Если и власы главы нашей изочтены у Бога всеведующего, не тем ли паче изочтены мы сами? Итак, поелику все святые предуведены, предопределены и исчислены, как и написаны поимени на небесах, и поелику все они суть члены Христовы и имеют быть все едино тело Христово, то явно, что когда они собраны будут и составят полное тело Христово, тогда и вышний мир, Иерусалим небесный, который есть Церковь первородных, наполнится, и тело царицы Божией, Церкви, которая есть тело Христа Бога, явится всецело полным и совершенным» (*Слова прп. Симеона Нового Богослова, в переводе еп. Феофана, М. 1892, т. 1, с. 383-392*).

Из приведенных наставлений видно, что для прп. Симеона Церковь есть тело Христово во всей его небесно-земной полноте. И здесь снова скажем то, что сказано об о. Иоанне Кронштадтском. Не значит это, что при таком представлении теряется образ Церкви видимой на земле, со всеми ее божественными установлениями. Прп. Симеон мыслит Церковь земную в строгих формах ее православного устройства. Он наставляет:

«Как Христос Сам был первым посредником и ходатаем за человеческое естество перед Отцем, так — потом поставил служителями сего посредничества и ходатайства святых Апостолов Своих, которые и приводили ко Христу всех уверовавших в Него. Апостолы опять из числа сих уверовавших избирали достойнейших и их рукополагали в переемников себе — быть служителями того же переемничества. Эти опять избирали и рукополагали других, а сии — следовавших за ними. И таким образом этот чин преемственно соблю-

дается даже донине. Посему... никто не приходит к вере во Святую и Единосущную Троицу, если не будет каким либо учителем научен догматам веры, также никто не бывает крещаем и никто не причащается Божественных Таин сам собою без иерея. А кто не будет крещен и не будет причащаться пречистых Таин, тот не получит живота вечного, как Сам Господь определяет, говоря: «иже веру имет и крестится, спасен будет; а иже не имет веры, осужден будет», и «аще не снете плоти Сына Человеческого ни пиете крови Его, живота не имате в себе». Итак, поелику без св. крещения и без причащения божественных Таин ни один христианин не может сподобиться жизни вечной, а таинства сии преподаются нам не чрез Апостолов святых и не чрез святых отец, бывших после Апостолов, а преподаются чрез тех освященных лиц, которые теперь существуют и живут среди нас, то очевидно, что мы не можем и не должны отчуждаться от них в деле нашего спасения»... «Ибо, что сказал (Господь) Апостолам: «иже вас приемлет, Мене приемлет» и еще: «слушаяй вас, Мене слушает, и отменяяй вас, Мене отменяется; отменяяй же Мене отменяется Пославшего Мя», — то относится и к подобным им преемникам их, и тем, которые теперь живут, и тем, которые будут жить после них. И, следовательно, кто не слушает их и отменяется, те не приемлют и не слушают самого Христа Господа и отменяются Его» (*Т. 1, с. 112-113. Слово 2-е*).

Назидательны и полезны для наших душ эти наставления, это возвышение нашего духа в область светлого единства церковного, небесно-земного. В периоды исключительно тяжких переживаний Церкви странствующей, ее видимого истощания, когда к православному христианину подходят люди со стороны и указывают: вот смотри, вы стали немногочисленны, у вас разделения, вы рассеяны, вы разграблены и унижены; оставь свой церковный корабль, приходи к нам: у нас авторитет и организация, у нас все отвечает духу времени — в такие моменты, как бы предвидя их, святые и блаженные духовные наши руководители переводят наши взоры в высь, к небу, утешая и укрепляя верных. Они говорят: знай, что ты в великой Церкви Христовой; ты находишься в том едином, неразделенном, непрерывном от начала своего бытия, неизменном теле Христовом, в котором пребывали на земле и ныне пребывают на небе св. апостолы, св. мученики, вселенские святители, великие подвижники; они и по кончине своей не отошли, не выбыли из общего тела Церкви, не отказались и не отрезаны Богом от своих земных братий. Ты с ними в едином теле под одной Главой, соединен живой тканью молитв и общего с ними славословия Бога. Ты ведомый, они ведущие, ты еще телесный, они уже бестелесные, ты еще надеющийся, они получившие осуществление надежды, ты ищущий, они достигшие, ты еще идущий, они покоящиеся. Но путь один, цель одна, Дом один, тело одно. Церковь не есть нечто беспрерывно изменяющееся в своем составе; она не похожа на отрезок реки, находящийся посреди двух дамб — земных рожде-

ний и смертей; она есть Божий рай, засеваемый на земле и растущий в небо, и там, в небе, слагающий свои плоды. Глава Церкви всей есть Христос, ее совершенные члены – в небесных обителях, а ее формирующиеся, слабейшие части – на земле. А вместе единое тело небесно-земное под одной Главой.

Это и есть тот совершенный и полный образ Церкви, какой предстает перед нами в некоторых богослужебных песнопениях: «Твоим крестом, Христе, едино стадо бысть ангелов и человеков, и в едином соборе небо и земля веселится, вопия: Господи, слава Тебе» (*Октоих, гл.1, пяток утра*). «Руце распростер на кресте языки вся собрал еси, и едину явил еси, Владыко, Церковь воспевающую Тя, земную и небесную» (*Октоих, гл.4, неделя утра*).

Видим из наставлений, данных нашими духовными учителями, что это постоянное держание в памяти мысли о нашем единстве со святыми в Боге плодотворно и спасительно. Ты поешь с ангелами и святыми: как же усердно надлежит тебе очищать свою душу, чтобы быть достойным этого единения с ними в славословии Бога. О таком воспитательном значении этого самосознания о. Иоанн Кронштадтский пишет:

«Благодарю всесвятую, всеблагую и премудрую мать мою – Церковь Божию..., благодарю непорочную мать мою, Церковь Божию, восхищающую меня небесным служением своим, восторгающую горе, в небеси дух мой, просвещающую ум мой небесною истиной, указывающую мне пути жювота вечного, избавляющую же от насилия и бесчестия страстей, делающую жизнь мою блаженною» (*м. II, 70*). Подобные мысли можем найти и у прп. Симеона Нового Божослова.

Другой предмет богословия в дневнике о. Иоанна Кронштадтского, характерно сближающий его с прп. Симеоном, есть живое и радостное ощущение благодатных переживаний, исходящее из чувства близости Духа Святого, всегда пребывающего в Церкви.

О. Иоанн пишет о близости Божией: «В Нем (Духе Святом) все небо близко к нам, как на ладони, со всеми Ангелами и Святыми» (*м.1, 286*). «Веруй твердо, что ты мыслишь, чувствуешь, говоришь, двигаешься и действуешь всегда в Боге, так сказать, в самом лоне Его: «во Мне пребывает и Аз в нем». Со всех сторон Он заключил тебя в Себе, проникает тебя и знает. «Сзади и спереди, – говорит св. пророк и царь Давид, – Ты заключил меня и наложил на меня длань Свою» (*Пс.138,5*). В Боге же и Божия Мать, все святые Ангелы и все Святые. Чего же ближе?» (*Т.1, 290*).

«Люди забывают, что беседуют с Бодрым и Всевидающим» (*Т.1, 355*).

Так полна мысль о. Иоанна сознанием близости Божией. Можно ли назвать прельщением или самопревозношением это сознание и само чувство близости?

«Моя жизнь во Христе»: так назвал свой дневник о. Иоанн. Открытые и смелые слова. Но они также прямые и искренние, как и слова ап. Павла: «живу же не ктому аз, но живет во мне Христос» (*Гал.2, 20*), и ис-

ходят они из чувства глубочайшего благоговения. Предпосылая дневнику несколько слов, о. Иоанн замечает: «Все содержащееся в нем есть не что иное, как благодатное озарение души, которого я удостоился от всепрощающего Духа Божия в минуты глубокого к себе внимания и самоиспытания, особенно во время молитвы».

Совершенно естественно, что в своем дневнике о.Иоанн часто говорит о себе. Это личное его особенно ценно и дорого, а вместе и поучительно для читающих.

«Мысленными очами сердца вижу я, как мысленно вдыхаю в сердце свое Христа, как Он входит в него и вдруг упокоевает его и услаждает его. О, да не пребуду я един, без Тебя, Жизнодавца, дыхания моего, радования моего! Худо мне без Тебя» (*Т.1, 27*).

«Или не знаете себе, яко Иисус Христос в нас есть, разве точию тим неискусни есте» (*2 Кор.13,5*). Воистину Христос во мне живет. Между тем я до сих пор был неискусен: не помышлял и не знал твердо, что Господь во мне. Это Он, Всесвятый, так чуток во мне к малейшей нечистоте сердечной; это Он побуждает меня самый зародыш греха в сердце гнать вон из души. Но увы! И сатана тут же, готовый пожрать меня на каждом шагу, оспаривает меня у Господа» (*Т.1, 45*).

Часто о. Иоанн, говоря о действии благодати Божией, о ее возрождающей и чудотворящей силе, подчеркивает, что он пережил это воздействие своим личным опытом.

«Все блага души, т.е. все, что составляет истинную жизнь, покой и радость души – от Бога! Опыт. То мне сердце говорит: Ты, Святой Душе – Сокровище благих!» (*Т.1, 13*).

«Вера должна доходить до сердечного зрения. Это значит, что душа должна стать как бы выше чувственности, выше телесного, мрачного естества своего и проникнуть собою – возможно чистым зрением сердца – в мир духовный. Тут-то ей будет хорошо, тут-то ее истинная жизнь, ее упокоение и радость. Опыт». (*1, 62*).

«Истинно! С опыта!» – восклицает о. Иоанн в другом месте, объясняя, как простирает руку помощи Господь и как бы берет на Свои руки, подобно матери, христианина, подошедшего к Нему с верою и прилагающего усилия увидеть Его сердечными очами (*1, 65*).

«Скоро слышит Бог молитву двоих или троих молящихся от сердца вместе. Опыт» (*Т. II, 329*).

Хотя перед взором о. Иоанна паства очень разнообразна и полна немощей душевных и телесных, и хотя видит он, что не может требовать от нее подняться на ту же высоту, – тем не менее при всяком случае он старается внушить христианину, что подлинная жизнь в Церкви ведет к реальному ощущению им действий божественной благодати.

«Как дыхание необходимо для тела, и без дыхания человек не может жить: так без дыхания Духа Божия душа не может жить истинной жизнью. Что воздух для тела, то Дух Божий для души. Воздух подобие некоторое Духа Божия. «Дух, идеже хочет, дышет».

«Утешитель Дух Святой, исполняя всю вселенную, проходит сквозь все верующие, кроткие, смиренные, добрые и простые души человеческие, живя в них,

оживляя и укрепляя их; Он бывает один дух с ними и бывает все для них: свет, сила, мир, радость, успех в делах, особенно в благочестивой жизни, — все доброе. «Сквозь вся проходяй духи различные, чистые» (Прем. Солом. 7, 23). «Вси едином Духом напоихомся» (1 кор. 12, 13). Все благочестивые люди — напоение единого Духа Божественного, подобно напоенной губке» (1, 163). «Различай в себе Духа Животворящего и духа мертвящего, убивающего твою душу. Когда в душе твоей мысли добрые, тебе благо, легко; когда на сердце спокойствие и радость, тогда в тебе дух благий, Дух Святой. А когда в тебе недобрые помыслы или недобрые сердечные движения, тогда худо тяжело; когда ты внутренне смущен, тогда в тебе дух злой, дух лукавый... Дух лукавый есть дух сомнения, неверия, страстей, тесноты, скорби, смущения, а дух благий есть дух несомненной веры, дух добродетелей, дух свободы духовной и широты, дух мира и радости. По этим признакам знай, когда в тебе — Дух Божий и когда — дух злой, и как можно чаще возвышайся благодарным сердцем к Всесвятому Духу, оживотворяющему и освещающему тебя, и всеми силами беги сомнений, неверия и страстей, с которыми вползает в нашу душу духовный змий, тать и убийца наших душ» (1, 55).

«Богу угодно то, что человек замечает действия Его в сердце, потому что Он есть Свет и Истина, а диавол всячески опасается этого, потому что он тьма, ложь» (1, 58).

«Он (Дух Святой) — живая вода твоя», обращается о. Иоанн к самому себе, «огненный поток слов твоих, во всякое время Он — всякое благо для тебя» (1, 288).

Таковы действия живой веры, таковы плоды истинной христианской жизни, по наставлениям о. Иоанна — жизнь во Христе есть одновременно жизнь в Духе Святом.

Свидетельства благодатных озарений души в книге о. Иоанна и призывы к жизни во Святом Духе роднят о. Иоанна и в этом случае с прп. Симеоном Новым Богословом. Но должно признать, что у прп. Симеона тема о благодати выражена еще сильнее и, можно сказать, острее.

«Скажу кратко, — пишет прп. Симеон, — тщетно именуется христианином тот, кто не имеет в себе благодати Божией ощутительно, т.е. так, чтобы опытно знал, что имеет в себе таковую благодать» (Слово 22. Т. 1, 204). Это утверждение проходит чрез все творения преподобного.

Как творения нашего русского пастыря названы им самим «Жизнью во «Христе», так творения этого учителя монашества можно было бы назвать «жизнью во Святом Духе». И здесь не просто богословствование и не просто назидание: здесь горячая проповедь необходимости жить ощутительно в благодати; пишущий доказывает, убеждает, стучит в двери сердца, наконец, обличает не признающих свидетельствуемой им истины.

«Кто не сподобился получить благодать Христову и познать ее умно присущую в душе своей, тот тщетно

носит имя христианина; он одинаков с неверными. Он может думать, что избег от всякого зла и проходит всякую добродетель, но поистине он лжец и обманщик»... (Сл. 18, т. 1, 171). Эти слишком сильные слова побуждают читающего уяснить, в чем же видит преподобный хотя бы начальные признаки этого благодатного чувства. Преподобный отвечает на недоумения этого рода следующим образом:

«Если душа не восчувствует, что царствие Божие пришло в нее и воцарилось в ней, нет ей надежды спасения. Душе царствуемой надлежит знать благодать и воздействие царствующего в ней Божества: ибо где присущ царь, там должны быть явны и знамения его присутствия. Божие знамения, которые должна иметь душа, царствуемая Богом, суть: кротость, правота, истина, смиренномудрие, благодостыня, правда и всякое благоволение, и еще — незлобие, человеколюбие, сострадание, любовь нелицемерная, долготерпение, постоянство, благодушие. А у тех, в которых не царствует Бог, должно видимо быть противное сему»... «Это и значат слова: приблизися Царствие небесное, — коими началось Евангелие» (Сл. 44, т. 1, 366).

Еще и еще, почти в каждом слове, повторяет прп. Симеон эти предостережения. Очевидно, современная ему обстановка жизни христиан, и в частности жизни монашествующих, вынуждала его к этим напоминаниям.

Носящий имя христианина, — «если он не носит в сердце убеждения, что благодать Божия, за веру подаваемая, есть милость Божия..., если не стою целью подвизается он, чтобы или получить благодать в первый раз чрез крещение или, если он имел ее и она отошла по причине грехов его, возвратить ее опять чрез покаяние, исповедь и самоуничиженное житие, а подает милостыню, постится, совершает бдения, молитвы деет и прочее не с этой одною целью и не на сей один конец, но думает, что совершает славные добродетели и ценные сами по себе добрые дела, то тщетно он утруждает и измощает себя» (Сл. 11, т. 1, 171).

Таким образом, не личными усилиями и подвигами дается дар благодати, а милостию Божией. Впервые он подается в таинстве крещения. «Человеческое естество... выходит (из купели крещения) причастным благословения Иисуса Христа. И если оно не сделается общником божественного естества Христова, если не примет благодати Святаго Духа, не может ни подумать ни сделать что-либо достойное царствия Божия, не может исполнить ни одной заповеди, заповеданной нам Христом, потому что Христос есть действующий вся во всех призывающих святое имя Его... Это и есть воскресение души в этой жизни»... «Ибо в каждом христианине Христос есть воюя и побеждая, и Он же есть призывая Бога, и моляся, и благодаря, и благоволея, и ищай с молением и смирением, — все это действует Христос, радуясь и веселясь, когда видит, что в каждом христианине есть и пребывает то убеждение, что Христос есть действующий все сие. Почему всякому христианину относительно всех добрых дел, какие делает, надлежит исповедать, что

их совершает Христос, а не он; кто же не так помышляет об этом, тот всеу есть христианин» (Сл.4, т.1, с.47,49).

«Если у тебя появится мысль, внушенная диаволом, что спасение твое совершается не силою Бога твоего, но твоею мудростию и твоею собственной силой, — если согласится душа на такое внушение, благодать отходит от нее. Подвиг против такой сильной и тягчайшей брани, возникающей в душе, принадлежит душе до последнего нашего издыхания. Душа должна вместе с блаженным апостолом Павлом взывать велегласно, в слух Ангелов и человеков: «не аз, но благодать Божия яже со мною». И апостолы, и пророки, и мученики, и иерархи, и преподобные, и праведные — все исповедали такую благодать Святого Духа, и ради такого исповедания, с помощью ее, подвизались добрым подвигом и течение свое совершили» (Сл.4, т.1, 51).

«Благодать Божия удаляется от христианина не по причине только греха, но и по причине непризнания ее, когда не признает кто, что от нее имеет все, что ни имеет» (Сл.22, т.1, 201).

Так как мы обычно получаем крещение в детстве и в течение дальнейшей жизни рассеиваемся и отходим от Бога и благодати, то поэтому нам нужно прежде всего заботиться о том, чтобы получить ее вновь. Она достигается — «посредством веры и надежды на Христа Господа, посредством покаяния и исповеди, молитвы и возложения священнических рук. Пусть взыщет опытного отца духовного, научится от него всему, касающемуся веры и требуемому верой, восприимет полное упование на Бога и покается во всех грехах своих, подъявляя и достойные дела покаяния, т.е. сокрушение сердца и жаление о грехах, слезы и воздыхания от всей души, пост и всякое другое лишение телесное, милостыню и молитву с возложением рук сего духовного отца своего. Без всего этого не придет благодать Божия сама собою на того, кто потерял ее, предавшись греху по крещении. Бывало, что некоторых посещала благодать Божия и без возложения рук священника, но то были исключительные случаи, не всем общие; но что бывает исключительно для некоторых, только немногих, того не признает общим для всех законом святая Церковь» (Сл.22, т.1, 203,204).

Подобно о. Иоанну, прп.Симеон основывает свои наставления на опытном познании своем и других подвижников и признает, что полученный опыт должно не утаивать, а пользоваться им для руководства другими.

Что же дает это опытное познание?

«Ум, соединившийся с Богом верою, познавший Его деланием добродетелей и сподобившийся зреть Его созерцанием, видит дивные и преславные чудеса. Он весь освещается и становится как свет, хотя не может понять и изречь то, что видит. Ибо сам ум тогда есть свет и видит Свет всяческих, т.е. Бога, и Свет сей, который он видит, есть жизнь и дает жизнь тому, кто его видит. Ум видит себя совершенно объединенным с сим светом и трезвенно бодрствует. Сознает он, что свет сей внутри его, и изумляется; изумляясь же, видит его, как бы он был вдали от него, потом,

пришедши в себя, опять находит свет сей внутри; и таким образом не находит ни слов, ни мыслей, что сказать и что подумать о свете том, им видимом. Кто, слыша сие таинство, не удивится и, удивляясь, не прибежит ко Христу? Кто не пожелает и себе узреть сии чудеса Божии? И кто не возлюбит Того, Кто дает нам такие преславные дары без цены?» (Сл.19, т.1, 173). У прп. Симеона три слова (90, 91, 92) представляют молитвенные излияния духовного восторга перед благодатными созерцаниями, которых он сподобился сам.

Однако, как же поступить тому человеку, который не надеется достигнуть высот, представленных в наставлениях подвижников? Преподобный приводит этот вопрос и отвечает на него.

«Ты же, возлюбленный, если не знаешь еще того, о чем я говорю, не отчайся и не скажи: того, о чем ты говоришь, я совсем не знаю, и не могу тому научиться, и не надеюсь, чтобы мог когда-либо достигнуть до высоты такого ведения, созерцания и чистоты. Но опять не скажи и так: если невозможно войти в Царствие Божие тому, кто еще в настоящей жизни не облечется во Христа, как Бога, кто не поднимется до созерцания Его и не достигнет того, чтобы Бог обитал внутри его (я же не могу успеть ни в чем таком), — то какая мне польза и подвизаться ради этого из-за этих подвигов лишая себя наслаждения нынешними благами?... Смотри, не говори такого слова и даже не думай так»... «Итак, перво-наперво, от всей души поверь, что все сказанное мною есть совершенная истина... После же того, как уверуешь, последуй божественным Писаниям и делай все, что они тебе говорят. Поступая так, найдешь все это, как написано мною, непогрешимым. И не только это, но найдешь и другое многое, больше этого, — найдешь написанным в божественных Писаниях. Что же это такое? То, чего око не видело, о чем ухо не слышало, и что на сердце человеку не всходило, — блага, уготованные Богом любящим Его. И если ты несомненно поверишь тому, что сказал я, то всеконечно увидишь это и ты, как и Павел, и восхищен будешь в рай, куда вошел разбойник вместе со Христом, и услышишь там неизреченные глаголы» (Сл.52, т.1, 481). При этих наставлениях прп. Симеона невольно вспоминаются слова о. Иоанна о себе, приведенные выше: «Воистину Христос во мне живет. Между тем я до сих пор был неискусен, не помышлял и не знал твердо, что Господь во мне»...

Как и о. Иоанн, прп. Симеон свидетельствует, что восхищение в рай познается верующими в достойном, с надлежащим приготовлением и с сознанием величия таинства, приобщении тела и крови Христовых.

В достижении этого блаженного состояния по наставлению прп. Симеона и состоит то искание Царствия Божия, о котором молимся: «да придет Царствие Твое», и к которому призывает Господь: «ищите прежде Царствия Божия». И «кто же столько несмыслен и бесчувствен, чтобы не возжелать увидеть такую божественную славу, и не приложить всех усилий и подвигов стяжать ее?» — спрашивает преподобный.

«Посему... приидите, совокупимся все во едино, и взыщем, да придет и воцарится в каждом из нас Тот,

Кто есть выше всякого начала и власти и всякого имени именуемого; каждый из нас да восприимет в себя всего Его и да имеет Его неотлучным от себя день и ночь, чтобы Он просвещал его Своим пресветлым и неприступным светом..., сшествовал с ним внутрь жилища его, опочил с ним на одре его, объял его невидимыми объятиями Своими и облобызал неизреченным целованием; чтобы утешал его в болезни, отгонял печали и скорби, изгонял бесов, каждочасно подавал ему радость и слезы, сладчайшие меда и сота, врачевал душевные и телесные страсти, уничтожал страх смерти, изводил неизреченно источники жизни и после смерти возводил каждого из нас на небеса небес. Все сие надлежит тебе, возлюбленный, познать самым делом и испытать всем чувством души твоей, чтобы стяжать в себя Бога, Который возводил бы тебя вместе с Собою на небеса теперь в этой жизни без тела, а после в другой жизни воскресил бы тебе и тело сие, соделав его вседуховным, и потом уже царствовал над тобою нескончаемые веки, тебя носил, и Сам тобою был носим, сый над всеми Бог, Коему добавляет всякое благодарение, честь и поклонение, со безначальным Его Отцем и Пресвятым, благим и животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь» (Сл.52, т.1, 490).

Этими словами 52-го слова-поучения заканчивается первая половина творений прп. Симеона, содержащая наставления к христианской жизни для монахов и ищущих руководства мирских людей, наставления по преимуществу характера общего. Из этой части взяты приведенные выдержки, так как слова второй части посвящены сравнительно высшим ступеням и высшим достижениям духовного делания и предназначены для соответствующего круга лиц, ищущих высшего руководства духовного.

Могут представиться слишком необычными или слишком высокими требования прп. Симеона в вопросе о сознательном восприятии божественной благодати. Они у прп. Симеона гораздо категоричнее, чем у о. Иоанна. Но правильно понятые, они не должны смутить нас. Примем во внимание то, что творения прп. Симеона предназначены для людей, сознательно ставших или становящихся на путь внутренней работы над собой: такие люди уже не представляют собою того младенчества неведения, в каком пребывали массы народа, шедшие к приснопамятному «всероссийскому пастырю» о. Иоанну, или вернее, к которым шел он сам, которых искал и которых спасал от моральной и физической гибели.

Согласие и общность мыслей наших учителей веры и жизни в основных положениях, высказанные на основании их духовного опыта, утверждают нас в спасительности духовного руководства их обоим для нас. Их писания освещают и углубляют наше христианское самосознание.

Научаемся и воспитываемся в сознании, что Дух Святой в Церкви, — воспользуемся еще раз словами о. Иоанна, — «ближе к нам всякого человека во всякое время: ближе моей одежды, ближе воздуха, света,

ближе моей жены, отца, матери, дочери, сына, друга. Я с ним живу душевно и телесно, Им дышу, Им мыслю, чувствую, соображаю, намереваюсь, говорю, предпринимаю, делаю. «О Нем мы живем и движемся и есмы». «Бог есть действующий в нас, еже хотети и еже деяти о благоволении» («Моя жизнь во Христе», 1, 133).

Приведенные наставления о благодати дают понимание православного аскетического подвига. Напрасны укоры со стороны противников подвижничества, что в нем умерщвление плоти ставится самоцелью. Творения прп. Симеона, как и других отцов, разоблачают их неправду, показывая, что суть подвига состоит в стяжании Святого Духа, и подвиг есть только очищение плоти для этого стяжания.

Эти наставления внушают нам, что все, что ни сделали бы мы доброго, есть не наше, а Божие, все есть действие благодати. Так и ап. Павел, говоря о себе, что он потрудился в благовестии более других апостолов, прибавляет: «не я впрочем, а благодать, которая со мною» (1 Кор. 15, 10).

Нам полезно и спасительно всегда помнить, что от момента крещения мы находимся под действием благодати Божией, водимся ею, несем в себе Божий дар. Это памятование ведет нас к чувству смирения, или личной нищеты духовной, недостойности перед Богом и страха Божия. Если все, что имеем доброго: добрые движения души, мысли и дела — не наши, а «роса благодати Божией», — то не станем приписывать себе заслуг, не сочтем легкомысленно, что это доброе есть просто черта нашего характера, плод нашего превосходства над другими.

Сознание, что всякое добро в душе есть дар свыше за веру и усердие, вызывает внимательность и чуткость к дыханию благодати, желание ее, молитву о ней. Так открывается возможность ощутить ее веяние, ее теплоту. А это, в свою очередь, дает радость, показывая, что Господь милостив, и вместе вселяет благодетельный страх прогневить Бога и лишиться Его благоволения.

При этом душевном строе христианин укрепляется в ревности и усердии, утверждается в вере, освобождается от страха смерти, наполняется надеждой при мысли о чаше суда Божия, а «надежда не постыжает» (Рим. 5, 5).

Рядом с сознанием своего личного недостойства — ибо «чем могу похвалиться? разве только немощами моими» (что так противоположно мирскому «чувству собственного достоинства», самодовольству и гордости собою) — вырастает иное чувство: чувство своего христианского достоинства, как человека крещеного и верующего, чувство церковного достоинства, как члена Церкви Христовой, достоинство священства у носителей особой Божественной благодати, полученной ими через таинство священства, — все это тогда, когда не обличает и не укоряет совесть в небрежении к божественному дару. Мы знаем, с каким смирением и усердием нес о. Иоанн Кронштадтский свое иерейское служение, соединяя это смирение с сознанием высоты служения: и потому без смущения принимал он разнообразные виды почитания его, как пас-

тыря, и преклонения перед ним, которые по всей Руси оказывались ему; принимал, так как относил их не к своей личности, а к благодати Божией, на нем почивавшей, к иерейскому служению, безупречно им несомому; знаем в то же время, с какой исключительной простотой и скромностью о. Иоанн говорит о себе лично в нескольких строках своей автобиографии.

Наконец, оба наши учителя веры и жизни наставляют нас, что сознательное приятие и ощущение в себе благодати Божией вселяет в сердце благоговейного христианина дерзновение перед Богом.

Где опыт, где уверенность, что Бог слышит, как любящий Небесный Отец, где чувство близости Божией, как бы роднящее человека с Богом, — там дерзновение — в молитве, в прошениях, в надежде на исполнение просимого. Дерзновение перед Богом есть показатель сердечной чистоты молящегося, как это ясно при чтении святоотеческих творений. Для дерзновения необходимо, чтобы чуткая совесть не осуждала человека. Страх Божий, слезы покаяния, с одной стороны, и дерзновение перед Богом, с другой, не исключают, а требуют друг друга взаимно. В молитвах святых слышится то, о чем пишет ап. Иоанн Богослов: «Возлюбленные! если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу, и чего ни попросим, получим от Него» (1 Ин. 3, 21-22; 5, 14-15).

Здесь третья черта, сближающая о. Иоанна с прп. Симеоном.

О дерзновении читаем у прп. Симеона:

«Вера же...разумеется не только та, чтобы верить во Христа и во все словеса Его, но паче та, чтобы дерзать о Христе» (Сл. 18, т. 1, 171).

К какого рода дерзновению побуждает он? Учитель аскетического подвига, прп. Симеон направляет все мысли на дело спасения и в этой области зовет к дерзновению. «Всякому надлежит не о чем другом подвизаться, как о том одном, чтобы понудить Христа Господа, желающего всех людей избавить от ада»... «чтобы был понуждаем от нас на сие Царь всяческих Христос, сего желает Сам Он, не для Его собственной какой либо цели, а для нас же... Ибо кто спешит понудить Христа Бога избавить его, тот, очевидно, восчувствовал крайность своего положения, увидел причины и возненавидел их»... «Вот Он (Христос) и хочет быть понуждаемым от нас и как бы насилие какое терпеть», чтобы расположить нас освободиться от тирании и рабства (Сл. 22, т. 1, 199-200).

Пастырь широких кругов народа, о. Иоанн Кронштадтский, предстательствует перед Божиим престолом об этом народе, берет на свои рамена разнообразные духовные и телесные нужды своей паствы и дерзновенно молится о милостях Божиих всем просящим его молитв, так часто — об исцелении от тяжких болезней. Он молится с глубокой верой и как бы с на-

стойчивостью. «Десять раз приходил я к Богу со всем усердием молитвы, и Господь явно услышал меня и воздвиг болящего»: приблизительно в этих словах вспоминает о. Иоанн чудесное исцеление больного в одной из записей. Огромное количество записанных свидетельств о силе молитвы о. Иоанна, не говоря уже об устных воспоминаниях, сохраняется и продолжает увеличиваться до настоящего времени.

Дерзновению в молитве поучает наш пастырь и верующих.

«В насилиях от диавола и во всех скорбях надо живо узреть сердцем как бы перед глазами находящуюся человеколюбивую Утробу Спасителя; смело смотреть в эту Утробу, как в неистощимую сокровищницу благодати и щедрот, и молить Его всем сердцем..., и тотчас просимое будет получено. Истинно! С опытом!» (1,65).

«На молитве всегда твердо верь и помни, что каждая мысль твоя и каждое слово твое могут, несомненно могут, быть делом. Не изнеможет у Бога всякая глагол... значит и твое слово не изнеможет. Вся возможна верующему. Береги слово; драгоценно слово» (1,260).

О молитве за ближних — родственников, друзей, почитателей и знакомых, говорит он: «Господь с благоволением призывает на молитву любви нашей и на дерзновение перед Ним... Молясь, говори: Господи, возможно Тебе сделать то и то рабу Твоему сему; сотвори ему это, ибо имя Тебе — благий Человеколюбец и Всемогуший» (Т. 11, 271).

С этим дерзновением молитвы, вызываемым состраданием и любовью к ближним, жил и священствовал о. Иоанн. С дерзновением молитвы перешел он в небесные обители, где ходатайствует о своих братьях духовных во Христе, здесь на земле нуждающихся и просящих его молитвенной помощи.

Вот уроки, даваемые нам двумя наставниками жизни во Христе.

Жить в Церкви Христовой — значит ощущать душой близость Божию к нам, а при этом и близость всей Небесной Церкви: близость не в смысле только живых исторических воспоминаний, а как подлинное, реальное соприкосновение с пребывающими в ней апостолами, мучениками, святителями, преподобными, чрез постоянную живую молитвенную связь.

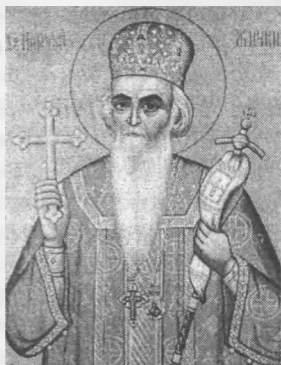
Жить в Церкви — значит соприкасаться с миром благодати и проникаться ею, очищать и открывать свое сердце для вхождения ее и определять истинность своего пребывания в Церкви — не формального, а существенного — чрез наблюдения в себе «душевного трезвения, благоговейного чувства, душевного исправления и покоя в Боге», как учит этому нас своим примером св. прав. о. Иоанн (см. полное заглавие «Моей жизни во Христе»).

Публикация Н. К. Симакова

ПРОПОВЕДЬ

Свт. Николай Охридский
Проповедь на кончину прп. Силуана Афонского

Проповедь на кончину прп. Силуана Афонского написана одним из самых ярких богословов XX века, крупнейшим сербским духовным писателем, епископом Николаем Охридским (Велимировичем) (1880-1956), канонизированным Сербской Православной Церковью в 1991 году.

Некоторую часть этой проповеди использовал о. Софроний (Сахаров) в своей книге о старце Силуане, но полностью перевода «Слова» епископа Николая на русский язык еще не имеется.

Надо отметить, что те духовные связи, о которых говорит в проповеди епископ Николай, живы и действуют в сербском монашестве и в наши дни. Они выражаются в глубоком почитании, любви и молитве к прп. Силуану и его верному ученику старцу Софронию.

Упокой Господи!

Монах Силуан, собрат монастыря св. Пантелеимона на Св. Горе. Об этом дивном монахе можно сказать только одно — сладостная душа. Эту сладостную душу ощутил не только я, но всякий поклонник Святой Горы, который встречался с ним. Силуан был высок, крупен, с большой черной бородой и своим внешним видом не сразу привлекал к себе незнакомого человека. Но одного разговора с ним было достаточно, чтобы человек его полюбил. «Господь нас безмерно любит, — говорил всякому Силуан. — О, как Он нас любит!» И при этих словах глаза его всегда наполнялись слезами, они были красны от слез. Больше всего он говорил о любви Божией к людям. Если кто-то жаловался ему на свои скорби и искушения, то о. Силуан утешал его и подбадривал любовью Божией. «Знает Господь, что ты страдаешь, но Его любовь освещает тебя, как солнце светит миру. Не бойся, это для твоего блага!» Он не был строг к чужим грехам, как бы велики они не были. Он говорил о безмерной любви Божией к человеку и приводил грешника к тому, чтобы он сам себя строго осудил. «Если бы мы перестали судить Бога, то перестали бы осуждать и Его творения, особенно человека, — говорил Силуан со слезами. — Но мы ропшем на Него за все тяготы жизни, а потому осуждаем и Его творения. Мы осуждаем Бога опять-таки потому, что не ощущаем любовь Божию. Таким и я был. Однажды шел я из монастыря в Дафну, сбился с пути и заблудился в самшитовых кустах. Мрак покрыл землю. Я рассердился и, конечно, на Бога рассердился и закричал: «Господи, почему Тебя не заботит, что я пропадаю. Спаси меня!» В этот момент услышал я голос: «Иди все время направо!» Душа затрепетала во мне. Нигде ни души. Я шел все время направо, пока не пришел в Дафну. Всю ночь я проплакал. Ощутил я тогда присутствие живого Бога, ощутил Его любовь я, недостойный. С того момента не дал я

уже никакому огорчению встать между мной и любовью Божией.»

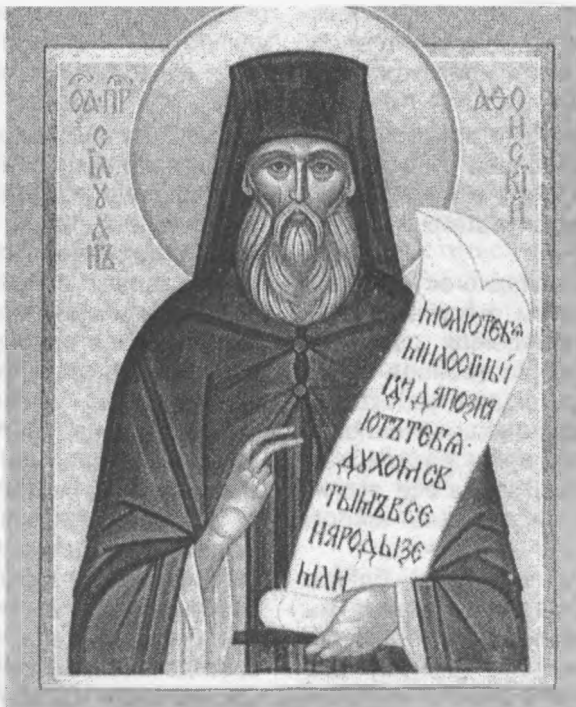
Еще рассказывал нам Силуан об одном юноше-школьнике, который пришел на Святую Гору «искать Бога». Он не сказал игумену, что не верует в Бога, но только о том, что хотел бы остаться на несколько месяцев в монастыре ради отдыха и духовной пользы. Игумен поручил заботу о нем одному духовнику. Юноша сразу исповедал духовнику, что он не верует в Бога, и что он пришел на Святую Гору «искать Бога». Духовник рассердился и начал кричать на юношу, как это страшно не веровать в Бога Творца и, что безбожникам не место в монастыре. Молодой человек хотел покинуть монастырь. Его встретил о. Силуан и начал говорить с ним. Когда юноша рассказал старцу о своей скорби и объяснил, что привело его на Афон, о. Силуан с любовью ответил ему: «Это не страшно. Это часто бывает с молодыми людьми. Так и со мной было. Когда был я молодым человеком, то тоже колебался и сомневался, но любовь Божия просветила мой ум и умягчила сердце. Бог тебя видит и знает, и любит безмерно. Ты скоро это почувствуешь. Так и со мной было» После этого разговора юноша начал укрепляться в вере в Бога и остался в монастыре.

Один монах пожаловался о. Силуану на помысел, что он не может спастись здесь, и потому решил он оставить Святую Гору и уйти в мир. Заплакал тогда Силуан и говорит ему: «И ко мне приходила когда-то такая же мысль, но я молился Богу о вразумлении, усилил свою молитву. И любовь Божия подала мне такой ответ: если столько святых людей угодили Богу и спасли души свои на Святой Горе, то почему ты не можешь этого?» Другой монах пожаловался Силуану, что игумен монастыря его не любит. «А ты люби его, — отвечал Силуан. — Усердно молись за своего игумена со словами: я люблю моего игумена, я люблю моего игумена»

на; и когда в тебе разгорится любовь к игумену, то и игумен начнет тебя любить.»

Этот дивный духовник был простой монах, но богат в любви к Богу и ближним. Сотни монахов со всех концов Святой Горы приходили к нему, чтобы согреться огнем его пламенной любви. Но особенно любили его сербские монахи из Хиландара и Постницы св. Саввы. В нем видели они своего отца духовного, возрождавшего их своей любовью. Все они сейчас больно почувствовали разлуку с ним. И долго, долго будут помнить они любовь Силуана и его мудрые советы.

И мне о. Силуан очень во многом духовно помог. Я чувствовал, что он молится за меня Богу, и его молитва укрепляла меня. Каждый раз, когда посещал я Святую Гору, то спешил увидеться с ним. Он нес в монастыре нелегкое послушание, заведовал магазином и управлялся с ящиками, бочками, ларями и всем, чем был наполнен магазин. Однажды я сказал ему, что русские монахи сильно возмущаются против большевистской тирании, учиненной над Церковью в России. На это он отве-

тил мне: «И я тоже сначала возмущался против этого, но после многих молитв пришли мне такие мысли: Господь любит всех безмерно. Он ведает причины всего и знает все времена. Ради какого-то будущего добра попускает Он это страдание в русском народе. Я не могу этого понять и не могу прекратить. Мне остается только любовь и молитва. Так я буду говорить и возмущенной братии: вы можете помочь России только молитвой и любовью, а злоба и крик на безбожников не поправит дела.»

И еще есть многое и многое, что я слышал от о. Силуана и что я услышал о нем от других. Но кто может пересказать и написать обо всем этом? Книга его жизни вся исписана бисером мудрости и золотом любви. Это огромная, нетленная книга. Теперь она за-

крыта и руками его Ангела-хранителя представлена вечному и праведному Судии, который скажет душе сей, столь много возлюбившей Его на земле: «Верный слуга Мой, Силуан, войди в радость Господа Твоего.» Аминь. Боже, да будет так!

Перевод с сербского

(Миссионер, 1938 г.)

Сщмч. архиеп. Онуфрий (Гагалюк)

ХРИСТИАНИН И ЗЕМНЫЕ БЛАГА

Архиепископ Курский и Обоянский Онуфрий (Антон Максимович Гагалюк) (1889-1938) недавно прославлен в Курской епархии как местночтимый священномученик. Он был расстрелян весной 1938 года в далеком Хабаровском крае.

Курскую кафедру он занимал с конца 1933 года до своего ареста в июле 1935 года, а до этого целых четыре года возглавлял соседнюю епархию Старо-Оскольскую. В промежутке молодой Владыка (1927-1929) находился в северной ссылке.

Родился владыка Онуфрий в Холмской губернии в семье лесника и закончил в Холме Духовную семинарию. Учась потом в Петрограде в Духовной академии, он был пострижен в монахи и по окончании академии преподавал в Пастырско-миссионерской семинарии Херсонской епархии. В 1923 году экзарх Украины Михаил рукоположил архимандрита Онуфрия во епископа Елизаветградского, викария Одесской епархии.

В трудное для Церкви время началось служение молодого архипастыря, который обладая большим талантом проповедника и апологета, твердо защищал Православие от нападок безбожников, обновленцев и разного рода раскольников. Даже в ссылке он не прекращал своей проповеднической деятельности и написал много ярких статей и поучений.

Вернувшись на кафедру, владыка Онуфрий мужественно и смело представлял свою паству, укрепляя в ней православную веру и обличая атеистов и лжеучителей.

К счастью, духовные дети сохранили его богатое наследие, которое имеет огромную историческую и душеспасительную ценность и сохраняет несомненную актуальность, в чем можно убедиться, прочитав нижепубликуемую проповедь, которая впервые появляется в печати.

Мечты о земном рае, стремление устроиться здесь на земле как можно комфортабельнее и изящнее, сделать землю местом покоя, уюта, всевозможных радостей, всегда находили живое сочувствие в сердце грешного человека.

Быть богатым для того, чтобы сладко есть, пить и роскошно одеваться (мы не говорим о грубых чувственных удовольствиях плоти: объедении, пьянстве, распутстве), занимать высокое общественное положение, чтобы слышать похвалу от людей, увлекаться науками и искусствами светскими, внешней силой и красотой, пользоваться во всей полноте разнообразными продуктами земной культуры, разве все это не является предметом самых горячих желаний многих из нас, христиан?

Конечно, привязанность к земле и к ее благам свойственна нам, сынам земли. Ведь рождаемся мы на земле, живем в земных условиях, среди благ земных, видим кругом поклонение многому земному благополучию, блага земные манят нас к себе...

«Желание устроиться на земле прочно и окончательно, — говорит проф. С. М. Булгаков, — притом со вкусом комфортабельно, любовь к месту... не есть черта, свойственная только отдельным лицам или эпохам; она составляет общечеловеческое свойство, глубоко заложенное в душу сынов земли, которые простодушно, по большей части и чрезмерно, любят свою земную колыбель, отдавая ей и труд свой, и свою заботу, и свою нежность».

Но можно ли оправдать с православной точки зрения такую привязанность христианина к земным благам? Пред нами, прежде всего стоит вопрос: могут ли земные блага дать настоящее удовлетворение запросам всего существа христианина?

Как бы люди не мечтали о земном рае, на земле всегда больше бедствий, чем радостей. Природа внешняя не чаще ли являет нам недоброе лицо? Не чаще ли бывают на полях засухи, ненастные дожди и град, чем благодетельные воздушные течения. Всегда ли наша жизнь в безопасности? Царь природы трепещет перед диким животным, боится грома, удар камня может прекратить всю его жизнь.

Очень нередко встречаем мы враждебность со стороны людей, непонимание нас, тупую злобу, ненависть, а то и гонение. Да, земля наша совсем не «рай», а по выражению богодухновенного Псалмопевца — «юдоль плачевна». Оттого-то многие люди не находят здесь, на земле, покоя своей душе, ищут, по выражению нашего писателя, другой «праведной земли».

«Знал я, — говорит Лука в пьесе Горького «На дне», — одного человека, который в праведную землю верил... Должна, говорит, быть на свете праведная земля... в той, дескать, земле особые люди населяют... хорошие люди! друг дружку они уважают, друг дружке за всяко, просто помогают... и все у них славно, хорошо! И вот человек все собирался идти... праведную эту землю искать. Был он бедный, жил плохо... а когда приходилось ему трудно, хоть ложись, да помирай, — духа он не терял, а все, бывало, усмехался

только, да высказывал: ничего! потерплю! Еще несколько потерплю, а потом брошу всю эту жизнь и уйду в праведную землю... Одна у него радость была — земля (праведная)».

Но допустим, что земля наша и в самом деле представляет собой рай. Пусть к услугам человека будут все земные блага: и роскошь, какую он ни пожелает, и слава человеческая, и вся мудрость мирская, даст ли все это удовлетворение истинное человеку? Не приедятся ли самые изысканные кушанья и дорогие вина, не надоеет ли самый утонченный разврат, не тень ли всякая мирская слава, не бессильна ли познать глубину вещей земная мудрость?

Кому не известно признание ветхозаветного царя Соломона, мудрейшего, славнейшего и в распоряжении которого были, можно сказать, все блага мира, какой результат всех этих обладаний? Т о с к а! «Я предпринял большие дела, — говорит Соломон, — построил себе дома, посадил в них всякие плодовые деревья, сделал себе водоемы... приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня. Также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня в Иерусалиме. Собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей; завел у себя певцов и певиц и услаждения сынов человеческих — разные музыкальные орудия. И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме, и мудрость моя пребыла со мною. Чего бы глаза мои не пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселия... И оглянулся я на все дела мои и вот все — суета и томление духа...»

Некоторые люди завидуют людям, занимающим высокое положение в мире, думая, что жизнь таких деятелей полна радостями. Глубоко ошибаются они, так как, чем выше пост человека, тем он ответственнее и труднее.

«Измучался я до крайности, — писал виднейший общественный деятель К. Н. Победоносцев своему брату, не будучи, впрочем, тогда еще обер-прокурором, но уже занимаая высокий пост сановника, — но не могу освободиться, и что всего хуже, — исхода вблизи не вижу. В довершение же всего, никакой мне от этого прибыли нет, а есть лишь трата и не малая. О трате же сил, и говорить нечего: ничего я не читаю, разве в трамваях, на пароходе, на железной дороге. Вот что значит быть близ сильных мира сего. Блажен тот, кто мог удержаться на нижнем или среднем пути. При начале жизни многие этого не понимают, но поймут после, когда уже поздно поворачивать назад. Так и я дошел до того, что покоя и досуга уже не чаю себе на этом свете, а чаю разве больше еще трудов и забот. Вспоминаю с грустью все чаще и чаще о Хлебном переулке и о тогдашней свободе, но что прошло того уже не воротить. Обременен трудами и заботами с утра и до ночи и нес, поистине, тяжкое иго, хотя люди, видя нас с женою, живущими в великолепных палатах, воображают нас в великом благополучии и неге».

Значит, блага земли не дают удовлетворения человеку. Но допустим, даже невозможное. Пусть человек на земле, как в раю, испытывает полноту наслаж-

дений, так что ничего уже не нужно ему. Но что скажет он о смерти, которая рано или поздно — во всяком случае не свыше ста-двухсот лет для человека — но непременно придет, а то может прийти и сегодня, и завтра.

Ведь смерть не щадит человека. Какая же цена тем наслаждениям, которые во всякую минуту могут быть отняты и во всяком случае, будут отняты непременно? Так смерть лишает всякого смысла самую оптимистическую мечту о земном рае.

Очень хорошо рассуждает по данному вопросу В. С. Соловьев. Возражая против тех, кто видел весь смысл в жизни в силе и красоте физической, земной, наш философ говорит: «Смысл жизни в силе и красоте, пусть так! Но как бы мы не отдавались их эстетическому культу, мы не найдем в нем не только защиты, но даже ни малейшего указания на возможность какой-либо защиты против того общего и неизбежного факта, который внутренне упраздняет эту мнимую божественность силы и красоты... разумею тот факт, что конец всякой внешней силы есть бессилие и конец всякой внешней красоте есть безобразие».

Приведа затем в пример знаменитейшего царя древности Александра Македонского, которому при жизни его не было никого равного по могуществу, который сам был силен и прекрасен, и молод, и который в конце умер, Соловьев замечает: «... разве сила, бессильная перед смертью, есть в самом деле сила? Разве разлагающийся труп есть красота? Древний представитель силы и красоты умер и истлел, как самая бессильная и безобразная тварь.»

При такой очевидной призрачности земных благ есть ли какой-нибудь смысл привязываться к ним христианину? Однако, у многих христиан есть в распоряжении земные блага: высокое общественное положение, способности к наукам и искусствам, физическое здоровье. Если все эти блага не могут служить целью нашей жизни, как не способные дать действительного удовлетворения нашим запросам, то какой для нас смысл их пользования?

Каково должно быть у христианина нормальное православное отношение к земным благам? По христианскому учению, мир и всего его блага творение Божие. Господь же и теперь Своею промыслительной десницею содержит мир и дает все блага нуждающимся.

«Вся к Тебе чают, дати пищу им во благое время. Давшу Тебе им, соберут: отверзашу Тебе руку, всяческая исполняется благодати: отвращу же Тебе лице, возмнутся; отымеши дух их и исчезнут и в персть свою возвратятся; послещи Дух Твой созиждутся и обновятся лице земли».

Поэтому на всякое благо земное нужно смотреть как на дар Божий. «И имение, и все земные блага, при посредстве которых человек может совершать добро, земля и все что на ней, самое тело и сама душа принадлежат Богу», — говорит Преподобный Макарий Египетский. Имеешь ты богатство: приобрел ли ты его своими трудами, или получил в наследство, знай — это по милости Божией к тебе и по доверию, что ты сумеешь распорядиться Божиим даром, как должно.

Ведь многие очень трудятся в своих делах и терпят нужду. Ты получил богатство без усилий с твоей стороны — по наследству, но и это богатство дар Бо-

жий тебе, — ведь откуда ты сам — наследник, не по воле ли Божией ты родился на свет? А что, если у меня богатство, нажитое грешными делами? Что же в том, что Господь не отнимает у тебя этого неправедного стяжания, не видишь ли ты Божию милость к тебе? — Господь не отнимает у тебя этого богатства, попускает тебе иметь его в надежде, что ты одумаешься и раздашь несправедливо приобретенные блага и заботиться начнешь о спасении души своей от грехов. Ты способен к наукам, к искусствам, ты полон физических сил. Все это данный тебе от Бога дар, так как много есть недоразвитых, неспособных к наукам и искусствам, слабых по телу.

Ты поставлен на высокий пост правителя или тебе поручено высочайшее из дел человеческих — спасение душ людских. Это Сам Господь вознес на высоту, с тем, чтобы ты своим высоким положением воспользовался, как нужно.

Как же нужно употреблять полученные от Бога дары?

Когда управляющий получает в свое ведение имение господина, он правит имением не так, как ему хочется, а как угодно властелину имения; смотрит на себя не как на хозяина имения, а как на приставника. И вся забота доброго и верного управляющего в том, чтобы как можно лучше обработать землю господина, с тем, чтобы как можно больше пользы принесло хозяину его имение.

Всякий, имеющий какое-либо земное благо, должен смотреть тоже на себя как на приставника Божьего дара, зная, что не он хозяин своего блага, а Господь. Не по своему произволу употреблять таланты, а так, как угодно Богу.

«Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию», — вот основной принцип жизнедеятельности христианина. Бог есть центр всех наших дел. Его нужно всегда нам помнить, на всех поприщах служения нашего, к Нему направлять все наши дела, всегда испытывать; согласно ли такое или иное дело с волею Божией?

Как же узнать волю Божию?

Православный христианин знает заповеди Божии, изложенные в святом Откровении, знает повеления Церкви своей, которыми он призывается слушаться как Самому Богу Спасителю, по его же заповеди: «слушающий вас, Меня слушает, а отвергающий вас, Меня отвергается, а отвергается Меня, отвергается Пославшего Меня».

Основным же компасом для христианина в пользовании земными благами являются две существеннейшие заповеди Божии, так сказать суммирующие в себе все заповеди Божии. Эти две заповеди: первая — главнейшая — любовь к Богу, от всей души, от всего разума, от всей крепости; и вторая — любовь к ближнему, как к самому себе.

«Возгревай в себе горячую, искреннюю любовь к Богу от всего сердца, люби ближнего братской любовью, считая для себя его благо таким же, как и для себя, и ты найдешь правильное руководство, как пользоваться нужно теми или другими земными благами. «Христианин, — говорит проф. С. М. Зарин, должен оставить эгоистический, отчужденный от Бога, и в этом смысле «мирской» взгляд на смысл своей жизни, по которому земное существование является

самодовлеющей целью. Он должен переставить жизненную цель и волевой центр тяжести с собственной личности на Бога и близких, полюбить Христа и близких своих всей душой, и в этой именно любви, осуществляемой деятельным образом, видеть смысл и цель своего существования. Тогда и все земное, все естественные принадлежности жизни получают высшее, подчиненное Царству Божию и целям любви значение и освещение».

К земным благам нужно относиться христианину с большой осторожностью. Нужно остерегаться христианину, чтобы блага земные не стали для него самоцелью, чтобы сделавшись для него кумиром, блага эти не удалили его от единения с Богом, Источником нашего истинного блаженства. Ведь для христианина целью жизни является искание единения с Богом и самое это единение с Богом. А все счастье христианина и всякого человека, стремящегося к счастью, в жизни со Христом, для Христа и по Христу.

«Не от богатства, не от сытости и довольства — говорит один проповедник, — зависит наше счастье и блаженство, а от того, насколько наша бессмертная душа имеет общение с Богом, со Святым Духом, насколько каждый из нас живет жизнью Христовой.

Богатство, сытость и довольство во всем, могут дать человеку временное успокоение, могут на короткое время усладить его, могут показать ему призрак счастья, но истинного успокоения и блаженства душе, они не дадут никогда, ибо она алчет того хлеба, который сходит с неба и жаждет питья, которое течет в жизнь вечную.

Человеку, созданному для неба, для жизни в Боге вместе с небесными ангелами, скучные песни земли никогда не заменят дивных звуков небес.

Все блаженство наше — в жизни во Христе. Задача христианина в здешней жизни сводится к тому главнейшим образом, чтобы тщательно ревновать о всем, что ведет нас к единению с Богом. Тут разумеется горячая молитва к Богу, богомыслие, изучение и чтение книг духовного и светского содержания, которые говорят о Боге нам, общение с людьми духовного склада, стяжание, при помощи Божией благодати, христианских добродетелей: любви, смирения, целомудрия, кротости, воздержания, трудолюбия и других, сродных им, главнейшим же образом, постоянное окаивание себя в своих грехах, возможно частое исповедание своих грехов в таинстве покаяния и достойное приготовление к таинству Причащения и самое вкушение Пречистого Тела и Крови Господних. Все же, что лежит на пути нашего единения с Богом: все страсти — гордость, зависть, злоба, осуждение, корыстолюбие, леность, плотские страсти и все сродное им, — все это нужно всячески отвергать от себя при помощи Божией.

Увлечение земными благами также удаляет нас от Бога, и потому христианин всегда должен бодрствовать, помня слова Спасителя: «смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими» (Лк. 21, 34).

Вы скажете: мы понимаем, что если христианин делает земные блага своим кумиром, забудет через то Бога, — это, конечно, тяжкий грех, потому что это есть атеизм, идолопоклонство. Но разве такой тяжкий грех — привязанность к пище, к питью, к земному уюту?

Разве нельзя совместить и любовь к Богу и привязанность к земным благам, разве через эту привязанность мы лишаемся единения нашего с Богом?

По закону духовной жизни всякое пристрастие наше к земным вещам отдаляет нас от Бога; пристрастие не только к каким-либо значительным вещам, но и самым маленьким. Удаление от Бога не проходит даром для нашей духовной жизни. Оно ослабляет нашу душу, делает ее неспособной к религиозным порывам, становится во всякое мгновение — когда мы привязываемся к какому-либо земному благу — преградой, хотя бы и очень тонкою и незаметною для нас, между нами и Богом.

Через пристрастие к земному, — пусть самое небольшое, по которому отделилась душа, — в нашу душу входит сатана и производит опустошение добродетелей и всевает в душу всякие греховные мысли. И чем дальше продолжается у христианина это влечение книзу, чем больше человек запутывается в своей земляности, тем тяжелее слышать ему все духовное, как на это указал Сам Спаситель наш: «Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют. И сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: «слухом услышите, и не уразумеете, и глазами смотреть будете, и не увидите. Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули... да не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Мф. 13, 13-15). О всем этом прекрасно говорит приснопамятный протоиерей о. Иоанн Кронштадтский, живший в том же миру, среди людей, знавший про то, как земные блага влекут к себе христианина.

«Преме́рзкий враг (сатана), — замечает о. Иоанн, — силится уничтожить любовь любовью же: любовь к Богу и ближним, — любовью к миру, его благам мимолетным, любовью богатства, почестей, удовольствия, игр различных. Поэтому да погашаем в себе всячески любовь к миру сему и да возогреваем любовь к Богу и ближним, через самоотвержение».

«Сердце наше, — пишет о. Иоанн в другом месте своего дневника, — просто, единично и потому не может работать двум господам — Богу и маммоне, т. е. богатству: значит, нельзя служить искренно Господу и вместе с тем иметь пристрастие к земным вещам, ибо это относится к маммоне. Все земные вещи, если мы привязываемся к ним сердцем, удаляют его, земленят и от Бога и от Матери Божией и всех святых, от всего духовного, небесного и вечного отвращают нас и привязывают нас к земному, тленному, временному, также и от любви к ближнему отвращают.

В довершение всего сказанного надо еще сказать, что дух привязанности к земному, щажение и делание земного есть дух дьявольский, и дьявол сам вселяется в человека через привязанность его к земному: он нередко входит в наше сердце, как наглый победитель, через мгновенное пристрастие к земному, не отвергнутое тотчас, помрачая, подавляя, умерщвляя дух наш и делая его неспособным ни какому делу Божию, заражая его гордостью, хулою, ропотом, презрением святыни и ближнего, противлением, унынием, отчаянием, злобою».

Отсюда становится психологически понятною теперешняя жестокость и нравственная распущенность и богохульство многих прежде добрых, православных

людей. Земные блага отвлекли их от Бога, сатана овладел их душами и всеял в них злобные семена ненависти и зависти, и кощунства и иных злых дел.

Поистине надо иметь глубокую мудрость, постоянную духовную осторожность, трезвиться и бодрствовать, сердце иметь пламенеющее любовью к Богу и ближнему, чтобы не заботиться о земных благах: богатстве, власти, науках и всяком земном благополучии. Поэтому иные христиане, будучи богатыми и знатными мира сего, бросали все свои земные преимущества и становились нищими и бесславными, боясь как бы земные блага не лишили их главной утехи — Христа Спасителя, как бы не погубить своей души, увлекшись земными благами. В их сердце как бы звучали слова Спасителя: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мф. 16, 26)

Так, один боярин Варлаам (прп. Варлаам Печерский), в цвете лет, имея прекрасную невесту, отказывается от всех своих преимуществ и решает принять иночество, чтобы не лишиться Христа. Он одевается в богатую и светлую одежду, садится на коня и окруженный многочисленными слугами, ведущими под узды дорогих коней, тяжело нагруженных добром, подъезжает к киевским пещерам в великой славе. Инок Печерского монастыря, во главе с преподобным Антонием Печерским, вышли к знатному боярину с поклоном. Юный же боярин упал святому старцу в ноги, снял с себя боярскую одежду, положил ее к ногам преподобного и, указывая на нагруженных коней, сказал: «все сокровище, все прелести мира этого отдаю я тебе, делай, что хочешь с ними, я же всего себя лишаю, чтобы приобрести Христа. Хочу жить с вами, в вашей пещере. Более не возвращусь с себе домой».

Здесь мы находим ответ и на злободневный вопрос нашего времени: отчего не все богаты и славны? Почему Господь, рассуждают некоторые, — не устроит так, чтобы я был богатым, а не бедным, и вообще, чтобы все люди были богаты? Почему он дал власть другому, а не мне? Отчего мой знакомый здоров, а я болен? Неразумные рассуждения, безумная хула на любящего нас Господа. Знаешь ли ты, ропщущий на Бога за то, что Он не дал тебе богатства и земной славы и вообще многих земных преимуществ, знаешь ли ты, что через это Господь проявил к тебе особую милость? Через эти лишения Он отнимает от тебя, слабого по вере, опасность впасть в увлечение земными благами, а через то удалиться от Бога и причинить себе вечную гибель, ибо только с Богом — свет и блаженство. Уверен ли ты, что владея богатством, ты не расточил бы его, подобно блудному сыну, на всевозможные увеселения и распутство? А между тем, за богатство ты должен дать строгий отчет давшему тебе это богатство — Богу! Можешь ли ты сказать, что, получив высокую власть, ты пользовался бы ею мудро? Быть может, ты не одному сделал бы вред, быть может, сам лишился бы разума от забот и огорчений, с которыми сопряжена всякая ответственность, власть. Даже здоровье, этот дар Божий, по-видимому, невредимый для нас, оказывается иногда опасным для спасения нашей души.

«Силы мои слабеют ежеминутно, но не дух, — пишет о себе Гоголь. Никогда еще телесные недуги не бывали так изнурительны. Часто бывает так тяжело,

так тяжело, такая страшная усталость чувствуется во всем составе тела, что рад бываешь, Бог знает почему, когда, наконец, оканчивается день и доберешься до постели. Часто в душевном бессилии восклицаешь: где же, наконец, берег всего? Но потом, когда оглянешься на самого себя и посмотришь глубже себе внутрь, уже не издает ничего душа, кроме одних слез и благодарения. О, как нужны нам недуги! Из множества польз, которые я уже извлек из них, укажу вам только на одну: ныне, каков я ни есть, но все же стал лучше, нежели был прежде; не будь этих недугов, я бы задумал, что стал уже таким, каким следует мне быть. Не говорю уже о том, что самое здоровье, которое беспрестанно подталкивает русского человека на какие-то прыжки и желание порисоваться своими качествами перед другими, заставило бы меня не делать уже тысячу глупостей.

Притом ныне, в мои светлые минуты, которые дают мне милость небесная и среди самых страданий, иногда приходят ко мне мысли несравненно лучше прежних, и я вижу сам, что теперь все, что не выйдет из под пера моего, будет значительнее прежнего. Не будь тяжких болезненных страданий, — куда бы я теперь не занесся! Каким бы значительным человеком вообразил себя! Но слыша ежеминутно, что жизнь моя на волоске, что недуг может остановить тот мой труд, на котором основана вся моя значительность и та польза, которую так желает принести душа моя, останется в одном бессильном желании, а не в исполнении и не дам я никаких процентов на данные мне Богом таланты, и буду осужден, как последний из преступников, — слыша все это, смиряюсь я всякую минуту и не нахожу слов, как благодарить небесного Промыслителя за мою болезнь».

Через лишения земных благ Господь ставит нас на тот спасительный путь, к которому шли вольною волею многие святые угодники Божии, свободно отказавшиеся от всех благ мира сего: теперь для тебя легче заботиться о едином на потребу — спасении души. Земные блага не тревожат тебя. В скорбях земных, нищете, бесславии, болезнях телесных, ты легче вспомнишь о душе, о будущей жизни, станешь горячо молиться Богу.

В этом именно смысл всяких скорбей на земле. Через лишения земных благ мы ближе становимся к Богу. Вот где также психологическая причина духовного отрезвления теперешней нашей русской православной интеллигенции. Лишившись земных благ, в своих страданиях она ближе стала к Богу, а через эту близость стала чище, смиреннее, любвеобильнее.

Итак, имеет ли христианин много земных благ или совсем нет их у него, одинаково он благодарит Бога и говорит словами Иова Преподобного: «Господь дал, Господь и взял (как угодно было Господу, так и сделалось), да будет Имя Господне благословенно».

Если у христианина много земных благ, то он не увлекается ими, а смотрит на них как на дар Божий и старается мудро употребить их, во славу Божию и благо ближних. Нет никаких земных благ — он смиренно рассуждает: значит, Господь лучше меня знает, если не дал мне земных благ; знает Господь, что эти блага не были бы на пользу душе моей. И терпеливо несет свои лишения, надеясь, что таким терпением он

спасет свою душу, по слову Спасителя: «терпением вашим спасайте души ваши».

Мы указали нормальное отношение к земным благам у православного христианина: не для себя, для своего удовольствия христианин пользуется земными благами, а для Бога и ближних.

Но, быть может, кому-либо покажется такое отношение к земным благам строгим без нужды для мирян. Скажут, быть может, так относиться к земным благам должны подвижники, аскеты, монахи. Мы же, мирские люди, можем и повеселиться здесь на земле, пожить и погулять в свое удовольствие. Разве мы монахи, чтобы во всем земном себе постоянно отказывать? Нужно сказать на это возражение в ответ, что идеал жизни один и для православного мирянина, и для монаха: Христос Спаситель и благодатная жизнь с Ним. Разве не всем Спаситель Говорил: «Ищите прежде Царства Божия и правды его и все это приложится вам?»

Разве одним лишь монахам Господь заповедал: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»? Ко всем христианам, к мирянам и монахам, относятся слова святого Апостола Иоанна Богослова: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1 Ин. 2, 15-16). Нельзя пользоваться земными благами в свое удовольствие и быть истинным христианином, как об этом говорит Сам Спаситель: «никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6, 24-25). «Не знаете ли, — поучает нас Апостол, — что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак. 4, 4).

Значит, всякий последователь Христа, не только монах, но и мирянин, не должен увлекаться и служить благам мира сего. Разница между христианином-мирянином и христианином-монахом в том лишь, что мирянин ведет брачную жизнь, а монах безбрачную. «Ты очень заблуждаешься, — говорит св. Иоанн Златоуст, — и обманываешься, что иное требуется от мирянина, а другое от монаха, — разница между ними в том, что один вступает в брак, а другой нет, во все же прочем они подлежат одинаковой ответственности.

Так, гневающийся на брата своего напрасно, будет ли он мирянин или монах, одинаково оскорбляет Бога и взирающий на женщину с вожделением, будет ли он тем или другим, одинаково будут наказаны за это преступление.

Когда Спаситель говорит: блаженны нищие духом, плачущие, кроткие, алчущие и жаждущие правды, милостивые, чистые сердцем, миротворцы, изгнанные правды ради, несущие за Него от внешних (неверующих) упомянутые и неупомянутые поношения, то не приводит названия ни мирянина, ни монаха. Такое различие привнесено умом человеческим.

Всем людям должно восходить на одну и ту же высоту. То именно и извратило всю вселенную, что мы думаем, что будто только монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочим можно жить бес-

печно. Нет, нет, от всех нас требуется одинаковое любомудрие.

Легкое отношение к земным благам у христианина-мирянина появилось среди нас от общения с западными еретиками: католиками и протестантами. Так именно смотрит и духовенство их на землю как на веселый пир, говорят и мечтают о счастье земной жизни. Православная же вера есть подвижническая, аскетическая. Православный христианин старается, при Божией помощи, идти тесным путем в сей земной жизни, путем борьбы со своими греховными замашками на всякое земное удовольствие, и не потворствовать этим удовольствиям. Он знает и стремится осуществить в жизни слова Спасителя: «подвизайтесь войти сквозь тесные врата. . . потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 13-14).

Земная жизнь для православного христианина — не пир веселый удовольствий земных, а подвиг, борьба для наследования Царства Божия. «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилия восхищают его» (Мф. 11, 12).

Такая-то, исполненная работой над собою жизнь, целью которой является искоренение своих страстей: блуда, самолюбия, зависти, объядения, лености и наполнение души духом целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви, такая жизнь и называется аскетизмом или духовным подвижничеством.

Ясно, что всякий православный христианин не только монах, но и мирянин, должен быть именно подвижником, аскетом, если оный не хочет услышать страшного голоса Божия в день он: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф. 7, 23).

Скажет кто-либо, как же это я должен свои богатства употреблять во благо ближним? Неужели я должен отдать все, что у меня есть, нуждающимся и самому стать нищим?

Многие святые угодники Божии так и делали. Но Господь не препятствует никому из Своих последователей пользоваться и земными благами не для удовольствий, а для необходимых нужд. «Для того Бог и сотворил тела наши соразмерными, требующими немного для своего насыщения, чтобы отсюда уже научить нас, что мы созданы для другой жизни. Он не позволяет нам наслаждаться без меры. Небольшого стакана вина и одного хлеба достаточно для наполнения желудка человеческого. Владыка всех бессловесных Бог отдал нуждающимся гораздо менее сравнительно с нами и дал небольшое тело, указывая этим не что иное, как то, чтобы мы стремились к другой жизни».

Можно слышать и такие возражения: вот ты говоришь, что я должен из своих благ уделять нуждающимся, а сам пользоваться только необходимым. Меня стесняет, давит такое постоянное сдерживание себя. Не лучше ли мне последовать тем, которые при большом богатстве говорят: «душа! много добра лежит у тебя на многие годы, покойся, ешь, пей, веселись!». По крайней мере, я тут действительно чувствую себя довольным, а в твоём всегдашнем самоотречении, — какая мне приятность!

Друг мой, не верю, чтобы человек, имеющий хоть каплю сострадательности, мог так рассуждать, живя

здесь на земле, среди своих ближних, у которых так много горя, слез, стонов, всяких вопиющих нужд. Неужели на все просьбы и слезы несчастных твоих братьев – ближних, ты будешь отвечать холодным смехом и жить в свое удовольствие!

«Господи, сколько бедности, нищеты, горя, – восклицает один писатель, – сколько страданий на земле, перед коими должна бы, кажется, умолкнуть всякая веселость, беспечность и тупое довольство здешней жизнью с ее благами, напоминающими корзину цветов и плодов, с ядовитыми на дне ее змеями...

Не есть ли жизнь наша – пир во время чумы?

Ты веселишься, а рядом с тобою корчатся в страданиях безысходной нужды, горя болезней тысячи несчастных. Не есть ли безумие – наше веселье при такой обстановке! Иди к несчастным, ищи их повсюду, утирай им слезы. Облегчай страдания, утешай скорби, где только и как можешь. Вот истинное твое призвание и занятие, человек!»

Да, нужно быть злым и бессердечным человеком, чтобы проводить жизнь свою (земную) в удовольствиях земных, когда кругом нас так много горя!

Но, друг мой, напрасно ты думаешь, что служба Богу и ближнему от своих благ, через ограничение себя в своих удовольствиях, ты не будешь переживать никаких радостей. У тебя будут теперь радости духовные, несравненно выше этих земных наслаждений. Разве не случилось тебе когда-либо совершать какое-либо доброе дело для ближнего или друга, потрудившись, не жалея своих средств, пожертвовав своим отдыхом? Разве не чувствовал ты тогда особый мир и ликование в душе? Неужели ты не чувствовал особой сладости духовной, когда благодетельствовал бедную вдову со многими детьми или когда простоял терпеливо длинную монастырскую службу под праздник?

Знай же, что в постоянном самоотречении от благ жизни, в усердном служении Богу и ближним, сокрыт источник неиссякаемой бодрости и духовного веселия!

У кого-либо может возникнуть такое недоумение: вот ты говоришь, что от своих благ я должен уделять ближнему. Представь, что я щедро оделил от своего богатства бедняку; другой богатый человек также дал обильную помощь тому бедняку, и вот, сегодняшний бедняк оказался завтра уже богачом. А ведь ты же говоришь, что в бедности человек ближе к Богу. Что если я щедро одеяла бедного, через то делаю его вполне обеспеченным, тем самым толкаю его в опасность – отпасть от Бога, увлечься полученными от меня земными благами во вред себе?!

Конечно, обманы со стороны мнимых бедняков бывают, и иногда просит о помощи тот, кто уже имеет необходимое. Но таких примеров значительно меньше. Поэтому-то бояться из-за исключительных случаев – благодетельствовать никак нельзя. Большинство просящих действительно и часто безвыходно нуждаются. Идя навстречу беднякам своим богатством, мудро-

стью, любовью, ты делаешь величайшее дело благотворения Самого Господа, Который говорил о Себе: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу» (Лк. 4, 18). Во время оказание помощи материальной или дружеский совет, или одобрение, скольких людей возрождало духовно, ставило, как говорится, на ноги, избавляло от злых сетей порока.

Вспомни хотя бы милость, оказанную святителем Мирликийским Николаем одному гражданину с его тремя дочерьми. Милостыня святителя освободила трех девиц от падения и благодаря ей все они вышли замуж.

Смысл благотворения нашего ближнему состоит именно в том, чтобы человек не падал духом под тяжестью своих страданий, а, получая помощь и поддержку от нас, благодарил Бога и молился Ему, не забываящему людей в их страданиях, но милующему их. Совсем не в том смысл наших благодеяний ближнему, чтобы он стал совершенно обеспеченным и состоятельным. Когда Господь посылал ветхозаветному Израилю внешнее обилие земных благ, когда «Иуда и Израиль, многочисленные как песок из моря, ели, пили и веселились», значит ли это, что для наслаждения земными благами Господь дал их евреям? Нет, но для того, чтобы Израиль постоянно помнил Господа Бога нашего, чтобы он видел любовь и попечение Божие о себе, чтобы в полном изобилии земных благ, Израиль видел «доказательство вседержительной власти» Господа, подтверждение справедливости Божиих обещаний отцам их о населении земли Ханаанской плодородной и размножении Израиля как песок морской.

Через тебя, владеющего теми или иными благами, Господь невидимо помогает, утешает нуждающихся. Когда просит кто-либо помощи или поддержки, верь, что это Сам Господь привел к тебе. И если ты отвергнешь свою руку, или отгонишь нуждающегося с презрением, то не заплачет ли в унынии твой брат ближний, не наложит, быть может, руки на себя в безвыходном своем горе?

Пусть же не будет такого окаменения среди нас православных верующих, сынов Божиих и дочерей Божиих, по благодати. Будем мерою полною щедро уделять каждый от своих благ нуждающимся. Всю же свою жизнь и деятельность направим к Божией славе. Тогда услышим мы сладчайший глас Спасителя нашего Бога, когда пройдет эта земная жизнь наша и предстанем мы Ему, нашему Владыке, с отчетом о земной жизни своей:

«Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего» (Мф. 25, 21). А м и н ь.

Публикация В. В. Антонова.

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

И. В. Попов

СТРАННИК АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ КРАЙНЕВ

Память 10/ 23 декабря.

Тезоименитство 22 октября/4 ноября, пам. священномученика Александра, епископа Адрианопольского

Сейчас, пожалуй, лишь петербуржцы старшего поколения помнят, где располагалось некогда самое большое городское православное кладбище — Митрофаниевское. Ныне огромный участок земли между Балтийской и Варшавской ветвями железной дороги, где нашли свое последнее пристанище сотни тысяч петербуржцев, и где некогда возвышались три прекрасных храма, занят гаражами, складами и свалками. Лишь остатки Старобрядческого участка кладбища, получившего в народе название Громовского, также лишившегося в 1930-х годах своего величественного храма Покрова, да немногочисленные старые деревья напоминают о некогда великом *Katrosanto*, «святом поле», хранящем до второго славного пришествия Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, когда Он придет во славе Своей судить живых и мертвых, бранные останки православных христиан.

Митрофаниевское кладбище было основано в 1831 году на месте некогда стоявшего здесь векового леса, куда петербуржцы любили ходить по грибы и ягоды. Первоначально здесь хоронили умерших во время эпидемии холеры, затем оно стало обычным городским кладбищем. Тогда же здесь появилась часовня, а через четыре года сюда была перенесена деревянная церковь лейб-гвардии Измайловского полка, стоявшая на месте нынешнего Троице-Измайловского собора. 20 октября 1835 года она была торжественно освящена в честь новопрославленного в 1832 году святителя Митрофана Воронежского.

В 1839—47 годах по проекту К.А.Тона здесь был возведен новый каменный храм в честь свт. Митрофана, выстроенный в русско-византийском стиле, по образцу православного храма в Свеаборге. По нему кладбище и получило свое название — Митрофаниевское. К 1917 году здесь действовало три православных храма: свт. Митрофана, во имя Всемилостивого Спаса и во имя Сошествия Святого Духа и Семи отроков Эфесских (Кекинских), построенный известным петербургским купцом-благотворителем, уроженцем Ростова-Великого, А.Л. Кекиным (1838—1897) на могиле его сына Максимилиана († 1885). В престольный праздник 7/20 августа на кладбище для поминовения собиралось до ста тысяч горожан.

Кроме храмов, на кладбище было немало часовен и склепов. Одна из часовен, располагавшаяся неподалеку от Митрофаниевского храма часто посещалась многочисленными благочестивыми богомольцами. Особое внимание обращало на себя огромное количество голубей около часовни.

Под стенами этой скромной часовенки почивало тело некогда известного в Петербурге, во многих уголках России, а также за ее пределами старца-странника Александра Михайловича Крайнева (1818—1889). «Александрюшка», как ласково его называл народ, был хорошо известен столице. Его, порою босого и без шапки, зачастую можно было видеть на всех торжественных службах и церковных праздниках. Почитание его в народе было очень велико и сравнимо, пожалуй, с почитанием Блаженной Ксении.

В Спасо-Сенновской церкви, закрытой в 1938 и разрушенной в 1961 году, на стене с левой стороны, благоговейно хранились вериги старца, состоящие из «железного пояса, обхватывающего стан, от него чрез плечи шли две железные проймы, приделанные к поясу. К последнему подвешены еще два кольца, с помощью веревки».

Почитание странника и подвижника в народе в начале нынешнего века было столь велико, что церковные издания начала века предрекали: «С уверенностью можно сказать, что имя Александра Михайловича Крайнева надолго останется в памяти современников».

Однако после большевистского переворота, положившего начало открытому гонению на веру, безбожники постарались вытравить из памяти народной имя этого угодника Божия.

В 1927 году властями было принято решение «о немедленном закрытии Митрофаниевского кладбища». Спустя два года были закрыты и снесены все кладбищенские храмы, вместе с ними была уничтожена и часовня на могиле странника Александра Крайнева. В 1930—50-х годах были разрушены все надгробия некрополя.

Ныне на территории бывшего Митрофаниевского кладбища уже ничто не напоминает о святыне. Отмечая 180-ю годовщину со дня рождения странника Александра Крайнева и приближающееся 110-летие со дня его преставления, вспомним об этом славном подвижнике веры и благочестия, чтимом в С.-Петербурге угоднике Божиим.

Часовня над могилой странника Александра Крайнева на Митрофаниевском кладбище

Блажени нищие духом, яко тех есть царствие небесное.
Блажени милостивии, яко тии помиловани будут.

(Мк. 5. 3, 4)

Иже хочет по Мне идти, да отвержется себе и возмет
крест свой и по Мне грядет.

(Мф. 8. 38)

За десять лет до наступления нынешнего века, 12 декабря 1889 года, с самого раннего утра Фонтанка, начиная от дома известного петербургского благотворителя купца А.А.Тарасова до Обуховского моста, а также вся Сенная площадь до церкви Успения Пресвятой Богородицы, называемой в народе Спасом-на-Сенной, была запружена народом. Около двадцати тысяч петербуржцев пришли сюда, в этот морозный декабрьский день, дабы проводить в последний путь знаменитого и чтимого странника Божия Александра Крайнева. По воспоминаниям очевидцев «давка была невообразимая». Кто-то спешил на вынос покойного из дома, кто-то хотел помолиться при его отпевании. В толпе то и дело слышались самые разнообразные воспоминания о нем: «Что за болезный трудник был, пудовые вериги носил», «Тридцать лет странствовал, сердешный», «А вот диво: за пятнадцать лет вперед смерть себе предсказал...», «Упокой, Господи, душу его», — раздавалось повсюду.

Причт храма совершил обычное отпевание. Простой деревянный гроб несли на руках, и печальная процессия от Спаса-на-Сенной двинулась к Митрофаниевскому кладбищу. Люди наперебой протискивались сквозь толпу к носилкам, чтобы хоть единым перстом коснуться гроба. «От Обводного канала до самого кладбища народ сплошной стеной медленно подвигался вперед. С каждой минутой росла толпа. Наконец, в два часа по полудни бранные останки были преданы земле».

Кто же этот «болезный трудник», кончина которого собрала такое множество народа? Кто этот подвижник, которого так торжественно провожали на вечное упокоение, и на могилу которого в начале века ежедневно приходили сотни людей, творя поминовение над ним?

В ведомости кладбищенской церкви свт. Митрофана Воронежского за 1889 год, под № 98 имелась следующая запись: «умер 10 декабря и погребен 12, Александр Михайлович Крайнев, крестьянин Вологодской губернии и уезда, деревни Ерденево, (странник), 71 года, от старческого изнурения».

Немного больше сведений о нем давала надгробная надпись, помещенная на деревянном кресте: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Здесь погребено тело странника Александра Михайловича Крайнева, крестьянина Вологодской губернии и уезда, Фетыньинской волости, деревни Ерденево, 71 года от роду: Скончался 10 декабря 1889 года, в 12 часов дня. Носил вериги 28 лет, весом 1 пуд 3 фунта, и при жизни своей заповедал оставить их у Спаса на Сенной, на левой стороне...»

Александр Михайлович Крайнев родился в бедной крестьянской семье, в деревне Ерденево Вологодской губернии и уезда, близ одного из известных монастырей Русского Севера Заоникиевской Владимирской мужской пустыни, приблизительно в 15 верстах к северу от Вологды. Отец его занимался хлебопашеством, однако земли было так мало, что со второй половины года хлеб приходилось покупать.

Бедная изба, перешедшая к нему от деда, стояла на самом краю деревни. Семья испытывала большую нужду, поэтому Александр, достигнув пятнадцати лет, как многие его земляки-воложане, занялся отходным промыслом.

По одним сведениям, он стал землекопом. Хотя заработки были невелики, но доставляли пропитание, и кое-чем можно было поделиться с семьей. Отец Александра, будучи сам человеком неграмотным, не считал нужным учить грамоте и своих детей, полагая это роскошью и делом необязательным. Когда юноше исполнилось 20 лет, бурмистр указал ему на невесту, такую же бедную, как и сам жених. Звали ее Ольгой, и была она из избы Ивана Соколова. Юноша женился; в противном случае бурмистр угрожал солдатчиной. Молодая жена оказалась не по нраву сестрам Александра, в избу которого перешли жить молодые. В доме начались перебранки, со временем перешедшие в неприкрытую вражду. Александр любил своих сестер, жаль было и жену. Оказавшись между двумя огнями, он не мог отделиться и выстроить собственный дом: это было не по средствам. Приходилось ютиться всем вместе в одной избе: все же какой-никакой теплый угол.

Однако со стороны сестер пошла подстрекательства и наговоры на молодую жену. Александр плохо себя чувствовал в родном доме, он стал часто отлучаться на заработ-

ки, однако и пребывание в чужих краях не заглушало его горя. От этого он начал понемногу пить, ища утешения в вине. Организм не вынес нервного напряжения: время от времени с ним стали случаться приступы «падучей болезни» (эпилепсии), «так что, бывало, бросит его наземь и лежит он, бедняга, несколько минут без памяти». Со времени его женитьбы прошло двадцать лет, в доме росли два сына – Иван, четырнадцати лет и Петр, – шести. Семья по-прежнему бедствовала и терпела нужду, жена и дети плакали...

Но Бог не желает смерти грешника, и Он особым Промыслом позвал к Себе Александра, пробудив его от духовного сна и явив ему мерзость нетрезвой и убогой жизни. Он послал ему добрую мысль, что жить, как он жил, дальше нельзя. Александр воочию увидел, что гибнет душой, и в его сердце загорелось желание взять крест на себя и идти за Христом. Оставить все, – дом, семью, – надеть вериги и странствовать по святым местам, собирая пожертвования на украшение бедных храмов.

Так, очевидно по воспоминаниям самого странника и близких к нему людей, описывается момент тайного его ухода из дома: «Было уже за полночь. Спала крепким сном деревня Ерденево, как спят обыкновенно сельские люди в страдную пору. В избе Крайневых тоже все спали. Один Александр еще не лег, да он и не раздевался. Прошел еще час. Убедившись, что семья спит, он стал перед образом и начал молиться. Казалось, весь он отдался молитве, в лице его отражалось необыкновенное умиление. Помолвившись, он осторожно снял маленький образок – благословение матери своей, давно умершей, положил перед ним три земных поклона, поцеловал его и спрятал за пазуху под рубашу. Все это было сделано с большим благоговением, хотя заметно торопясь. Потом снял с той же стены икону Божией Матери «Утоли моя Печали», тихо, кажется, затаив дыхание, подошел к спящей жене, осенил ее иконою, затем подошел к детям... осенил и их тою же иконою. В глазах его заискрились слезы, но он, видимо, сдерживал их. Еще минута, и в доме стало меньше одним человеком. Александр был на улице. Вот он уже прошел крестьянские гумна, дальше начинался лес. Еще раз он останавливается, оборачивается назад, творит по воздуху крестное знамение, как бы посылая его туда, где покинуты им навсегда три дорогих для него существа – жена и два сына...»

По другим сведениям, занимаясь отходными промыслами, Александр Михайлович Крайнев сделался торговцем. Он приобрел солидное состояние и имел уже несколько лавок, когда в 1856 году ему было видение и таинственный голос приказал ему продать все, раздать имущество бедным и посвятить свою жизнь Богу.

Так началось его странствование по белу свету.

В первых числах сентября 1861 года по направлению к Москве, с котомкою за плечами шел странник, роста среднего, сухошавый, лицо имевший немного смуглое и продолговатое, волосы черные и на вид ему было не более 40 лет. «На нем был крестьянский зипун, довольно поношенный...» и по всему было видно, «что не одну сотню верст он уже прошел...»

Странник Александр шел в Москву принять у митрополита Московского Филарета благословение на те подвиги страннической жизни, которые он решил взять на себя.

Заоникиева пустынь – святая обитель на родине странника Александра Крайнева

– Господь Бог благословит тебя, чадо, – сказал святитель Александру, – да будет Он с тобою всегда и везде, да сохранит тебя от всех козней лукаваго. Только помни, друже, одевши вериги, грех будет тебе сбрасывать их. Хватит ли у тебя долготерпения и кротости?

– При помощи Божией, буду стараться пребывать в радости и нести крест терпеливо, – ответил Крайнев и смиренно попросил, падая в ноги старцу-митрополиту, – Помолись, кормилец, о рабе Божиим Александре.

Из Москвы он направился в Новгород, чтобы поклониться его древней святыне. Здесь он сошелся с кузнецом Маркеллом Матвеевым, который имел собственную кузницу в селе Волокославинском Кирилловского уезда, куда вместе с ним направился. Долго Маркелл не соглашался сделать ему вериги и заковать его в них, но, наконец, уступил слезным мольбам. В день своего Ангела, 22 октября, Александр Михайлович надел на себя вериги. Его единственной целью стало теперь спасение души, чрез распятие собственной плоти с ее «страстями и похотями». Стать выше самого себя, выше своей чувственности, было теперь его единственной целью, для достижения которой он не жалел никаких усилий.

С этого дня начались его странствования. Несколько раз был он в Киеве, Москве, Петербурге, Почаеве, Вологде, Ростове, ходил на Кавказ, был в Иерусалиме, на Соловках и на Афоне.

Часто голодный, почти нагой и босой, он твердо шел по тесному пути, с любовью переносил лишения, болезни, насмешки, ругательства, а иногда и побои. Летний зной, зимние вьюги и морозы нередко застигали его в дороге, но он не унывал и не падал духом. Спал, где придется, часто в лесу, под заборами, на церковных папертях, на камнях; ел, что давали, а в лесу зачастую обходился одними кореньями. Тело свое Александр изнурял не только веригами, постом и разными лишениями, но и другими, с человеческой точки зрения ужасными средствами.

Так многие видели ноги его в крови, когда снимал с себя сапоги, внутри которых набиты были гвозди.

Самой скудной пищей он оставался доволен, говоря: «Какая царская еда у вас». Случалось спать ему на голом полу, но поднявшись утром, он говорил людям, приютившим его: «Как покойно я ночевал у вас». Всегда и во всем он старался проявить незлобие и почтительность, кротость и смирение.

«Где мне Богу молиться за других, вы помолитесь за дурачка Александрешку», – отвечал он тем, кто просил его молиться за себя.

Когда предложили ему в одном монастыре (Заоникиевой пустыни, Вологодской губернии) принять монашество, он отвечал: «Недостойн дурачок Ангельского чина».

Редко кого называл он по имени, чаще говорил: «брат» или «сестра». Часто вздыхал и если кто спрашивал: «О чем ты, Александрушка, вздыхаешь?» — отвечал: «ох, как трудно, брат, душу спасти».

В беседе с другими часто повторял слова: «Крест и вера — благодать Святого Духа. Не осуждайте никого, последнего пьяницу надо прощать и пожалеть. Кротость выше всякого моления. Где мир, тут и Сам Господь почивает, и Святой Дух обитает. Терпи, терпи, ни один святой без скорбей в царство небесное не взшел. Трудно богатому в царство небесное войти».

Предсказания, какие делал, по большей части выражал намеками, в роде загадок, говоря как бы про себя.

В церкви иногда замечали за ним странности, то он делал своим посохом какие-то движения, то вдруг подходил к кому-нибудь и вопросительно смотрел прямо в глаза, то бормотал что-то про себя.

Простыми и доступными, но идущими от всего сердца беседами, он многих исправлял. Ясный и проникающий в душу взгляд его невольно внушал к нему уважение как к истинному рабу Божию. «Брат мой, родимый мой, — бывало уговаривал пьяницу, — я тебе в ножки поклонюсь, — и действительно, бывало, кланялся, — Ради Христа, не пей ты вина». А иногда говорил пропойце: «Ох, брат, как ты много пьешь вина; ты пей так, как Александрушка дурачок».

Несмотря на то, что о своей молитве странник Александр отзывался смиренно и уничижительно, она была сильна и порой очень действенна.

Один из случаев, подтверждавших это, произошел со странником в Киеве: там одно время долго стояла невыносимая жара и по этой причине в городе свирепствовала проказа. Болезнь была не смертельна, но излечивалась крайне трудно и многие годы она держалась на телах заболевших, причиняя им тяжелые страдания.

Однажды, в один из наиболее жарких дней, на улицах Киева появился странник в рубище и с непокрытой головой.

— Христа ради, для храмов Божиих, — говорил он, медленно двигаясь по улицам и останавливаясь у некоторых лавок.

— Прими, странник, и помолись за нас Господу, — говорили православные, щедро наделяя его кто чем мог; сума его скоро уже не могла вмещать всего жертвуемого, и он сорвал с себя часть рубашки, из которой сделал мешок. При этом обнажилась его спина и на теле можно было видеть массивные вериги, шедшие от пояса через всю спину в два ряда на грудь и вновь оканчивающиеся у пояса. Это был Александр Михайлович Крайнев.

С утра до ночи, под палящим солнцем, не зная усталости и изнеможения, ходил странник по улицам Киева. К вечеру он зашел в один из храмов и попросил, чтобы духовенство немедленно отслужило благодарственный Господу Богу молебен с коленопреклонением. Такая просьба никого не удивила, ибо в ту пору молебны служились очень часто, и местный священник тотчас же пришел в храм и при стечении массы народа начался молебен. Богомольцы, присутствовавшие в храме, сами пели вместо певчих и среди их го-

лосов выделялся звонкий и сильный тенор странника. Богослужение еще не успело закончиться, как небо заволокло тучами и пошел проливной дождь. Горожане высыпали на улицы и наслаждались долгожданной прохладой. По всему Киеву распространилась весть о чудотворной молитве странника, все спешили посмотреть на него, Храм, где совершался молебен, осаждался народом, но странника нигде не было, он ушел также незаметно, как и появился в городе.

Мы помним, что Александр Михайлович появился в Киеве как сборщик пожертвований на строительство и благоустройство храмов Божиих. Действительно, изнуряя себя тяжелыми подвигами, он вместе с тем до самой смерти неутомимо заботился об украшении церквей. Будучи сам нищим достатком, нищим и духом, он, ничего не имея сам, благотворил ближним и жертвовал Богу. Став сборщиком на храм, с книжкой прибыл он в Петербург. Никто не знал его здесь, но смиренный вид, поклон и ласковый взгляд доставили ему и тут, чем помочь родному краю и чем прокормить себя. По отзывам очевидцев, за время сбора его, он одарил утварью девять церквей. Здесь на его сбор был отремонтирован и поновлен иконостас, в другом месте сделан новый, где-то вместо ветхой церковной крыши устроена новая, в иную церковь пожертвованы сосуды и облачения. Для одного храма было собрано несколько десятков рублей на церковные нужды, для другого был приобретен новый колокол — это было излюбленным его занятием, соорудить колокол, глашатай духовной жизни, пробуждающий от греховного сна наши души.

Часто можно было его видеть в Петербурге, то стоящим с обнаженной головой на церковной паперти, собирающим по грошам и копейкам, то он целыми сотнями рублей получал из одних рук пожертвование на известную церковь, бывшую на очереди его забот. «Изумительно было его влияние на тех, к кому он обращался с просьбой о помощи. Не одни лишь богатые люди посылали от своих щедрот пожертвования, куда он указывал, но и бедные охотно несли ему свои лепты. В выборе людей он не ошибался, угадывая, чье сердце будет доступно его голосу. На долгие годы во многих местах останется благодарная память о нем за его неутомимые труды, положенные на украшение бедных церквей».

Особенно памятными были его бескорыстные заботы о церквях Вологодского уезда: Никольской-Возимской, Богородской-Братской, Николаевской-Харитоновской, Николаевской-Ламанской, Иоанно-Предтеченской Илатовской, Дмитриевской-Раменской, Васильевской-Едковской и Заоникиевой пустыни.

Когда кончилось послушание о сборе средств на храмы Божии, ради которого странник пришел в столицу, Александр Михайлович не покинул Петербурга. Взяв вид на жительство из волости, он продолжил подобное же доброе дело. Живя Христовым именем, он все, что собирал лишнего, отдавал бедным. Полюбили его малоимущие и неимущие жители окрестностей Сенной площади: «сам нищий, а нам несешь». Узнали благотворителя в зипуне и люди побогаче. Настала для Александра Михайловича сравнительно счастливая пора. Когда приблизился исход его земной жизни, он был счастлив хотя бы тем, что его приютила христоролюбивая семья купца Семенова, — он мог уже сказать, что есть кому закрыть его глаза, когда умрет, но

Церковь Успения Пресвятой Богородицы на Сенной площади

пока он все продолжал идти своим подвижническим путем. Известно, что он проносил железные вериги 28 лет, по мере нужды духовной, подобно св. прп. Иринарху, затворнику Ростовского Борисоглебского монастыря (†1616, пам.13/26 января) он их отягчал. За десять дней до смерти странник заболел, позвали врача. Последний приказал освободить его от оков и больной послушался, но жил уже недолго после этого.

Когда он заболел, никто не слышал от него ни одного стона или жалобы на болезнь. Тем, кто выражал соболезнование ему, он говорил: «Не скорби, брат, обо мне, на то воля Божия».

За время болезни он два раза причастился Святых Христовых Таин, за неделю до кончины над ним было совершено таинство елеосвящения (соборования). На смертном одре часто он повторял молитву «Верую, Господи, и исповедую...»

С 6 декабря по 10, день своей смерти, Александр Михайлович лишился сознания, лежа с закрытыми глазами, он казался умершим, только по временам хрипение в груди давало знать, что он еще жив. Наконец, 10 декабря, в воскресенье, в 12 часов дня, он предал Богу свою праведную душу, окончив свои многотрудные земные подвиги. Казалось, что он не умер, а только уснул, так светло и весело было лицо его.

Кончина старца-странника была предсказана им за 15 лет. Во время одного из пребываний его в Петербурге, в 1874 году он, остановившись в квартире благочестивой четы купцов Семеновых, в доме Тарасова, заказал и пошил себе саван и отдал его на хранение Семеновым, сказав, что он приедет умирать к ним в конце 1889 года.

Десятки тысяч собрались у гроба праведника, были даже приехавшие из Москвы, Новгорода, Пскова, Кронштадта и других мест. Громадная толпа не менее двадцати тысяч человек стояла от дома на Фонтанке, где он скончался, запрудив собой проезд по набережной от Малкова переулка, а также до самой Сенной площади и все пространство вокруг храма Спаса. Сенновские торговцы и купцы, рабочие, дети, старики и молодые. много болящих, известных в народе за кликуш, — весь православный, верующий, «народный» Петербург был здесь. Все они сплотились в одну живую стену, так что не только пройти, но и проехать

было невозможно. С 10 декабря дом Тарасова буквально осаждался народом день и ночь.

По многочисленности собравшихся похороны старца, пожалуй, могли сравниться лишь с последовавшими в 1881 году похоронами убиенного Царя-Освободителя Императора Александра Второго. Похороны были очень торжественны, однако пышности не было. Катафалки и балдахины отсутствовали, но десятки тысяч народа, благоговейно провожавших покойника до кладбища, составляли лучшее украшение процессии.

После погребения старца на Митрофаниевском кладбище к его могиле стал постоянно собираться народ. Люди приходили поклониться гробу подвижника, помолиться о его упокоении и испросить его молитв о себе. Сюда же стекалось множество болящих, и над гробом трудника клиром кладбищенских храмов совершалось «отчитывание» больных, многие исцелялись.

На каменном фундаменте был поставлен крест, у которого горела неугасимая лампада, на могиле всегда было множество свежих венков и цветов.

Около креста над гробом праведника была устроена копилка, постоянно переполнявшаяся приношениями. В начале века на собранные пожертвования доброхотов была сооружена на могиле Александра Михайловича Крайнева небольшая каменная часовня, и сюда шел, не переставая, народ. Здесь, как и у Блаженной Ксении, никогда не прекращалась молитва, а боголюбивые прихожане и почитатели странника приносили сюда зерна и разбрасывали их около часовни, кормя множество голубей, прилетающих на могилу старца — он при жизни очень любил этих птиц. У скромной часовенки часто можно было видеть бедных старушек и нарядных дам, простых мужичков и знатных вельмож, молодых и старых, богатых и бедных. У кого горе или нужда, болезнь или скорбь, тот шел на могилу странника помолиться, проникнуться здесь у тихой пристани земного упокоения кротостью, смирением, терпением, любовью к Богу и ближним. И страждущий получал мир в душе, облегчение на сердце...

Множество чудес происходило по молитвам старца. Посмертных чудес было множество, однако ныне, когда храмы Митрофаниевского кладбища разорены и разрушены, а книги, где велись записи чудес на его могиле, утрачены, узнать о них подробнее не представляется возможным.

Дом Тарасова на Фонтанке, 121, где скончался странник Александр Крайнев

Доподлинно известно, что они совершались и их было немало. Косвенно об этом свидетельствует долгое почитание могилы странника, сохранившееся вплоть до 1950-60-х годов, когда остатки самого большого городского кладбища были уничтожены окончательно, а на еще кое-где оставшихся могилах была устроена самая большая в городе «барахолка», действовавшая в 1930-х, 1940-х (в том числе в блокаду) и в 1950-х годах.

Сохранились свидетельства прижизненных чудес странника Александра Михайловича, относящиеся к его дару прозорливости. Умерщвляя свою плоть веригами, постом и всякого рода лишениями, укрепивший душу свою молитвой и многими другими добродетелями, праведник стяжал благодать Святого Духа и получил от Господа дар прозревать будущее. Ниже мы приводим некоторые из этих свидетельств.

Предсказание о кончине младенца

Недели за две до Покрова дня Александр Михайлович, зайдя к Акилине Никитичне Протасовой (Забалканский пр., дом 2), жене посудника Протаса Михайлова, сказал: «у тебя, сестра, будет новый гроб».

— Я не понимаю, Александррушка, о каком ты толкуешь новом гробе? Разве кого хоронят в старых гробах?

— Да, да, сестра, новый гроб будет в девятый день по Рождестве.

В эту пору Акилина Никитична была беременна и на второй день родила сына Алексея, которого похоронила действительно в девятый день после праздника Рождества Христова.

Предсказание о кончине своей и портного Ивана Усанова

Дворник Иван Петров Евдокимов сообщил, что за два месяца до своей смерти Александр Михайлович, идя от церкви Спаса на Сенной, поровнялся с портным Иваном Усановым.

— Стой, брат, куда так спешишь? — обратился к нему странник, как бы заграждая дорогу. Портной был пьян, обругал странника.

— Пора, братец, опомниться, — кротко, со вздохом заметил ему Александр Михайлович, — нам с тобой не долго останется жить.

На другой день Усанов умер скоропостижно, а странник через два месяца. Это предсказание так поразило Евдокимова, что он потом ходил на могилу прозорливца и просил у него прощения, так как неоднократно осуждал его в своих мыслях.

Предсказание вдовства

— Раз Александр Михайлович пришел к Дарье Филипповне Карповой, проживавшей по Лиговской улице, 173. Сели ужинать. Обращаясь к ней, он сказал: «Ну вдова, ужин-то у тебя царский?» Дарья Филипповна с гневом заметила: «Бог весть, что ты толкуешь, братец, с тобою же рядом сидит муж мой, а ты называешь меня вдовой».

— Я и сам не знаю, что толкует Александррушка дурачок.

Вскоре Карпова действительно овдовела.

Бог поможет тебе

(Помощь в делах денежными средствами)

У мясника Федора Сергеева как-то не хватило к срочному платежу 200 рублей, и он не знал, где добыть нужные деньги. В эту пору заходит к нему на квартиру странник Александр Михайлович и говорит: «Не скучай, брат, Бог поможет, тебя уже ожидают с деньгами». После обеда Сергеев отправился в свою лавку и встретил здесь знакомого буфетчика Э.В.Матиса, который тотчас же, по его просьбе, дал 200 рублей взаймы.

Чаепитие. Прозрение болезни

В праздник св. Иоанна Воина (30 июля) Татьяна Ивановна Михайлова, жена торговца, возвращаясь из лавки домой, думала: «Хорошо бы позвать странника Александррушку на чай». «Только что я подумала так, — рассказывает Михайлова, — как смотрю, а странник мне навстречу».

— Давно надо бы придти к тебе, сестрица, попить чайку, да все некогда, — обратился к ней Александр Михайлович.

«Я поражена была, что он ответил мне на мои мысли. Потом он сказал: «Жалел я тебя, сестрица, когда была ты больна. Ну, что поделаешь: это твоя душа очищалась, благодаря Бога». «Еще больше меня поразили эти слова: я действительно незадолго перед этим была больна, а Александра Михайловича в ту пору не было в Петербурге».

«Шутить этим нельзя»

Немного погодя, пришла к Михайловой одна ее знакомая. Давно ей хотелось узнать, правда ли, что странник открывает мысли других и предсказывает будущее. Пользуясь теперь случаем, она спросила его: «Скажи, родимый, что мне делать — муж мой пьет, пьяный меня бьет?» В действительности, муж ее был человек трезвый и жил с ней в добром согласии. Александр Михайлович, опустив глаза, сказал как бы про себя: «Сама, сестрица, смеешься, и меня смешишь, шутить этим нельзя».

Только не жалея

Накануне своего деревенского престольного праздника Татьяна Ивановна, прибирая квартиру, подумала: «Хорошо бы послать на родину, в деревню, несколько старых платьев, — которые она уже давно не носила, — бедные люди помолились бы за здоровье.»

Только что так подумала она, как явился к ней Александр Михайлович.

— А я к тебе, сестрица. Есть у тебя старые платья, а у меня есть бедная вдова, ей причаститься не в чем. Дай мне одно платьице для нее, она за здоровье твое помолится Богу, только не жалея, а будешь жалеть, лучше не давай.

— Я уже собиралась, братец, подарить несколько платьев бедным. На, выбери сам, — светлое или темное?

— Все равно, какое-нибудь, только, говорю тебе, не жалея.

Прощание с женой, Ольгой Ивановной († 28.12.1875)

В 1875 году Александр Михайлович в день Казанской Божией Матери и своих именин, рано утром пришел в Ерденево проведать свою жену и детей. В первый раз теперь он так долго засиделся дома, так что в деревне стали даже поговаривать, что Александр совсем хочет остаться с семьей. Через два месяца он простился с семьей и отправился в Петербург. На другой день занемогла его жена и так, что вдруг ослабела. Скорбела она в душе, что муж ушел. Вдруг через шесть дней, к величайшей ее радости, явился Александр.

— Ну, старуха, что-то я воротился к тебе, немного по времени.

— Спасибо тебе, кормилец, видишь, — я умираю. Прости меня, что я роптала на тебя, когда ты в первый раз ушел в странствие. Помолись, родимый, о моей грешной душе», — ответила она.

— И ты меня прости, моя горемычная, не красна твоя жизнь была, много горя ты вытерпела в своем одиночестве», — сквозь слезы проговорил Александр Михайлович.

На другой день, 28 декабря, Ольга Ивановна мирно скончалась.

Из письма Ивана Крайнева, сына Александра Михайловича

Предсказание собственной кончины

Однажды странник, зайдя к одной из своих почитательниц, к которой особенно был расположен, попросил ее сшить ему рубаху на смерть. «К тебе, сестра, приду умирать», — говорил он. Добрая женщина, Анна Александровна Семенова исполнила просьбу его — сшила рубаху и

спрятала у себя. В 1889 году, прибыв в Петербург, Александр Михайлович заболел и уже больным был привезен. действительно к Семеновой, той самой женщине, которой 15 лет тому назад говорил о своей смерти. Спустя две недели старец-подвижник скончался у нее (в доме Тарасова, Фонтанка, 119, кв.30), и сшитая для него рубаха была теперь одета на его многотрудное тело.

Таким образом, предсказание его о своей смерти исполнилось.

Предсказание семье Дадаевых в Ростове-Великом

Одна жительница Ростова-Великого, Ярославской губернии, в присланном в 1903 году на имя настоятеля Митрофаниевской кладбищенской церкви письме сообщила следующее: «Александр Михайлович за год до своей смерти был у нас в Ростове и посещал наш дом. Он предсказал моему мужу болезнь за год. Говорил он нам многое что вперед, которое теперь все сбывается. Мне в то время как бы что затмило, я ему не верила. Теперь прошу заочно у его могилы прощения и вас прошу, батюшка, отслужить по нем панихиду. Анна Дадаева».

Могила странника Александра Михайловича Крайнева находится на том участке уничтоженного Митрофаниевского кладбища (б. Центральном), где ныне располагаются склады фирмы «Интурист» (Митрофаниевское шоссе, 12 — 14).

Используя старые планы, можно легко определить точное место часовни странника, и, пожалуй, было бы добрым и справедливым делом отметить это святое место установкой православного креста, а затем, возможно, восстановить и саму скромную часовню на могиле угодника Божия.

ЗВОН

Вечер спустился на землю;
Все затихает вокруг —
Ивы над озером дремлют,
Тени сбиваются в круг.

Тихо. Но чу!... раздается
Благовест где-то вдали
Тихо и плавно несется
В воздухе летней зари.

Сердце мое вострепелось
Разом от прежнего сна,
Миготом во мне все проснулось
К жизни любви и добра.

Ясно, покойно и свято
Слушаю звуки я те,
Что же в них мне не понятно?
Что за сомненье в душе?

Что то за чудные звуки!
Сила-ль святая есть в них?
Иль вспоминаются муки
Прежних страданий моих?

Много они навевают...
Много различных мне дум
В душу от них проникает,
Жизнь вся приходит на ум...

Жизнь неземная, святая,
Жизнь, что за гробом нас ждет,
Жизнь, о какой мы не знаем,
Жизнь, что к добру нас зовет.

Тихо и плавно несутся
Чудные звуки кругом,
В душу мою отдаются,
Все говоря об другом...

*Николай Тихомиров
Голос Истины, 1910, № 6*

БЫЛОЕ

Архимандрит АЛЕКСИЙ (Чернай) ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РУССКОГО СВЯЩЕННИКА

Архимандрит Алексей (в миру – Александр Николаевич Чернай), (1899 - 1985), родился в 1899 году в Вильно в благочестивой многодетной семье судебного следователя Николая Львовича Чернай и его супруги, – пианистки, выпускницы консерватории Агнии Александровны, рожденной Кохомской. Род Чернай – обрусевший немецкий дворянский род, происходящий из Чехии. Дед Александра по отцу при Императоре Александре II был приглашен в Россию для преподавания классических (древних) языков и был педагогом нескольких учебных заведений С.-Петербурга.

Первые пять лет своей жизни, 1899–1904 юный Александр проводит во Пскове, где его отец служит членом Окружного суда. Последующие десять лет семья живет в Ковно, где Н.Л. Чернай служит членом, а затем председателем Окружного суда. Основы православной веры Александру привила мать, Агния Александровна, духовником которой и всей семьи, состоявшей из трех братьев и четырех сестер, был протоиерей Ковенского собора о. Александр Мальцев. Здесь, в соборе, семья часто молилась за богослужениями, с этим храмом связаны ранние благоговейные воспоминания отрока. Простую и крепкую веру сумела передать ребенку также няня Параскева, служившая в их доме. С семи лет Александр ходил со всеми к исповеди и причастию, с восьми стал прислуживать в алтаре, и был посвящен в стихарь, регулярно участвуя в богослужениях. От родителей он унаследовал любовь к музыке и пению, хорошие слух и голос.

В имении «Романи» близ Ковно семье Чернай нередко навещал П.А. Столыпин, будущий премьер-министр России. Близким другом и духовным наставником семьи был в это время (с 1911 г.) епископ Ковенский, будущий митрополит Виленский и Литовский Елевферий (Богоявленский).

В июле 1914 года, с началом I Мировой войны, в связи с эвакуацией Западного края, семья уезжает в Москву, а затем в Петроград. Здесь Александр поступает в гимназию Императорского Человеколюбивого общества на Крюковом канале, а лето и каникулы 1915–17 гг. проводит у отца в Луге, куда был эвакуирован Ковенский суд. Здесь его духовником становится настоятель Воскресенского собора протоиерей Анатолий Остроумов. Александр прислуживает в церкви, читает и поет на клиросе, в качестве иподиакона участвует в богослужениях и грандиозных крестных ходах, устраивавшихся в это время в Луге и Лужском уезде и совершавшихся с неперменным участием епископа Вениамина, будущего митрополита, Петроградского священномученика.

Пережив в Луге «красный террор» в 1917–19 гг., осенью 1919 года, когда Луга ненадолго была занята Северо-Западной Добровольческой Белой армией генерала Н. Н. Юденича, юный Александр, отец которого томился в тюрьме, а проживавший в

Архимандрит
Алексий (Чернай)

Москве дядя был расстрелян, уходит в Белую армию. На этот шаг его благословляет отец Анатолий и собственная семья.

После отступления к Нарве, пребывания в Эстонии и Польше и затем интернирования там русских частей, осенью 1920 г. Александр добирается до своей родины – Вильно, где происходит встреча с митрополитом Елевферием, определившая дальнейшую жизнь молодого человека.

Следуя по пути, предусмотренному и указанному архипастырем, Александр поступает на богословские курсы в Виленскую Духовную семинарию, а также прислуживает за архиерейскими службами в качестве иподиакона. После содействия освобождению митрополита Елевферия из заточения в католическом Камендульском монастыре в Карпатских горах, во время гонений на Православную Церковь в Польше, Александр переезжает с Владыкой в Ковно, где продолжает служить старшим иподиаконом при нем.

В мае 1924 г. он женится на певчей архиерейского хора Татьяне, ставшей верной спутницей его жизни, с которой он

прожил почти 20 лет и воспитал четверых детей. В день памяти сиимч. Евстафия Виленского 7/20 сентября 1925 г. Владыка Елевферий хиротонисал иподиакона Александра во диакона, а 6/19 декабря того же года рукоположил во иерея, назначив настоятелем разрушенной за годы войны и революции церкви прип. Сергия Радонежского в мест. Утяны (Вост. Литва). К Рождеству Христову 1925/26 гг. о. Александр восстанавливает храм, где служит после шесть лет. В 1931 г., оставив приход брату Николаю, ставшему священником, он получает назначение в большой приход (около 3000 человек), также с церковью прип. Сергия Радонежского, в г. Векшны Шавельского уезда, на северо-западе Литвы. Здесь он ведет большую пастырскую работу, окормляет приписные храмы, а в 1935 г. также Мемельскую (Клайпедскую) общину. Насыщенная духовная жизнь была прервана последовавшим вскоре после кончины митрополита Елевферия († 31.12.1940) приходом советских войск, при которых власти требуют от отца Александра принародно сложить с себя сан и стать осведомителем НКВД. Угрозы и допросы длятся до самого начала войны, в первые дни которой о. Александр чудом избежал гибели.

При немецкой оккупации, когда в Литве многие православные храмы католики попытались превратить в костелы, усердием пастыря был спасен от обращения в католический костел православный храм св. Александра Невского в Шкудах, в 1942 г. храм в Векшнях принял под свои своды эвакуированные из Новгорода мощи свв. Новгородских Чудотворцев: свт. Никиты, блгв. кн. Анны, блгв. кн. Феодора Ярославич, блгв. кн. Владимира Новгородского, св. Мстислава, свт. Иоанна Новгородского и прип. Антония Римлянина.

После безвременной кончины супруги, 6/19 декабря 1943 г. о. Александр был возведен митрополитом Виленским Сергием (Воскресенским) в сан протоиерея. Осенью 1944 г. вместе с четырьмя детьми о. Александр, после неудачной попытки спасти мощи и эвакуировать мать, опасаясь за судьбу свою и своих детей после прихода советских войск, покидает Литву.

В 1945-48 гг. он организует и возглавляет Русскую Православную миссию в г. Бад-Наугайме (Гессен-Нассау), окормляя православных в лагерях перемещенных лиц (Ди-Пи). В начале 1948 г. по приглашению архиеп. Виталия (Максименко) о. Алексей переезжает в США, где ему, учитывая его большой пастырский опыт, поручается быть миссионером Средних штатов (г. Цинцинатти).

В 1950-57 гг. протоиерей Александр назначается Епархиальным миссионером в Техас, с окормлением общины в Мексике. 6/19 декабря 1957 г. в Свято-Троицком монастыре архиепископ Аверкий (Таушев) постригает его в монашество с именем Алексия, в честь св. Александра Невского, в схиме Алексия, затем возводит его в сан игумена, а через полгода митрополит Анастасий (Грибановский) возводит его в Синодальном соборе в сан архимандрита.

Шестнадцать лет, 1959-75 гг., архимандрит Алексий нелегально исполняет миссионерские обязанности в Южной Африке, совершая продолжительные поездки с целью окормления православного, преимущественно русского, рассеяния в Африке. Он посещает Родезию, Бельгийское Конго, Кению, Египет, Абиссинию, Мозамбик, организует первый русский православный храм во имя св. Владимира в Кейптауне.

По возвращении в США в 1975 году архимандрит Алексий настоятельством в ряде приходов Калифорнии (Оксфорд, Санта-Барбара), пока не приходит, пожалуй, на самый маленький за 55 лет своего священнослужения и последний в земной жизни пастыря приход во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского в городе Сан-Диего. С декабря 1980 года он, уже немощный старец, с помощью русского рассеяния сумел поднять и благоустроить скромный храм и подать посильную духовную помощь нуждающимся в пастырском совете и окормлении. Из-за преклонного возраста и болезней последние годы батюшка окормлял своих пасомых, живущих на большом удалении от Сан-Диего, в письмах, стараясь быть им полезным своим огромным духовным опытом. Архимандрит Алексий окончил свои дни в 1985 году в Сан-Диего, тихо отойдя ко Господу, и похоронен на местном кладбище.

Отрывки из воспоминаний архимандрита Алексия «Жизненный путь Русского священника», написанных в Южной Африке и Сан-Диего, впервые публикуются на Родине, и посвящены Лужскому периоду пребывания архим. Алексия, — тогда иподиакона Александра, — в С.-Петербургской епархии. Воспоминания касаются благих впечатлений юности о. Алексия, участвовавшего в богослужениях и грандиозных крестных ходах, совершавшихся в Лужском уезде Преосвященным Вениамином, будущим священномучеником Петроградским, неразрывно связанных с его именем, и так вошедших в историю Русской Церкви.

И.В.Попов

Тогда, в 1914 году стояла чудная, золотая осень. Мы все приятно проводили время, поджидая отца и Петра Александровича, возвратившихся к вечеру с последними новостями с фронта. Мы все думали, что скоро вернемся домой в «Романи». Увы! Надежды наши не оправдались. На фронте начались неудачи. Пришло экстренное сообщение: «Армия генерала Самсонова окружена». Случилось это не по его вине, а по нерадению высшего начальства. Тем не менее, будучи ответственным за вверенные ему войска и находясь в безвыходном положении, он застрелился. Это известие было большим ударом для всех.

Пропало чувство беззаботности и уверенности в успехе. Ночью стала слышна отдаленная канонада. С утра целый день гроыхало вдаль, как во время грозы. Так прошел

весь день и гроыхание становилось все сильнее и отчетливее. Уже слышались залпы орудий... Отец и Петр Александрович вернулись прежде времени очень встревоженные. Образовался немецкий прорыв, и немцы уже подходили к Средникам (около 100 верст от Кейдан). Не было иного выбора как немедленно выезжать в тот же вечер, иначе могло быть поздно.

Через несколько часов, в страшной спешке уложив наши вещи, нам удалось попасть на последний поезд в Петроград (С.-Петербург уже был переименован). Почти по всему северо-западному фронту шло отступление. Суд и судопроизводство пришлось эвакуировать в Петроград. Переезд туда был удобен для отца, так как все его родственники, кроме дяди Саши, жили там или вблизи от Петрограда.

По желанию отца я поступил в гимназию Императорского Человеколюбивого Общества и ходил в нее на Крюков канал, где она находилась. В это время мы все жили на Английской набережной у моих тети Сони и тети Ляли — двух незамужних сестер отца. Когда, через несколько месяцев, суд снова был эвакуирован в Лугу, я остался для продолжения учения и первое время жил у дяди Кости Елпатиевского (русского историка), жена которого, тетя Лиза, была сестрой моего отца. Пробыв некоторое время у него, я вернулся жить к тетям.

Младшая моя сестра Соня, очень резвая девочка, с которой я всегда дружил, была помещена в Смольный институт. По праздникам она приезжала к тетям, и мы весело проводили время вместе. Когда случались праздники подряд, то мы с Соней ездили домой в Лугу. Отцу удалось найти очень подходящий дом с большим садом в Луге, который он купил, так как было неизвестно, сколько времени продлится война. Как мы предвкушали эти поездки туда специальным лужским скорым поездом! Расстояние до Луги было 128 верст, а езды три часа.

Как радостны были эти встречи с родителями, братьями и сестрами и нашей дорогой, заботливой няней Пашей. Два, три отпуска пролетали как мгновение, и снова надо было возвращаться в свои учебные заведения. Зато на Рождественские, Пасхальные и летние каникулы — какое нам было раздолье!

Луга — небольшой уездный город. В то время там была лишь одна главная улица с магазинами и частными домами. Над городом высились громадный Воскресенский собор, ставший впоследствии кафедральным. Настоятелем его был наш духовник, о. Анатолий Остроумов. Наша семья продолжала, как всегда, ходить в церковь, а я прислуживал в соборе нашему духовнику и другим. Луга была известным курортным местом. Она очень живописно расположена: холмы, леса, речки, озера. Из нашего дома открывался чудный вид. В саду было обилие фруктовых деревьев, особенно яблонь, а также кустов сирени и жасмина, а за ними был сосновый лесок.

В летнее время семья и гости проводили много времени на обширной веранде. Там пили утренний чай, завтракали и обедали. По вечерам отец любил раскладывать пасьянсы и все мы слушали игру мамы на рояле. Часто бывали гости, и дом всегда был открыт для всех. В нем была полная чаша...

Любимым занятием брата Коли и моим было ходить ловить рыбу летом. Самая лучшая ловля была на реке Луге и на Штолевском озере. Мы отправлялись чуть свет, брали с собой что-нибудь закусить и сидели в лодке часами, не разговаривая, чтобы не спугнуть рыбу. Осенью мы охотились на щук и приносили домой изрядное количество.

Луга находилась на уровне шпиля Петропавловской крепости. Вокруг нее было много сосновых лесов. Вероятно, благодаря этому, там был целительный воздух и находилось несколько больниц для легочных больных. Особенно прекрасной становилась Луга зимой, под снегом. Дивный, живительный воздух манил из дому на двор и на природу. Сестра Лиля (Елизавета) и я любили кататься не только на коньках, но и на лыжах.

Сколько удовольствия нам доставляли наши утренние прогулки по долам и холмам, по снежной глади, сверкающей на

солнце. Мы были молоды, полны жизни, которая сулила нам все впереди. Мы жили настоящим, не задумываясь о будущем.

Так протекала наша жизнь в Луге 1915, 16 и 17-м годах и, до февраля — относительно спокойно, поскольку такое было возможно во время войны. У нас, как и у большинства тамошних семейств, были родные и друзья на фронте. Открывая газету, родители, первым делом смотрели на списки пропавших без вести или погибших в бою. Мы слышали разговоры о недостатке орудий, винтовок, о тяжелых ненужных потерях и об ошибках высшего командования. Отец не критиковал никого, но часто сожалел, что Петра Аркадьевича Столыпина не было в живых. Он верил, как и многие другие, что будь он жив и еще у власти, многое было бы совсем иначе и после победоносной войны не было бы революции. Мы же, только еще подраставшие, жили своей, полной жизнью, наслаждаясь всем тем, что скоро должно было быть отнято у нас всех.

Так незаметно проходили те годы.

Луга. Общий вид города из Заречной части, с Лысой горы

*Духовник семьи
Чернай – настоятель
Лужского Воскресенского
собора протоиерей
Анатолий Остроумов*

Крестные ходы

Одним из самых ярких и светлых воспоминаний во время пребывания нашего в Луге были крестные ходы в начале мая, ко дню праздника Евангелиста Иоанна Богослова. Владыка Вениамин, епископ Гдовский (в конце 1917 года ставший митрополитом Петроградским) совершал всенощную 6 мая и 7-го – раннюю литургию в шесть часов утра, после которой выходил обычно от собора крестный ход в Иоанно-Богословский Череменецкий мужской монастырь. Расстояние до него было 22 версты, монастырь стоял на полуострове Череменецкого озера и был соединен с сушей только узким перешейком в одну версту длиной, обсаженным вековыми елями. Промеж их стволов открывался вид на озеро, столь большое, что вдали едва виднелись его берега. Воды озера были хрустально чисты и дивно отражали глубину синего неба. Какая это была неописуемая красота!

Когда кончался перешеек – подходили к монастырским вратам с куполом и образом св. Евангелиста Иоанна Богослова... Крестный ход был всегда многолюдным и возрастал по мере продвижения, так как каждый сельский приход присоединялся к нему, вливаясь в него, так что в конце пути он состоял из нескольких тысяч людей.

Мне выпало счастье быть прислужником и иподиаконом у Владыки Вениамина – подлинного и незабвенного святителя, и состоять при нем все время на всех шести крестных ходах: из Луги в мае и из Плюсы в июле. Владыка ехал из Петрограда, сходил в Плюссе и оттуда 40 верст совершал крестный ход пешком в Воскресенско-Покровский женский монастырь и Серафимо-Саровскую пустыньку. Праздник приходился на 28 июля.

Владыка, в особо прицепленном салон-вагоне, следовал поездом. На станции Плюсса о. протоиерей Анатолий (которому я всегда прислуживал и читал на клиросе, когда бывал дома) и я встречали Владыку и принимали от него благословение в вагоне. Я так признателен о. Анатолию за то, что он брал меня всегда с собою. (Вообще вся наша се-

мья глубоко почитала его и любила.) Он извещал меня заранее, чтобы я приготовился к поездке навстречу Владыке, который неизменно ласково благословлял нас. Какой он был благодатный, смиренный и кроткий! Лицо его излучало радость. Благословляя меня, он всегда целовал в лоб и звал меня Сашей. Он регулярно приезжал в Лугу и все мы с нетерпением ждали его.

От Луги до Плюсы – небольшой перегон, не более часа по железной дороге. На станции Плюса находится маленькая деревянная церковь подворья Свято-Воскресенского монастыря и там ожидали прибытия Владыки монахини и множество крестьян, скопившихся из окрестных сел, со своими священниками, чтобы шествовать в крестном ходе, возглавляемым Владыкой Вениамином.

Еще в вагоне мы облачали Владыку в легкое летнее облачение из холста. По дороге в церковь Владыка благословлял крестный ход возгласом из всенощного: «Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей и Нераздельней Троице, всегда, ныне и присно и во веки веков!» Могучее «Аминь!», пропетое всем народом, несло ему в ответ и крестный ход двигался, начиная с пения псалма: «Благослови душе моя Господа, благословен еси Господи, Господи Боже мой, возвеличился еси зело.»

Во время всего пути следования крестного хода совершалось всенощное бдение. Всю дорогу за Владыкой следовал экипаж, но он никогда не садился в него и был неутомим. Тысячи народа следовали за ним и чистосердечное пение всех молящихся оглашало поля и леса, словно природа, внимая им, молилась с ними, и земля соприкасалась с небесами.

Остался у меня в памяти один никогда не забываемый момент. Крестный ход поднимался на холм, солнце было на закате. Вдали розовел горизонт и верхушки деревьев были еще освещены лучами исчезающего солнца. Вот Владыка благословляет народ и, вдруг, слышится: «Свете Тихий, Святыя славы Безсмертного Отца Небесного, Святого и Блаженного, Иисусе Христе, пришедше на запад солнца. Видевше Свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа Господа».

Пели все, и люди с зажженными свечами в руках, а крестный ход простирался до самого горизонта, сливаясь в одно целое, в одну широкую пламенную реку... Одно песнопение сменялось другим. Вскоре «Хвалите Имя Господне, хвалите раби Господа» разносилось кругом и душа моя трепетала от охватившей ее благодатной радости...

Впереди всех шли крестоносцы. Они были подобно рулевому и избирались из толковых людей, которые хорошо знали дорогу. В описываемых мной больших крестных ходах, растянувшихся на версты, связь поддерживалась при помощи одного или двух конных, уведомлявших духовенство о каких-либо, иногда не предвиденных, происшествиях в пути.

Вот уже и рассветная заря, понемногу стало светлеть. Недалеко уже и до Воскресенско-Покровского монастыря. Сообщают, что еще осталось восемь верст. Широкая дорога проходит между полями ржи и пшеницы. Зелеными коврами раскинулись нивы и среди них, местами, цветет гречиха. Воздух насыщен полевыми пряностями. Высоко над крестным ходом выются жаворонки, их трели сливаются с народным пением, благословляя Творца всего.

Наконец виднеется купол монастыря. С каждым шагом слышится все явственней трезвон колоколов. Вот уже видны, блестящие на солнце хоругви и иконы вышедшего навстречу нам крестного хода из монастыря со чтимой чудотворной иконой Честного Покрова Богоматери. Доносится и пение монашеского хора. Духовенство идет за хоругвями, а за ними игумения, вслед которой монахини, попарно, числом около 150-ти.

Владыка Благословляет молебен: «Днесь благоверные люди светло празднуем, осеняеми Твоим, Богоматерь, пришествием и к Твоему Пречистому Образу взирающе, умильно глаголем: покрой нас честным Твоим Покровом...». Мощное, единое пение несется к небесам.

Крестные ходы встречаются лицом к лицу, склоняются хоругви. Дивный, громадный образ – святыни монастыря – Покрова с Пречистым Ликом Царицы Небесной, сияющий на солнце своей золотой, украшенной драгоценными камнями ризой, и с ним невидимое, но ощущаемое присутствие самой Богоматери, осеняющей нас своим благодатным Покровом, предстает перед молящимися.

Владыка опускается на колени, а за ним и многотысячные богомольцы; он прикладывается к образу, осеня себя крестным знамением. Лицо его благодатно светится. За ним, кланяясь низко, проходит перед образом многочисленное духовенство... «Пресвятая Богородица, спаси нас!..» – поет весь народ. Под это могучее, воодушевляющее пение крестный ход направляется в монастырь.

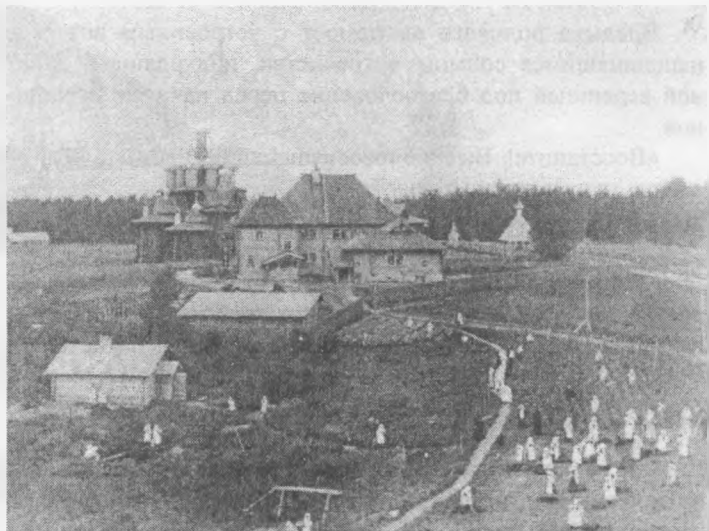
У врат монастыря Владыка совершает молебную литию. По ее окончании игумения принимает от монахини хлеб-соль и преподносит их, с приветствием, на вышитом белом полотенце, Владыке. Благочестивый Владыка, взяв вырезанный кусочек хлеба с солью, вкушает. Затем он благословляет всех встречавших его уже в величественном храме. Мы провожаем Владыку в приготовленные для него покои и разоблачаем его...

В трапезной накрыт белоснежной скатертью стол, уставленный всевозможными яствами. Тут и пироги с рыбой, которой богат монастырь, находящийся поблизости к большому, принадлежавшему ему озеру, яйца, свой мед, молоко и замечательно вкусный черный ржаной и белый пшеничный хлеб. Кипит огромный самовар. Вокруг стола суетятся монахини, чтобы все было как можно лучше для Владыки и сопровождающего его духовенства.

Пока я разоблачал Владыку, он ласково спросил меня: «Что, Саша, утомился? Надо и отдохнуть, а на чай приходи ко мне.» До сих пор слышу его тихий голос...

Как прекрасен был в те времена тот монастырь со своей высокой колокольней, на которой были, выбивающие каждую четверть часа, большие часы. С колокольни открывался вид на тихое, окаймленное камышами озеро, по глади которого тут и там виднелись рыбацьи лодки. У монастыря было несколько зданий с келиями, разнообразными службами и было заметно, что там обширное и образцовое хозяйство. Там также находился большой фруктовый сад и огород; свои поля и луга, а за ними леса.

В тот день перед храмом был поставлен помост, на котором монахини приготовили все для предстоящего праздничного всенощного бдения. Этот деревянный помост был устлан коврами и на нем устроили архиерейскую кафедру, иконы и подсвечники.

Воскресенско-Покровский женский монастырь
близ Луги, в селе Нежадово

Все это было сделано, чтобы те, которых не мог вместить храм, могли видеть и принять участие в богослужении и поэтому всенощное бдение совершалось под открытым небом.

Некуда было уложить на ночь всех паломников, и так как не хватало келий, то многие спали, где могли: в сараях, под каким-нибудь развесистым деревом, на сеновале или просто на густой траве.

Сестры работали не покладая рук. Ведь всех надо было покормить после такого путешествия еще до службы. Разносили в ведрах и больших кувшинах молоко, квас, хлеб и всякую всячину. Все были довольны и находились в приподнятом настроении, укрепленные молитвой и в ожидании выхода Владыки, глубоко чтимого и любимого всеми, кто знал его, особенно простым людям. Он был подлинно архипастырем и отцом одинаково для всех. Народ знал это и ценил, что Владыка всегда принимал живейшее участие во всех народных молениях и крестных ходах, не отказывал никому, кто обращался к нему с просьбой о помощи. Он олицетворял собой заповедь любви к Богу и ближнему. И не даром он был избран народом же в митрополита Петроградского во время революции и принял этот тягчайший крест, окончившийся мученической смертью.

Строгий к самому себе, он был очень милостив к другим. Если случалось, что кто-либо провинился и был присылаем к нему для наказания, Владыка, будучи чутким и даже прозорливым, никогда не ругал, а отечески наставлял человека, делая это так благостно, что и у закоренелых нарушителей закона просыпалась, как бы давно очерстевшая совесть.

Тем не менее было одно исключение, когда кроткий и всепрощающий Владыка преображался в обличителя и был непоколебим. То было во всем касающемся вопросов веры и верности Православной Церкви, вскоре ставшей гонимой. Но в те, описываемые мною времена, даже такая возможность казалась неправдоподобной.

Итак, солнце вновь клонилось к закату, когда вышел Владыка и каждый вблизи от него старался получить благословение от него, по пути его шествия. Многие даже становились на колени, чтобы быть осененными, целовали край его мантии.

Владыка поднялся на помост с устроенным алтарем, наполнившимся сонмом духовенства, подходящего длинной вереницей под благословение перед началом всенощной.

«Восстаните! Высокопреосвященный Владыко, благовослови», громогласно провозгласил протодиакон Исаакиевского собора Косогорский, всегда сопровождавший Владыку в крестных ходах. Он выделялся среди всех своим ростом, весьма импозантной фигурой и, главное, своим невероятно могучим голосом. Благодаря красоте своего баса и служения, Косогорский стал такой же знаменитостью в Петербурге, как протодиакон Розов в Успенском соборе в Московском Кремле.

Духовенство запело в ответ: «Приидите поклонимся Царю нашему Богу» и вслед за этим последовало всенародное пение псалма: «Благослови душе моя Господа, благословен еси Господи... Господи, Боже мой, возвеличился еси зело», несло с духовным горением ввысь и верилось, что достигало небес, так как Царствие Божие было в тот вечер уже на земле, в наших душах.

«Святым Духом всякая душа живится, и чистотою возвышается, светлеется Троическим Единством Священнотайне...»

Я стоял близко от Владыки. Он весь как бы растворился в пламенной молитве. Вспомнилось мне последнее слу-

жение Владыки в Свято-Покровском монастыре. В то время уже разгорелся пожар революции. Владыка Вениамин отказался идти на компромисс в делах веры с советскими властями и знал, что ожидало его...

«Господи, покрой нас Кровом Крил Твоея, отжени от нас всякого врага и супостата, умири нашу жизнь, Господи! Помилуй нас и мир Твой и спаси души наша, яко благ и человеколюбец», молился святитель и слезы медленно просачивались из его скорбящих глаз. Я стоял тогда рядом с ним, держа клубок Владыки и, смотря на него, сам не мог удержаться от слез...

Еще только раз привелось мне, в ноябре того же 1918 года, прислуживать Первосвятителю в Александро-Невской Лавре в день храмового праздника, ноября 23. То была последняя его торжественная служба с двенадцатью архиереями в переполненном молящимися соборе.

Вскоре после того, Владыка, по учинению над ним советского суда, был заточен в тюрьму и, в 1922 году, расстрелян за открытое исповедание своей веры. Он был первым мучеником из духовных лиц в Петрограде и, к чести русских, надо добавить, что даже наши революционные солдаты, все до одного, отказались выполнить приговор. Так он был любим. Он был расстрелян китайцами.

Публикация И. В. Попова

ПРИШЕСТВИЕ

С. Есенин

1

Господи, я верую!..
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.

За горой нехоженой
В синеве долин,
Снова мне, о Боже мой,
Предстает Твой Сын.

По Тебе молюся я
Из мужичьих мест;
Из прозревшей России
Он несет Свой крест.

Но пред тайной острова
Безначальных слов
Нет за Ним апостолов,
Нет учеников.

2

О Русь, приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла ты на твердь.

На яслях овечьих
Осынила дол
За то, что в предтечах
Был пахарь и вол.

Воззри же на нивы,
На сжатый овес, —
Под снежною ивой
Упал твой Христос!

Опять Его вои
Стегают плетью
И бьют головою
О выступы тьмы...

НАШИ ХРАМЫ

И.В. Попов

ЛУЖСКИЕ ХРАМЫ

Возникновение первых погостов в пределах Лужских относится ко времени св. равноапостольной княгини Ольги. Ею первою народ здешних мест был просвещен светом Христовой веры. После крещения своего (954 г.) она посетила Северную Русь, где утверждала на месте идольских языческих капищ честные кресты, учреждая погосты по рекам Луге и Оредежу.

Земли нынешней Луги издревле относились к Дремянцкому-Пятницкому погосту Шелонской пятины Великого Новгорода. В окрестностях города из наиболее древних следует назвать Петровский, Никольский Бутковский, Димитриевский-Городенский, Турский и Флоровский погосты, а также Георгиевский-Городецкий и Верхутинский-Свято-Троицкий, бывшие в XV - XVIII в.в. монастырями.

Особо чтимыми в крае святыми, в честь которых освящались многие храмы, были свт. Николай Чудотворец, вмчч. Димитрий Солунский, Георгий Победоносец, мчч. Флор и Лавр, св. пророк Илия и вмч. Параскева Пятница. Также церкви часто посвящались Покрову Пресвятой Богородицы. В XVIII веке главные престолы многих храмов были переосвящены в честь праздников Господних и Богородичных, в честь чтимых святых при этом были освящены придельные алтари. В большинстве своем часовни в деревнях посвящались свт. Николаю и пророку Илию, на святых источниках – св. Параскеве Пятнице.

Город Луга был учрежден именным указом Императрицы Екатерины II от 3 августа 1777 года близ урочища, где река Врѣвка впадает в реку Лугу. Основан он был «не из казенного селения, а на пустопорожном местоположении, из владения, отписанного за казенные долги надворного советника Ивана Елагина, вниз по течению реки Луги, [...] и где оный город расположен, не было никакого селения и пахоты и проезжей даже дороги, на боровом... песчаном грунте земли, на косогоре.»¹ К новому городу было приписано 12402 души из Гдовского уезда, Псковской, а также Порховского и Новгородского уездов Новгородской епархии.

Город отстоял от Санкт-Петербурга в 137 верстах, от Рождествена (при Императрице Екатерине II – это был уездный город), – в 67 верстах, от Порхова – в 130, Гдова – в 140 и Ямбурга – в 140 верстах, площадь же его составляла 2 версты 80 сажень на 490 сажень. Через город

Екатерининский собор

прошла новая Высочайше утвержденная «перспективная дорога» С.-Петербург – Рождествено – Луга – Порхов, приблизительно по трассе старой проселочной дороги, направление которой, возможно, из-за рельефа местности, определило некоторый излом дороги в центре города.

Таким образом, город Луга явился довольно редким для С.-Петербургской губернии новым образованием, и, после того как он был официально открыт 13 января 1778 года председателем палаты уголовного суда Псковского наместничества полковником Бобрищевым-Пушкиным, в нем были учреждены Присутственные места. Несколько позже, 16 июня 1778 года, был составлен и Высочайше утвержден генеральный план города, в соответствии с классической традицией, предусматривавшей разбивку в центре города, в месте пересечения главных улиц – Успенской (Динабургского шоссе) и Покровской, прямых и широких, – большой прямоугольной площади. В окружении «казенного каменного и партикулярного строения», предусматривавшего сооружение здания уездной управы и каменных торговых лавок (Гостиного двора), в центре площади предполагалось поставить каменную соборную церковь.

Указом Императрицы Екатерины II от 10 сентября 1779 года коллегии экономии было повелено «для построения... в новоназначенном городе Луге соборной церкви каменной отпустить по востребованию правящего должность генерал-губернатора генерал-поручика Сиверса 6 тысяч рублей, рас-

¹РГИА. Ф.1374 оп 1 д. 188-а, 1796 п. 119.

полагая сей отпуск в два года, с начала 1780 г.» Посвятить собор предполагалось памяти св. великомученицы Екатерины Александрийской (305-313), небесной покровительнице Государыни – основательницы нового уездного города.

Строительные работы по сооружению каменной соборной церкви св. вмц. Екатерины были начаты уже в 1780 году. К сожалению, автор проекта храма неизвестен, ибо не сохранились ни проект, ни смета постройки первоначальной церкви. Возможно, к этому времени проект еще не был окончательно готов и сумма ассигновалась на заготовление материалов. Указом Императрицы от 17 января 1783 г. в течение двух лет на построение каменного собора в Луге и строившегося одновременно с ним храма в Вытегре, была выделена требуемая сумма в 23900 рублей из казны, от Кабинета Ея Величества.

Окончено строительство собора было в 1786 году, при митрополите С.-Петербургском и Новгородском Гаврииле (Петрове), однако сведений о его освящении также не сохранилось.¹

Храм представлял собой скромную каменную постройку с одной апсидой (он был однопрестольным), ризалитом и портиком с западной стороны. собор окружала ограда с двумя фланкирующими главный вход со стороны улицы каменными столбами. В рапорте городничего Д. Ефремова от 19 декабря 1796 г. каменная соборная церковь св. Екатерины значится уже в числе «заведенного строения».

Вокруг новопостроенного храма были сооружены в начале 1840-х годов здания Лужской почтовой экспедиции (станционный дом) и Гостиный двор, в котором разместились лавки лужских купцов. В 1858 году, 27 июля, он, уже обветшавший к тому времени, неожиданно сгорел, пожар «угрожал опасностью соборной церкви», но, по милости Божией, храм не пострадал.

Другим постоянным источником беспокойства, с самого основания собора, были частые наводнения на реке Луге, особенно весенние. Под их воздействием берег реки, протекавшей сразу за алтарем собора, осыпался, делая «городскому фасаду безобразие» и угрожая целому кварталу. Дабы обезопасить собор, берег приходилось постоянно укреплять.

После пожара 1858 года был составлен новый, получивший Высочайшее утверждение Императором Александром II в 1866 году проект застройки Соборной площади в Луге (архитектор Сапегин, чертежники Лапин и Н. Федоров). В результате его осуществления, на пожертвования купцов Тимофея Ильина, Ивана Болотова и Илии Кирпичникова, был сооружен новый Гостиный Двор и основательно укреплен берег реки Луги.

К этому времени остро встал вопрос о реконструкции первоначальной соборной церкви. Население города выросло, и уже в 1840-х годах возникла крайняя необходимость в расширении храма. Очевидно, после 1848 года над западным входом была возведена небольшая одноярусная колокольня.

В начале 1860-х годов по прошению причта, церковного старосты и прихожан «вследствие тесноты существующего собора» решено было испросить в С.-Петербургской консистории дозволение произвести пристройку к собору двух приделов и постройку новой колокольни. В храме на эти цели была собрана «кошельковая сумма» в 17000 рублей.

Митрополит С.-Петербургский и Новгородский Исидор (Никольский) 24 апреля 1863 года представил этот проект

на утверждение в Главное управление путей сообщения и публичных зданий. Проект и смету «на разломку старой и постройку новой колокольни и пристройки при церкви в г. Луге» составил академик архитектор В. Болотов.

Департамент нашел проект неодобрительным «вследствие неудобства внутреннего помещения» и счел нужным «для устранения этого недостатка и придания фасаду большей благовидности, переделать оный.» Переделанный проект Болотова и окончательный вариант, вычерченный кондуктором Гуровым был утвержден 2 августа 1863 года. Однако, ни один из них не был осуществлен.

В это время техническое заключение было дано архитектором В.В. Виндельбандтом (1840–1912): «Существующая церковь находится слишком близко от берега реки Луги, на самом крутом ее повороте, отчего при половодьях берег сильно подмывается, вследствие чего перестройка, увеличение ее размеров, могли бы иметь только вредные последствия по ее устойчивости. Перестройка церкви потребовала бы оставления только одних слабых углов, которые во всяком случае, потребовалось бы разобрать.»

При этом существующая соборная церковь давно перестала отвечать своему назначению. Население Луги росло, – храм становился все более и более неуместительным. Кроме того, «сердце каждого лужанина нелегко смирялось и с наружным, истинно очень скудным видом своего соборного храма», – он был «без купола, с очень малою и некрасивою колокольнею, всего с двумя и то довольно узкими окнами... – темный, мрачный, неудобный, к тому же в стиле лютеранских храмов.»² «Ясно, что для города Луги в настоящее время крайне необходим другой храм – более поместительный, светлый и удобный и во вкусе православных церквей.»³

Было принято решение о строительстве нового храма. В 1869 году создается попечительство по его постройке и для благотворения неимущим. 1 сентября того же года инженером Штукенбергом был освидетельствован грунт на площади, предполагавшейся под постройку храма. Грунт был песчаным – сухим и крепким. 19 декабря В.В. Виндельбандт представил проект нового православного храма. 10 декабря 1870 года его утвердил окончательно епархиальный архитектор Г.И. Карпов.

Возник вопрос где именно строить храм: на месте прежнего, или на новом участке, с отступлением от берега по прямому направлению позади старой церкви (если смотреть от реки). После ряда обсуждений и подсчетов, остановились на втором варианте, предполагавшем сдвинуть новую церковь несколько вбок от оси старого храма, чтобы храм завершал одну из городских улиц, выходящую на Соборную площадь. Позднее по имени храма она получила название Воскресенского переулка.

По просьбе представителей города возле новой церкви решено было разбить городской сад. 20 августа 1871 года новый план города Луги, предусматривавший возведение храма, был утвержден Императором Александром II. Своим сооружением новый каменный собор был обязан исключительно лужанам, по инициативе и на средства которых

¹ Историко-статистические сведения по С.-Петербургской епархии, вып. 9 СПб. 1884, с. 348.

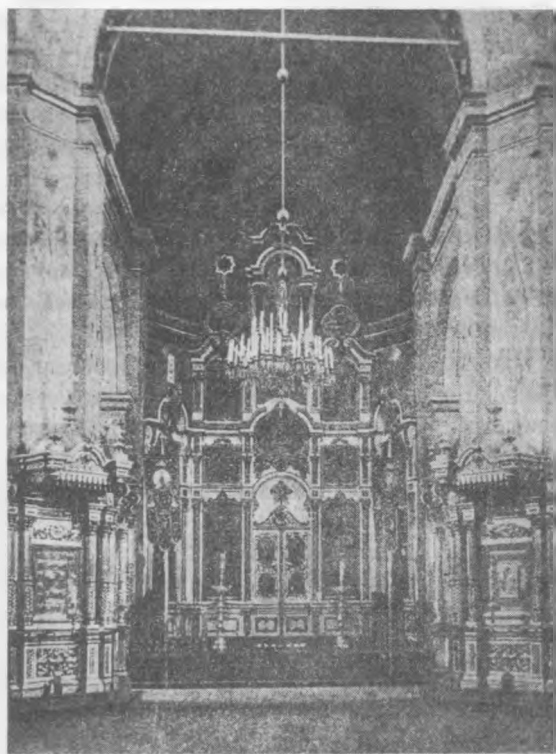
² «Воззвание «О благотворительной помощи на сооружение нового соборного храма в Луге» от 23 апреля 1874 г.

³ Там же.

он и строился. Никаких государственных субсидий не выделялось, и он полностью возводился на частные пожертвования. Комиссию по сооружению храма возглавил градский староста купец Александр Иванович Болотов. Архитектор В.В.Виндельбандт, автор проекта, был назначен наблюдателем за производством работ.

В 1873 году по благословению митрополита Исидора местным духовенством, — настоятелем храма в это время служил священник Алексей Иоаннович Фестинский, — была совершена закладка нового храма. Проект предусматривал возведение трехпрестольного, довольно большого собора, выдержанного в русско-византийском стиле.

Деятельное участие в заготовках и поставках строительных материалов приняло лужское купечество. Лес на стройку пожертвовал купец Илья Кирпичников, известь — крестьянин Иван Моисеев. Однако трудность представила ограниченность финансирования работ. Видимо, в первый же сезон были израсходованы все средства, собранные к тому времени на храм, 22 тысячи рублей. Они пошли на фундамент, кирпич, и строительные материалы. Строительная комиссия стала просить помощь у С.-Петербургской Духовной консистории, а затем обратилась к населению (23 апреля 1874 г.) с воззванием и просьбой помочь в сооружении храма. В нем излагалось существующее положение дел, благочестивые купцы и мещане призывались вносить добровольные пожертвования на постройку храма. Привлечь суммы запасного городского капитала не удалось. Начатые в 1872 году работы через три года остановились за неимением средств. К этому времени был выложен и облицован гранитом фундамент, возведены столбы, своды и стены сведены до карнизов. Недостроенным он стоял несколько лет, пока собирали необходимую для завершения его строительства сумму (95 тысяч рублей). Сумма эта была не по силам небольшому кружку благотворителей.

Интерьер Воскресенского собора. Снимок начала века

Воскресенский собор

Попечительство ходатайствовало перед епархиальным начальством об изменении первоначального проекта в сторону уменьшения стоимости. С этой целью заканчивать постройку собора было поручено епархиальному архитектору Г.И.Карпову (1824-1900). Он сделал проект более скромным — заменил пятиглавие одной большой главой в окружении восьми маленьких главок, уменьшил колокольню, убрал большую часть наружных украшений, добившись снижения стоимости работ до 65 тысяч рублей.

27 апреля 1882 года проект Карпова был утвержден Духовной консисторией, и на завершение собора, предположительно, ушло еще три года. К 1884 году каменный собор Воскресения Христова с двумя боковыми приделами был построен вчерне, — при настоятельстве свящ. Николая Николаевича Сперанского, — хотя какие-то мелкие строительные и отделочные работы продолжались в течение 1885-86 годов.

В 1887 году строительство было полностью завершено, в конце августа постройка была освидетельствована (губернским инженером-архитектором Мусселиусом), а 20 сентября того же года храм был освящен. О том, кто именно совершил освящение, сведений не сохранилось. Известно лишь то, что выданный соборной церкви митрополитом С.-Петербургским Исидором антиминс (главного престола) был подписан им 30 июня 1874 года.

Северный (левый) придел был освящен несколько позже, и посвящался Успению Пресвятой Богородицы. Юж-

Часовня Печерской Божией Матери близ Лузы

ный (правый) придел первоначально планировалось посвятить св. благв. князю Александру Невскому, небесному заступнику царствовавших в годы постройки собора Императоров Александра II и Александра III, однако когда дело дошло до освящения, его освятили в честь особо чтимого в Луге и ее окрестностях Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. (В 1476 г. близ Луги, на Черемнецком озере, явилась икона Св. Ап. Иоанна Богослова, прославившаяся чудесами и с 1848 г. носимая ежегодно в апреле-мае месяце крестным ходом из Черемнецкого монастыря в Лугу и обратно). Освящение Иоанно-Богословского придела последовало 12 ноября 1896 г. и было совершено по благословению митрополита С.-Петербургского и Ладожского Палладия св. прав. Иоанном Кронштадтским в сослужении соборного причта, возглавляемого священником Димитрием Васильевичем Смирновым, служившим в храме в 1895-1900 гг.

Собор был просторен внутри, его украшал резной четырехъярусный иконостас, все образа в который были исполнены в мастерской школы А.М.Горностаева. Снаружи храм был белоснежным, — он был не оштукатурен, а окрашен по кирпичу в белый цвет. Внутри вели три входа; надпись над южным гласила: «Дом Мой дом молитвы наречется», и над главным: «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу».

По старой памяти новый Воскресенский собор жители продолжали называть Екатерининским, относя это имя одновременно к обоим храмам, тем самым объединяя их в своем представлении воедино, и рассматривая как неразрывное целое. Таким образом, в центре Луги образовался единый храмовый ансамбль из двух соборов, построенных в XVIII и XIX веках.

Среди святынь храма особо почиталась икона Божией Матери Печерской, образ Успения Божией Матери с ликами Спасителя, Св. Иоанна Предтечи и апостолов. Образ этот был явлен в XVII или XVIII вв. близ дер. Турово Смёшинского прихода, в пяти верстах от Луги, среди соснового и елового бора, в глубоком овраге, в пещере, — отсюда и название иконы. При обретении образа открылся св. источник с кристально чистой целебной водой. Над ним вскоре была устроена деревянная часовня Печерской Божией Матери, а сама местность получила название Малой Печорки. Ежегодно в июне, день явления иконы был ознаменован неизменным архиерейским служением в храме. Неподалеку от часовни и св. источника устраивалась недельная ярмарка. Чтимая Печерская икона была перенесена в Екатерининский собор из М. Печорки в 1789 г., на образ была сооружена серебряная вызолоченная риза, украшавшая его до 1922 года.

Другой святыней храма был точный список с чудотворной Черемнецкой иконы св.Апостола Иоанна Богослова, — «выносная» икона, участвовавшая в крестных ходах и носимая по приходу.

Все колонны и стены храма были расписаны на Евангельские сюжеты. От входа слева на ближайшей колонне помещалась роспись «Христос, шествующий по водам», на правой были изображены апостолы, ловящие рыбу на Геннисаретском озере. Росписи производили большое впечатление на богомольцев.

На колокольне храма помещались 12 колоколов. Самый большой, имевший вес 490 пудов, и отлитый с присадкой серебра, был очень звонким, — его было слышно даже в Черемнце, — в двадцати верстах от Луги. По воспоминаниям старожилов, язык большого колокола перед освящением

внес на колокольню на руках один лужский купец, — мясник или колбасник, — богатырского телосложения.

Незабываемое впечатление на лужан произвело посещение г. Луги и Воскресенского собора в праздник Преображения Господня, 6/19 августа 1900 года Государем Императором Николаем II и Императрицей Александрой Феодоровной, прибывших тогда в Лугу на большие маневры Преображенского и Семеновского гвардейских полков. Вместе с сопровождавшими их Великими Князьями, Военным министром и министром Двора, Государь и Государыня молились в соборе за Божественной литургией в день полкового праздника преображенцев. Здесь же, на маневрах, Августейшую Семью застало известие о взятии русскими войсками в ночь на 1 августа 1900 г. Пекина и водружении над стенами города русского флага. По этому случаю в соборе был отслужен благодарственный молебен.

«По выходе Их Величеств из церкви могучее ура не прерывалось ни на секунду и сопровождало возлюбленного Монарха с Его Супругой до самого поля, на котором был в строю Преображенский полк. За царской коляской шла толпа из дачников, купцов, их приказчиков, рабочих и крестьян. Все тащили с собой детей всякого возраста», — вспоминал об этих событиях очевидец.¹

«Одна вдовица-чиновница Б., не имея возможности выйти на улицу, высунулась в окно при проезде Царской Семьи, хлопая в ладоши, громко кричала: «Ура, Батюшка-Царь и Царица, ура, ура!»

«И что Вы думаете, говорила она потом, ведь услышали-таки меня: они оба повернули свои головки и милостиво так ласково оба поклонились мне, а у меня слезы — от радости, так градом, градом; вот и до сих пор не могу удержаться, как вспомню их личики».²

На той колонне, возле которой молилась в соборе Царская Семья, была поставлена, по предложению жившего в Луге князя Владимира Путятина, мраморная доска в память о посещении Государя. В 10-ю годовщину события также была сооружена икона художественной работы в серебряной золоченой ризе и установлена на том самом месте, где Их Величества стояли обедню.³ Государь и позже неоднократно бывал в Луге и ее окрестностях, — на маневрах или, чаще, — проездом.

Ежегодно 30 апреля/ 13 мая н.ст. в Воскресенский собор приходил многолюдный крестный ход из Черемнецкого монастыря с чудотворным образом Св. Ап. и Евангелиста Иоанна Богослова. Крестный ход, установленный в память избавления жителей Луги от эпидемии холеры в 1831 и 1848 гг., обходил кругом города и достигал собора, где образ пребывал 3-4 дня, после чего двигался обратно, вбирая в себя крестные ходы из погостов Смёшино, Островно, Смерди и Городца, и ко всенощной 7 мая, в канун престольного праздника, возвращался в монастырь.

Шесть человек крепких мужчин на перекинутых через шею полотенцах несли особые носилки с огромных размеров чудотворным образом, попеременно сменяясь. Святыню сопровождали по очереди священники лужских и расположенных в ее окрестностях храмов. Образ, сопровождаемый тысячами богомольцев, преимущественно крестья-

¹ «С.-Петербургские ведомости», газета. 6.08.1900.

² Там же.

³ «Лужская газета», 7.08.1910.

ян, медленно двигался из селения в селение по определенному маршруту (из года в год он был постоянным и если порой изменялся, то незначительно). Желаящие из местных жителей наперебой рвались пронести образ хоть часть пути. Отдельные деревни, где не было храмов, а только часовни, и даже отдельные хутора, заранее озабочивались тем, чтобы принять икону.

В начале века этот, да и многие другие, совершавшиеся в Лужском уезде грандиозные крестные ходы (в Феофилову Омучскую пустынь 20-21 июля /установлен Св. Синодом с 1915 г. к ежегодному совершению/, в Воскресенско-Покровский женский монастырь – 28 июля, древний – в Малую Печорку в июне /подвижная дата праздника/) совершались при участии викарного епископа Гдовского, впоследствии – митрополита Петроградского Вениамина, священномученика († 1922, пам. 31.07./ 13.08.).

С 1869 г. при соборе действовало церковно-приходское попечительство, были открыты две церковно-приходские школы: одна – в Луге, и другая – в дер.Естомичи. Председателем попечительства с 1881 г. служил мировой судья II лужского участка генерал-майор в отставке Александр Алексеевич Пешков, живший летом в Естомичах и державший там большой фруктовый сад. Собору также принадлежали в городе четыре деревянных дома со службами. Рядом с собором располагались две каменные часовни: одна – в церковной ограде, в городском саду, другая – на рынке.

Приход Луги насчитывал на рубеже веков около двух с половиной тысяч жителей, и охватывал сам город, а также лежащие в его окрестностях деревни Естомичи, Раковичи (в этих двух селениях стояли еще две, приписанные к собору часовни) и Стояновщина. Причт храма состоял в это время из настоятеля (обычно – протоиерея, входившего в состав уездного Училищного совета и исполнявшего обязанности законоучителя Лужского городского училища), двух священников, двух диаконов и двух псаломщиков.

Церковными старостами были – первоначально – крестьянин Леонтий Иванов, строивший собор, его сменил лужский II гильдии купец А.Н.Третьяков (староста в 1894 -1906 гг.), состоявший почетным членом попечительства при соборе, которого, в свою очередь, сменил Г.С.Сотников.

Следует также отметить тот факт, что в Луге 8 апреля 1884 г., на Пасху, (в понедельник Светлой седмицы) в семье секретаря Съезда мировых судей В.Г.Лемешевского

Казанский собор

и начальницы Лужской женской прогимназии В.И.Лемешевской (рожд.Гарусовой) родился будущий митрополит Мануил (Лемешевский), исповедник Православия и известный историк Церкви. Поскольку Воскресенский собор при его рождении еще не был достроен, то окрещен будущий Владыка был, по всей видимости, в старом Екатерининском соборе.

На рубеже веков население города Луги существенно выросло, появились новые дачные места, где летом отдыхали многие петербуржцы. Стоявших в центре города Воскресенского и Екатерининского соборов стало совершенно недостаточно, чтобы утолить духовную жажду живущих в Луге, особенно летом. Особую потребность в православном храме испытывали жители новой, западной части города, лежащей за железной дорогой. Они решили на свои средства возвести новый храм, и осенью 1899 г. в местную Думу поступило ходатайство горожан с просьбой выделить участок земли под новую церковь. Место было отведено при пересечении Тверской улицы (ныне – пр. Ю.Гагарина) и Лисьего переулка (впоследствии и ныне – Казанский переулок), на северо-западной окраине города. Проект храма был составлен архитектором (строителем) Николаем Галлактионовичем Кудрявцевым (1856 - 1941), жившем летом с семьей неподалеку от Луги, в своем имении «Вёдрово» («Кудрявцево»). После незначительных исправлений и добавлений, он был утвержден. Соорудить новый храм решено было во имя Казанской иконы Божией Матери, посвятив его памяти Императора Александра II († 1881), тридцать лет со дня мученической кончины которого отмечалось тогда. Возводить церковь решено было на пожертвования местных жителей; участок земли под храм был подарен одной из дачниц.

Освящение земли под церковь было совершено в праздник Казанской иконы Божией Матери, 8 июля 1901 года. Работами по сооружению храма руководила строительная комиссия, куда входили городской голова И.В.Якшинский (председатель комиссии), потомственный дворянин Д.М.Краевский и отставной генерал-майор А.А.Пешков. Все они были одновременно и главными жертвователями постройки храма. Значительные средства на церковь пожертвовала также купчиха А.И.Серебрянникова.

В ходе строительства проект был несколько откорректирован: увеличен вход и над ним сооружена звонница. Основные работы были завершены осенью 1903 года. Освящение храма последовало 10 августа 1904 года и было совершено митрополитом С.-Петербургским Антонием¹ в сослужении викарного епископа Гдовского Кирилла (Смирнова) († 1937), будущего новомученика, и местного клира. Новый Казанский храм был приписан к прежнему собору, и здесь служили по очереди те же священники, что и в главных соборах, – все лужские храмы имели единый причт.

Настоятелем их к этому времени (с 1900 г.) был протоиерей Анатолий Феодорович Остроумов, вторым священником служил прот. Иоанн Дмитриевич Судаков, до-

¹ Митрополит Антоний (Вадковский), († 1912) часто бывал в Луге и проживал летом неподалеку, на Архиерейской даче в Зачеренье, близ станции Преображенская (ныне Толмачево). в Серафимо-Антониевском скиту, стоявшем на крутом возвышенном берегу реки Луги. Владыка вел в своей летней резиденции простой образ жизни и доступ к архиерею в скит был свободный.

Покровская церковь 24-ой артиллерийской бригады

того настоятельствовавший в Георгиевской церкви села Заполье близ Луги, третьим — прот. Александр Дмитриевич Сперанский. Позже появился четвертый священник — иерей Петр Румянцев. Диаконами служили: о. Андрей Журавлев и о. Иоанн Быстряков. Просвирней была вдова прежнего настоятеля протоиерея о. Лебедева, Анастасия Ивановна.

Бессменным многолетним старостой непосредственно Казанской храма был купец Павел Карпович Громов, одно время бывший лужским городским головой.

Казанская церковь была вместительна и светла внутри, ее украшал четырехъярусный резной иконостас, достаточно скромный по убранству. Образа в него были написаны в одном из женских монастырей. Среди святынь храма следует назвать прежде всего привезенный из Иерусалима Крест с частицами Животворящего Древа и Голгофы, пожертвованный архитектором Н.Г.Кудрявцевым. Торжества встречи прибывшей из С.-Петербурга святыни состоялись в Луге 17 октября 1910 г., в них приняло участие духовенство всех лужских храмов (к тому времени их стало шесть), и множество богомольцев. Огромная толпа народа заполняла платформу, вокзал и всю площадь перед ним. Другой святыней храма была древняя чтимая икона Тихвинской Божией Матери, хранившаяся в роду Кудрявцевых и в 1930-х гг. переданная из Троицкой церкви в их имени Вёдрово в храм. Оттуда же в Казанскую церковь попали две древние иконы: Спасителя и свт. Николая Чудотворца, пожертвованные академиком Кондаковым из числа найденных во время экс-

Интерьер Казанской церкви. Снимок начала века.

Храм св. Ольги и училище принца Ольденбургского

педиций исследователей старинных икон в одном из иконописных сел Ярославской губернии.

Пел в храме любительский хор, первоначально под управлением Анухина, а затем Я.К.Матковского, состоявший преимущественно из дачников. В летние месяцы число певчих возрастало, порой здесь можно было слышать даже знаменитый петербургский хор под управлением А.А. Архангельского.

Недалеко от церкви, возле насыпи железной дороги, на третьей версте от Луги к Петербургу находился чтимый источник прп. Нила Столобенского, над которым в начале века была поставлена деревянная остекленная часовня. Летом здесь регулярно совершались молебны с акафистом прп. Нилу, служившиеся местным причтом.

В начале века духовная жизнь Луги была очень оживленной. В 1900 г. здесь на Лангиной горе открылось летнее отделение Реального училища Приюта принца П. Г. Ольденбургского на пожертвованной городом и ген. А. А. Пешковым земле. Здесь разместились учебные и хозяйственные здания Приюта (на 340 детей), а также была построена (освящена около 1902 г.) приютская церковь св. равноап. княгини Ольги. Настоятелем ее десять лет служил о. Мартин Вийк, а с 1912 г. — свящ. Константин Титов.

1 октября 1904 г. на Песках (к югу от центра Луги, недалеко от реки) был освящен еще один храм: Покрова Пресвятой Богородицы при 24-й артиллерийской бригаде. Осенью 1892 г. Великий Князь Сергей Михайлович¹, командующий артиллерией, на маневрах, проходивших близ Луги, восхитился дивными пейзажами и гористой местностью. Тогда же он переводит в Лугу из Красного Села офицерскую артиллерийскую школу и учреждает здесь Сергиевский артиллерийский полигон, названный по имени ос нователя. Одновременно сюда же переводятся из Финляндии (ст. Перкияarvi) 24 и 25 артиллерийская бригады. Через 12 лет артиллеристы построили собственный каменный храм. Настоятелем Покровской бригадной церкви был свящ. Феодор Забелин.

К соборам была также приписана однопрестольная деревянная церковь свт. Николая Чудотворца на Врёвском кладбище, в трех верстах на юго-восток от Луги, построенная

¹ — будущий новомученик, в день своего тезоименитства, на память прп. Сергия Радонежского, 5/18 июля 1918 года, с восемью другими мучениками Царского рода, сброшенный большевиками в старую шахту близ г.Алапаевска.

в 1709 и обновленная в 1832 году. Освящение ее последовало в праздник свт. Николая Чудотворца 9 мая 1833 г., антиминс храма был освящен епископом Герасимом 21 мая 1864 г. и подписан митрополитом С.-Петербургским Исидором. Ее окормлял также причт лужских соборов.

«В Луге я чувствую, как корни мои уходят в глубь коренной вековой Руси, а ветви и цветы соприкасаются со всей новизной мировой культуры. Я чувствую себя одновременно и в глухой деревне, и в Петербурге», — отмечал в начале века писатель Алексей Луговой (А.А. Тихонов), (1853–1914). Действительно, к 1910-м годам возросшее население города составило около 15 тысяч человек, а Луга стала городом не только дачников, но и военных: в 1909 г. на западной окраине города, в Боровичском переулке поднялись здания казарм и лагеря Офицерской артиллерийской школы, мишенный двор и караулки, действовал Сергиевский полигон, куда летом на учения прибывали юнкера Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ. За железной дорогой на Владимирском плацу устраивались офицерские скачки и гимнастические состязания нижних чинов. В 1911 г. (3 июня) было открыто автобусное сообщение с Нарвой и Гдовом, а на Принцевом Лугу команды воспитанников Реального училища принца Ольденбургского проводили товарищеские игры в футбол, по улицам маршировали полки «потешных», объединявшие лучшую русскую молодежь. В центре города открылся кинематограф. 18 августа 1909 г. через Лугу пролегла трасса Всероссийских автомобильных гонок по маршруту Рига — С.-Петербург. (Их организатором и председателем Всероссийского общества автомобилистов был Великий Князь Михаил Александрович, брат Государя.)

Наряду с этим, процветала духовная жизнь города, — благочестивые лужане строили новые храмы: 24 августа 1909 г. на полигоне, в местности Новое Островно был освящен новый выстроенный по проекту инж. А.П. Аплаксина на средства Вел. Кн. Сергея Михайловича храм Преображения Господня. (Настоятелем старой церкви служил о. Леонид Павлов († 1905), новой — священник А. Заклинский). В 1912 году в память безвременно скончавшегося благотворителя лужских храмов и богоугодных заведений купца А.Н.Третьякова († 28.05.1911) на средства вдовы А.И. Третьяковой был сооружен новый каменный храм на Врѣвском кладбище. Освящение его было совершено 27 мая 1912 г. Преосвященным Никандром, епископом

Нарвским (Феноменовым). В нижнем этаже была устроена усыпальница Третьяковых. Планировалось сооружение храма и на новом Городском кладбище за железной дорогой (по пути на полигон), где действовала часовня. Старую Врѣвскую Никольскую кладбищенскую церковь решено было перенести в саму Лугу, в Заречную часть, где на Лысой горе 26 мая 1913 года Преосвященный епископ Вениамин, будущий новомученик, тогда викарный епископ Гдовский, заложил храм и здание церковно-учительской семинарии. Строительство началось, однако планам этим из-за последовавшей войны и революции не суждено было сбыться.

Духовная жизнь лужан в эти годы была активна и насыщена. Крестные ходы на реку Лугу в праздник Крещения Господня 6/19 января и совершавшееся на реке напротив собора великое освящение воды собирало несколько тысяч человек. Большое религиозно-нравственное значение, особенно для детей, имели проводившиеся день «Белого цветка» (20 апреля), — когда проводился сбор пожертвований на лечение больных туберкулезом, день «Розового цветка» (26 апреля), — в этот день дети из благополучных и обеспеченных семей собирали средства для бесприютных детей. В день рождения Государя 6/19 мая проводился большой «Детский праздник», — перед революцией он широко отмечался по всей России.

В конце 1912 года в Луге был начат сбор пожертвований на памятник основательнице Луги Императрице Екатерине II. При лужских храмах к 1917 г. действовали две церковно-приходские школы: Екатерининская и Кирилло-Мефодиевская. Закон Божий преподавался соборным причтом в Мариинской женской гимназии (преобразованной из бывшей женской прогимназии), частной женской гимназии фон Мерс, Реальном училище принца Ольденбургского, Четырехклассном Городском, Начальном Городском, I и II Министерских училищах. В 1913-14 гг. Городская Дума ходатайствовала о выделении 80 тыс. рублей на постройку нового здания женской гимназии, в ее старом здании планировалось открыть мужскую гимназию, однако из-за начавшейся войны и революции строительству этому не суждено было осуществиться.

По благословению епископа Вениамина летом в Луге и Череменице действовали курсы для псаломщиков Лужского уезда и церковно-учительские курсы, проходили съезды законоучителей и преподавателей, в 1913 году было начато строительство церковно-учительской семинарии.

Старая Никольская церковь на Врѣвском кладбище

Новый Врѣвский храм (усыпальница Третьяковых)

На углу Никольской и Болотной улиц действовал Дом Трудолюбия, учрежденный по образцу созданного св. прав. Иоанном Кронштадтским, при нем существовало Лужское общество трудовой помощи. С 1909 г. в доме А.П. Горшкова на Покровской улице действовала Лужская община сестер милосердия Российского Красного Креста.

Перед самой революцией, в 1913 г., Императрицей Александрой Феодоровной были приобретены в личную Ея собственность две десятины земли по берегу Теплого Ключа, в юго-западной части Луги, которые были пожертвованы Государыней для школы Народного искусства Императрицы Александры Феодоровны «Светёлка». На средства Государыни были построены здания школы, состоявшей под ее покровительством, содержавшейся на ее средства и служившей религиозно-нравственному и художественному воспитанию детей в русском православном духе.

Благие начинания и активную созидательную духовную жизнь города прервала Первая Мировая война. В школе

Народного искусства «Светёлка» по случаю военного времени разместился лазарет. В б. больнице Красного Креста имени графов Шереметевых Большой Сырец близ Луг также открылся Сырецкий лазарет для воинов. В само Луге открылся полевой запасной Госпиталь, духовником которого стал третий священник собора протоиерей Александр Сперанский. Дачная жизнь замерла, отдыхающие летом стало меньше, в городе стали размещаться эвакуированные с Запада России: из Прибалтики и Привислинского края (Польши) учреждения. Война все больше напомнила о себе: через Лугу уходили на фронт эшелоны, в лужские лазареты и госпитали прибывали поезда с ранеными. Духовенство лужских храмов как могло окормляло, напутствовало и оказывало всяческую помощь воинам.

В 1917 же году Луге предстояло стать центром трагических событий, коренным образом изменивших всю жизнь России и русских людей. Рассказ об этом и о последующей истории и современной жизни лужских храмов пойдет ниже.

(Окончание следует)

К НЕНАШИМ

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить нас
И онемечить Русь, внимлите
Простосердечный мой возглас!
Кто б ни был ты, одноплеменник
И брат мой: жалкий ли старик,
Ее торжественный изменник,
Ее надменный клеветник;
Иль ты, сладкоречивый книжник,
Оракул юношей невежд,
Ты, легкомысленный сподвижник,
Беспутных мыслей и надежд;
И ты, невинный и любезный,
Поклонник темных книг и слов,
Восприниматель достослезный
Чужих суждений и грехов;
Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русский вы народ!

Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живет, в вас помертвело
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью к родине, не тот

Огонь чистейший, пламень ясный
Вас поднимает; в вас живет
Любовь не к истине и благу!
Народный глас — он Божий глас —
Не он рождает в вас отвагу:
Он чужд, он странен, дик для вас.
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша —
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещения,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хупой и лестию своей
Не вам ее преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!
Умолкнет ваша злость пустая,
Замрет неверный ваш язык:
Крепка, надежна Русь святая,
И русский Бог еще велик!

Н. М. Языков

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX века

Ольга Ходаковская

ИЗ ОТЧИХ ОБЪЯТИЙ

*Епископ Семиреченский и Верненский Пимен (Белоликов)
(1879-1918)*

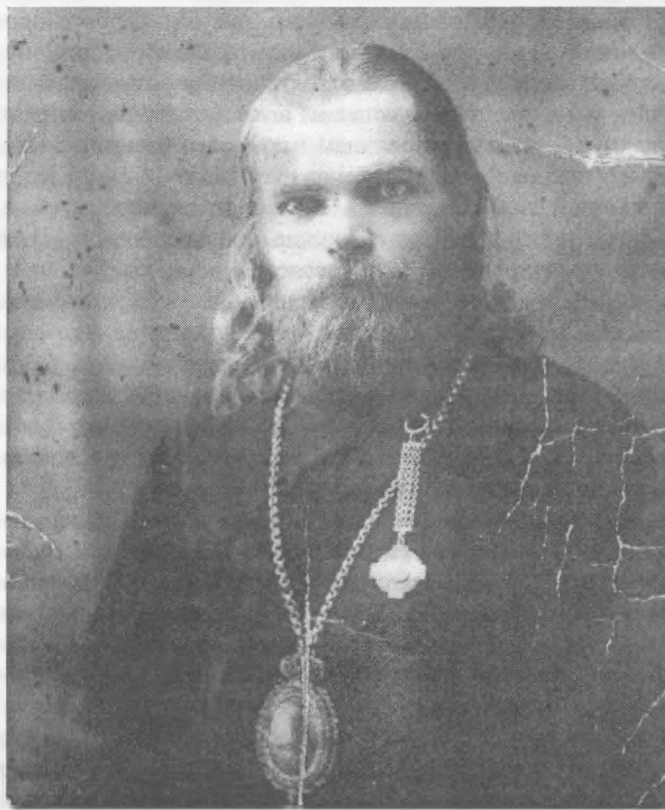
Жизнеописания мучеников и исповедников Русской Православной Церкви первой половины XX века содержат поразительное в своей очевидности свидетельство прямого участия великого кронштадтского протоиерея Иоанна Сергиева в духовном становлении большинства из них. Подтверждением тому служит и судьба ныне почти забытого туркестанского святителя-мученика епископа Семиреченского и Верненского Пимена – миссионера, церковного публициста, переводчика древнесирийских христианских текстов, блестящего проповедника, наставника юношества и вдохновенного пастыря. В самом начале установления красного террора – 3/16 сентября 1918 года он был расстрелян в городе Верном Семиреченской области Туркестана.

Родина епископа Пимена – в миру Петра Захариевича Белоликова – Новгородская губерния, Череповецкий уезд, село Васильевское (Романово). Он родился 5/18 ноября 1879 года шестым ребенком в большой семье священника Захарии Ивановича Белоликова и его жены Марии Ивановны (Орнатской), происходившей из семьи священника. «Я возматерился с детства в исключительно счастливых для духовной жизни условиях. Дома искреннее благочестие отца, нелицемерная набожность матери были первыми посадками моей религиозности», – рассказывал о себе епископ Пимен.

К своим детским воспоминаниям отец Пимен возвращался не один раз, рассуждая о началах детской религиозности: «Представим себе дитя в храме. Продолжительные богослужения, многочисленные поясные и земные поклоны, осенение крестным знаменем, безмолвие и сосредоточенность богомольцев, благоговение священника – все это глубоко влияет на детскую душу, создавая в ней приснопамятные и дорогие впечатления, могущие дать направление всей последующей его жизни. Это упражнение воли в труде, бдении, терпении, постоянстве».

В одном из своих выступлений он высказал мысль о том, что «дети духовенства, воспитанные возле храма богомольными матерями и бабушками, совсем иные, чем дети других сословий... Дети клириков, пока они живут в семье, – дети святые».

О воспитании детей в семье упоминается в некрологе об отце Захарии Ивановиче, скончавшемся 28 октября 1904 года: «Приятно было видеть отца Захарию, окруженного многочисленной семьей на работе во время уборки сена и хлеба. И радовалось его родительское сердце, что пример его трудолюбия внедрял в детях уважение к труду.

Сил своих он не жалел, чтобы воспитать своих детей в духе церковности, вдохнуть им религиозное чувство, внушить уважение к духовному званию и любовь к труду...»

Мать епископа была дочерью священника Иоанна Орнатского из села Новая Ерга. Фамилия «Орнатские» известна в русской церковной науке с начала 19 века: ее носил настоятель Антониева монастыря архимандрит Амвросий – ректор Новгородской Духовной семинарии, впоследствии архиепископ Пензенский, перу которого принадлежала, написанная совместно с митрополитом Евгением (Болховитиным), многотомная «История российской иерархии». Воистину материнская линия наделила Петра Белоликова замечательными родственными связями. Его двоюродными братьями были известный в Петербурге проповедник и церковный деятель, настоятель Казанского собора протоиерей Философ Николаевич Орнатский и другой петербургский священник – Иоанн Николаевич Орнатский. Отец Иоанн был женат на племяннице отца

Иоанна Кронштадтского. Вступив в родство с великим кронштадтским пастырем, Орнатские породнили с ним и будущего святителя.

Митрополит Арсений (Стадницкий), находясь в 30-х годах в ссылке в Ташкенте, в беседе о епископе Пимене называл его воспитанником отца Иоанна Кронштадтского. Это свидетельство заслуживает серьезного внимания уже потому, что как раз в годы обучения Петра Белоликова в Новгородской Духовной семинарии иеромонах Арсений трудился в ней в качестве помощника инспектора и не мог ошибаться на этот счет. По непреложному в духовной среде того времени порядку вещей по окончании Кирилловского Духовного училища ревностный в учении и молитве сын священника поступает в старейшее в России среднее учебное духовное заведение, в котором в свое время прошли обучение его дед, отец и старшие братья.

Впоследствии он высоко оценивал семинарское образование, ведущее, по его словам, от глубокого формирования мышления и речи к самостоятельному размышлению о сущем и, наконец, выводящее на высоту созерцания в богословии: «С этим образованием не может сравниться никакое другое среднее образование. Теперешний строй нашей духовной школы укрепился веками, освящен продолжительным употреблением и хорошо приспособлен к естественному и духовному росту человека.»

В 1900 году он закончил Новгородскую Духовную семинарию по первому разряду. Только троим из выпуска в 50 человек открывали без экзамена двери духовные академии России. Традиционно первые ученики Новгородской Духовной семинарии поступали в Петербургскую Духовную академию, но волею Учебного Комитета лучший выпускник новгородской семинарии едет в Киев.

Как-то, уже в должности ректора Пермской Духовной семинарии, иеромонах Пимен признался, что ему и его товарищам получить высшее образование далось с большим трудом и немалыми скорбями. Но трудности учения закаляли волю и укрепляли молитвенное упование на Божию помощь: все то, без чего знания не составляют личности и не формируют характер.

С Киевской Духовной академией тесно переплелось множество судеб. В 1900 году Петр Захариевич Белоликов вошел в число ее 175 студентов. Вместе с ним на одном курсе учились известные впоследствии иерархи-новомученики: митрополит Одесский и Херсонский Анатолий (Грисюк) и Иоанн (Поммер) — архиепископ Рижский и Митавский.

Курс академии он закончил одним из лучших: пятым по списку. Его сочинение «Отношение Вселенских Соборов к творениям церковных писателей» удостоилось отличной оценки. На основе соборных деяний он исследовал догматический вклад святоотеческой литературы в деятельность семи Вселенских соборов.

С пребыванием в стенах Киевской Духовной академии связано поворотное событие в жизни Петра Белоликова. «Когда для меня возник вопрос о том, как устроить свою жизнь после школы, то пережитые в духовных школах впечатления и воспоминания властно потребовали от меня жизни иноческой», — вспоминал он о себе. 6 августа 1903 года он принял монашеский постриг с именем Пимен, в честь Киево-Печерского преподобного Пимена Многоблезненного, что в Ближних Пещерах. Киево-Печерская Успенская лавра стала ему «второй купелью».

24 августа 1903 года монах Пимен был рукоположен во иеродиакона. Постриг и диаконское рукоположение совершил митрополит Киевский и Галицкий Флавиан (Городецкий).

Отец Пимен в течение многих лет не терял с владыкой Флавианом духовной связи и искал его наставничества. «Когда я слышу о Вас, то мое сердце исполняется отрадою от сознания, что я Ваш постриженник, духовное Ваше дитя. Но увы! Мне самому нечем похвалиться, разве что немощами моими.»

В свое время владыка Флавиан отдал одиннадцать лет жизни служению в Православной Духовной миссии в Пекине. Как бывший миссионер он весьма сочувственно приветствовал назначение молодого иеромонаха в далекую Урмию.

3 июля 1904 года ректором Киевской Духовной академии епископом Платоном иеродиакон Пимен рукополагается в иеромонаха, а приказа о своем назначении в Миссию он дожидается уже в Петербурге. Здесь он встречается с епископом Гдовским Петербургским викарием Кириллом, который только что был отозван из Урмийской Православной миссии. Там он недолго, но успешно потрудился в должности ее начальника. Известно, что епископ Кирилл пользовался большой любовью и уважением отца Иоанна Кронштадтского. Вероятно кронштадтский батюшка еще раньше познакомил епископа Кирилла, озадаченного поиском достойных служителей для достойного дела, с талантливым, энергичным и глубоко духовным выпускником Киевской Духовной академии.

Урмийская Духовная миссия, находившаяся на северо-западе Персии в городе Урмия, ныне почти забытая нива миссионерских трудов Русской Православной Церкви, но в предреволюционное десятилетие ее деятельность была в кругу внимания церковной общественности России. Ее труды протекали среди несториан-ассирийцев. Они одними из первых — еще в первом веке — приняли христианство из рук апостолов Мар-Аддая и Мар-Мари (Фаддей и Марий), но в 5 веке отклонились в несторианскую ересь, которая укрепилась по всей Средней Азии. К началу 19 века ассирийцы-несториане проживали только в районе к западу от Урмийского озера в Персии и в горах Хаккяри Восточной Турции. Общее их число в это время достигало 120-150 тысяч человек. Это все, что осталось от некогда многомиллионной паствы.

С конца 18 века среди сирийцев-несториан стало крепнуть намерение войти под покров России и в единство с Русской Православной Церковью. В начале 1898 года в Троицком соборе Александро-Невской Лавры совершилось торжество присоединения. В Русской Православной Церкви появилась новая епархия — Урмийская, которую возглавил епископ Мар-Ионан (Иона) Супурганский, но фактически всю полноту управления Православием в Урмии взяла на себя Урмийская Русская Православная Духовная миссия. Указ о ее создании последовал сразу же. «Послужить славе Церкви русской и пользе далеких айсоров, этих древнейших христиан, в отдаленной от нас стране — это великая и достойная задача», — отмечал в то время известный миссионер Иоанн Восторгов.

Выбор, совершенный по благословению кронштадтского пастыря, полностью оправдал себя. Скоро молодой деятель овладел древнесирийским и новосирийским языками,

местными тюркскими наречиями, проповедовал православным сирийцам на их родном языке, защищал интересы православного населения перед персидскими властями, преподавал, а затем и ректорствовал в училище при Миссии. Причина успеха заключалась не только в способности к языкам, но и в самом подходе к делу, в нравственном к нему отношении.

Почти фронтовая обстановка миссионерского служения объяснялась тем, что годы, о которых идет речь, пришлись на так называемые персидские смуты 1906-1911 годов. Менялись шахи, создавались новые конституционные учреждения, а страна оставалась полудикой, непросвещенной идеалами честности, скорого справедливого суда и милосердия. Реально действовал в ней всеильный закон грабежа.

В это время игумен Пимен издает небольшую книжку «Православная Урмия в годы персидских смут» (Киев, типограф. Киево-Печерской Лавры, 1911 г.). Она посвящена трагической судьбе православных сирийцев, оказавшихся в окружении, усвоившем практику безнаказанности смутного времени, и о ходе миссионерского дела в этих условиях. Ее заключительные строки отмечены поразительно теплым чувством, дающим ясно понять, что успешная миссия всегда происходит от избытка любви: «Народ, портившийся под разнообразными влияниями в продолжении сотен лет, не мог преобразиться в течение каких-нибудь 12 лет под влиянием горстки работников, состоящей из 4-5 человек. Но вашей помощи, вашей милости всегда будет ждать истрадавшаяся и озлобленная беднота сирийская, ни в чем не виноватая и никому не угрожающая. Ради этой бедноты и мы здесь работаем в надежде на помощь Божию и на помощь наших братьев – ревнителей благовествования Христова».

Из под пера молодого миссионера вышли многочисленные корреспонденции, печатавшиеся в церковных и светских изданиях. Он активно включился в переводческую деятельность Миссии: ему принадлежат переводы на сирийский язык чинопоследований праздников Рождества Богородицы и Крестовоздвижения, а также древнесирийских христианских текстов на русский язык. Перевод «Жития блаженного Мар-Евгена, начальника иноков страны Низибийской на горе Изла» вышел в 1913 году в Сергиевом Посаде. Другие переводы о.Пимен помещал в миссийском журнале «Православная Урмия», редактором которого являлся сам долгое время.

В этих журналах – широкоформатных тетрадях в белых обложках, без фотографий, с неприятным оформлением – живым пульсом бьется повседневность Урмийской миссии с противостоянием персидским властям и инославным миссиям. Журналы фактически авторские – большая часть из написанного принадлежит о.Пимену. Свои переводы он помещает из номера в номер: «Сказание о славных делах Раббулы, епископа благословенного города Ургэй (Эдесса)», «Речь св. Кирилла Александрийского», речь самого Рабулы «Изъяснения, которые произнес Мар-Раббула, епископ Ургэй в Константинопольском храме перед всем народом».

О том, что переводы с древнесирийского были основой будущей магистерской диссертации, можно судить по строкам из письма к митрополиту Флавиану о симпатиях к языку древнесирийскому, который он «использует для на-

писания магистерской диссертации». О ее содержании о.Пимен упоминает в другом письме – к архиепископу Финляндскому Сергию (Страгородскому). Ее темой был один памятник Сирийской дидакалии, т.е. учительства.

Расположенный ко всем людям и всякому доброму начинанию архимандрит Пимен незаменим и в гражданских и в духовных делах. Неизменная его теплота и сердечность в отношениях с ближними – драгоценное качество для священника-миссионера. Эта расположенность, светлая открытость навстречу другой душе и потребность миссионерского единения сделала его инициатором переписки со знаменитым миссионером в Японии архиепископом Николаем (Касаткиным).

После шести лет служения в Персии игумен Пимен стал настойчиво проситься из Миссии. Позже он сам видел причиной своих настроений «молодой задор и самоуверенность в борьбе с врагами России и Церкви». В этом горделивом настроении, по его же словам, «мало было религиозного и благочестивого». Были и другие причины, побуждавшие игумена оставить Миссию. В рапорте того периода начальника Миссии архимандрита Сергия говорится: «Со своей стороны я считаю долгом службы донести, что о.игумен как человек даровитый, работоспособный и энергичный, несомненно с известного времени желает деятельности на поприще более широком, чем то положение, какое он здесь занимает. В дополнение ко всему игумен принадлежит к числу таких натур, которые склонны спокойно и лучше работать тогда, когда им дается больше инициативы, а последняя, конечно, у него, как у помощника начальника не может быть большая».

В 1911 году игумен Пимен получил назначение на пост ректора Ардонской Духовной семинарии Владикавказской епархии с возведением его по должности в сан архимандрита. Отныне ему предстояло трудиться на благо духовного просвещения осетин, хотя выехать из Миссии побудило во многом и горячее желание служить в России. В ответ на письмо митрополита Флавиана, в котором наставник поддерживает надежду и заповедует покорность воле Божией, его духовный сын пишет: «Не только в Ардоне, но даже и в других худших местностях я найду всегда много хорошего, лишь бы не была у меня отнята способность и возможность славить Бога и молиться за себя и за людей...»

Год ректорства в Ардоне был успешным. С талантливым усердием отец ректор руководил семинарией, занимался проповеднической деятельностью во Владикавказе, печатался во «Владикавказских епархиальных ведомостях», был благочинным монастырей, но вскоре начал сожалеть о совершенном шаге. В нем начало крепнуть решение вернуться в Миссию. Свои сожаления и надежды он неизменно поверяет своему духовному отцу: «С Урмией расстался, но об Урмии скорблю, не переставая. И чем дольше живу здесь, тем больше душа моя просится в Урмию. Поведал я тайный зов души моей Высокопреосвященнейшему Николаю, архиепископу Японскому. Святитель ответил мне: «Вижу из Вашего письма, что сердце Ваше в Урмии. Дай Бог, чтобы тайный зов души Вашей опять привел Вас в Урмию». «Пока держусь, Владыко святой, но думаю, что моя привязанность к Урмийской миссии не исчезнет». Он возвращается к окончательно наболевшей теме в другом письме: «Понятна мне стала в текущем году поведенная Вами нам, еще бывшим молодыми послушниками, тоска

Вашего Высокопреосвященства по Миссии и по миссионерскому делу. Столкнулся и я и решил Богу содействующу продолжать начатое дело в Урмии. Дело разворачивается очень широкое, предвидится присоединение патриарха Мар Шимуна к Православию с целым сонмом несториан, мирян и духовных лиц.»

Благородный порыв священноначалие поддержало, а поступок о.Пимена был сразу же и отмечен по достоинству «Кавказским благовестником», который писал: «Святейшим Синодом назначен помощником начальника Урмийской миссии архимандрит Пимен (Белоликов). Это назначение в особенности знаменательно тем, что состоялось по желанию самого же архимандрита Пимена, причем он оставил видное место ректора Александровской семинарии в с.Ардоне, сулившее ему быстрое повышение по службе. Миссионер по призванию, он изучил сирийский язык и с любовью говорит о развитии православной миссионерской деятельности не только в Урмии, а и в Курдистане и даже в Турции... Отправляясь к горячо любимой Миссии уже во второй раз, архимандрит Пимен помимо миссионерской деятельности, думает там закончить свои ученые труды».

Скоро у Миссии начали четко просматриваться перспективы широкого присоединения к Православию всего сирийского народа. Миссионеры воодушевлялись сознанием того, что они служат соединению сирийцев в единый народ, развитию его национального самосознания на основании апостольской веры. Вместе с тем создание единого доброжелательного населения в Персии было важным делом и для России, оно укрепляло ее позиции на Востоке. Для осуществления своих планов миссионерам важно было иметь свой сильный иерархический центр, который бы отражал усилия инославных миссионеров и проводил свое влияние. Но начавшаяся летом 1914 года первая мировая война, объявление войны России и Турции остановили дело широкого присоединения к Православию сирийцев и возможное епископство о.Пимена здесь.

Осенью 1914 года завершился второй период его служения в Урмийской миссии, он получил назначение на ректорство в Пермской Духовной семинарии.

В жизни каждого человека, включенного в какое-либо большое дело, всегда есть период «звездного часа» — наиболее благоприятных обстоятельств, наивысшей концентрации жизненной энергии, свободного, ничем не препятствуемого ее тока, всего того, что можно назвать выражением общего Божия благоволения, и как итог — обильных плодов на возделываемой ниве. С прибытием на служение в Пермь под начало преосвященного Андроника (Никольского) о.Пимен вышел именно на такую жизненную полосу. Сбылась его мечта служить в пределах сокровенно русских.

Весь устоявшийся уклад Пермской Духовной семинарии тогда был нарушен потребностями военного времени. Две трети главного корпуса взяли для военных целей: второй этаж почти весь был превращен в казармы для мобилизованных и готовившихся для отправки на фронт, а третий этаж — под лазарет. Новый отец ректор размещал классы, вводил особый распорядок и дополнительные правила в жизнь. Занятия младших классов проходили в его квартире. По его же инициативе был введен режим строгой экономии: отменен собственный выезд, отключен телефон. Часть верующей России тогда переместилась в лазареты. Семина-

ристы продолжали учиться, но их санитарная дружина, их шефская бригада с воодушевлением включаются в общерусское дело, главным вдохновителем которого в семинарии был отец ректор.

На новый 1915 год о.Пимен произносит перед семинаристами слово, в котором разворачивает православную идею пути для России. Эта идея являлась прочным основанием для его собственной жизни и собственных трудов. Движущим началом может быть только Церковь с ее подвижниками, не боящимися «ни усталости, ни гонений». Их сверхдеятельность, подкрепленная благодатью Божией, должна направляться на отрезвление и просвещение народа. Усилия подвижников способны отвести народ от того, «что затемняет ум, развращает сердце, расслабляет волю, портит и развращает душу». Общее народное глубокое просвещение, идущее от подвижников Церкви, возможно лишь ценой их самопожертвования, жертвами удобства, покоя, самолюбия. Православное просвещение должно остановить тех, «кто проповедует от ветра главы своей».

На протяжении почти двух лет епископ Андроник и архимандрит Пимен пребывали в счастливом союзе единомышленников, близких по складу людей. Они почти всегда рядом: епископ — частый гость в семинарии, вместе они проводят беседы для народа, участвуют в детских утренниках и благотворительных вечерах, совершают богослужения, оба почти ежедневно проповедуют. Они служат Богу так много, что жизнь их приближается к идеалу непрерывной литургии. Оба были в прошлом миссионерами. Епископ Андроник имел в послужном списке несколько лет пребывания в Японии, в составе Православной миссии. Он сотрудничал там со знаменитым святителем Николаем Японским (Касаткиным), с которым о.Пимен состоял в миссионерской переписке. К тому же пермский преосвященный начинал свое служение в селе Ардон в семинарии для осетин. И здесь им было чем поделиться, что вспомнить и рассказать. Внешние приметы в биографиях сопрягались с внутренним родством: оба были цельными и очень чистыми людьми, у обоих в жизни отсутствовал «поддон», расходящийся с золотыми словами проповеди и данными обетами.

Церковные круги Перми встретили епископа Андроника настороженно, почти недоброжелательно. Видимо, опасались, наслышанные об истовости и фанатической ревности нового архиерея. Еще, наверное, и поэтому владыка Андроник дорожил присутствием отца Пимена. Их союз дал ощутимые плоды: было признано, что Пермская епархия пережила в тот период подлинный церковно-религиозный взлет.

Желанными для обоих были выступления в часовне Пермского Стефановского братства. По воскресным и праздничным дням сюда стекалось множество народу. Сохранились сведения об удивительных детских праздниках, проходивших здесь. Епископ Андроник и отец ректор окунались в их стихию от души: где дети, там всегда особая близость Господня и чистая радость.

Самым интересным и значительным пастырским размышлением того времени отца Пимена является статья, напечатанная в «Пермских ведомостях» «Место религии в жизни культурных государств и наша отсталость в этом отношении». Ни религиозный подъем в Перми, ни общее духовное движение с началом мировой войны, ни личная ярко выраженная любовь к Святой Руси не лишили отца

Архимандрит Пимен и епископ Андроник
с воспитанниками Пермской Духовной семинарии

Пимена способности трезво смотреть на вещи. Та сила русского человека, которую он доказывает в другом месте, ссылаясь на Киреевского, является национальным идеалом, и велика заслуга русских в порождении такого идеала, но реальность российской жизни уже тогда свидетельствовала об утрате его «руководящими умами России». Епископ Андроник и отец Пимен прекрасно видели пропасть, отделявшую интеллигенцию от веры и проповеднического слова. В своем благовествовании пастыри были окружены почти исключительно простым верующим народом. Поражаешься этой не востребованности интеллекта, благородства, достоинства, богообращенности. Отец Пимен не говорит прямо, но самым приемом обращения к Западной культуре и Западным странам высказывает понимание того, что над Россией теперь довлеет идеал культуры, а не веры, и, трезво сознавая это, настойчиво подходит к вере со стороны ее включенности, если уж на то пошло, в полноценную культурную жизнь. «Мораль отсюда такая, — заканчивает свое размышление о. Пимен, — если вы хотите быть в истории рядом с культурными народами, себя уважающими, то берегите и свое драгоценное достояние — веру православную и ее священные воспоминания, не погашайте их в народе нелепыми увеселениями в праздничные дни. Иначе вы воспитаете в народе не душу кроткую и терпеливую, а душу зверя, который принесет неисчислимые беды и себе и вам.»

В начале 1916 года епископ Андроник начал хлопотать о викарном епископе для Пермской епархии. Замысел предполагал, что сподвижником и помощником ему станет архимандрит Пимен. Неожиданно пришли известия о предстоящей хиротонии отца ректора во епископа Салмасского в Персию.

Ту единственную епископскую панагию, которая была на груди владыки Пимена в последующие два года епископства, подарил ему владыка Андроник во время прощания. Панagia была дорога пермскому святителю по воспоминаниям: он получил ее в первые дни своего архиерейства

в Новгороде. Передавая дар, он молился: «Да сопутствует отцу Пимену Святая Божия Матерь, образ Знамения Коей изображен на этой панагии и под стеною Которой воспитался отец Пимен.»

Через два года и отца архимандрита и владыку Андроника встретит Господь с венцом уже неземной славы, а земная надолго оставит этих избранных Божиих. Лишь теперь мы начинаем осознавать, что и с точки зрения культурно-исторических завоеваний России они — подлинный цвет русской нации, ее золотой запас, ценность которого с ходом времени будет только возрастать.

В хронике проводов об отце Пимене слышатся далеко не дежурные интонации: «Он был истинным пастырем, был бесребренником, помогал направо и налево. Последняя черта его особенно трогательна: получая по должности ректора солидное содержание, о. Пимен не имел средств выехать в Петроград и, как нам известно, правление духовной семинарии выдало ему потребную сумму на поездку взаимнообразно...»

Та же церковная хроника сохранила и детали проводов. Вечером на вокзале в ожидании поезда отец Пимен стоял окруженный плотным кольцом провожающих, о чем-то беседовал уже в последний раз. Когда же поднялся в вагон, все его почитатели и люди, оказавшиеся на вокзале, обнажили головы. В оставшиеся минуты пели. Под звуки православных песнопений и умчал его поезд. Стоя у дверей, отец Пимен уже издал все благословлял оставшихся на перроне.

На этом эпизоде лежит печать какой-то особенной щемящей грусти, будто предчувствие грядущих бед витало над всеми. Взлет Православия в Пермской епархии, дал страшную отдачу в 1918 году. Мало где найдется летопись красных злодеяний, подобная той, которой устлана победа советов здесь, в Пермском крае. Сбылось пророчество святого праведного Иоанна Кронштадтского, что «над Пермью — черный крест».

Епископская хиротония совершилась в Казанском соборе Петрограда 6 августа 1916 года. Тринадцать лет назад этот же праздник совпал для Петра Белоликова с монашеским постригом, и теперь Преображение Господне прочно становилось днем его преображения и восхождения из сил в силу.

В те дни в Петрограде церковная пресса проявляет большой интерес к новому епископу, его встречам с министром иностранных дел Б.В.Штюрмером. В газете «Колокол» помещается большая статья самого епископа Пимена об Урмийской миссии.

30 сентября 1916 года предстоятель прифронтовой Салмасской кафедры прибыл в город Урмию. Трудно представить большую отдаленность от идеала архиерейского служения, нежели ту, которая была в Урмии: от отсутствия предметов, необходимых для совершения архиерейских служб, от материальной нищеты до грозного противодействия со стороны комитетов солдатских депутатов Кавказского фронта. Тем не менее управляющий Вице-Консульством в Урмии сообщал в Петроград: «Вновь назначенный Начальником нашей Миссии Его Преосвященство Епископ Пимен сумел за короткое время снискать общие симпатии своей энергией, простой и примирительной политикой. Для устройства церковных дел им был созван церковный собор... С согласия генерала Чернозубова и в сопровождении его Епископ совершил поездку в Соуджбу-

лаг. Я тоже принял участие в поездке и с удовольствием наблюдал, какое большое и благотворное значение она имела для наших войск.»

Новый епископ встретился с задолженностью Миссии в 38 тысяч рублей. Задолженность вызвала обнищание ее сотрудников. Положение усугубила дешевизна рубля. В завершение бед — неурожай хлеба и винограда, который угрожал голодом христианскому населению. В предвидении его американские и католические миссионеры закупали хлеб на огромные суммы. Русская Миссия не могла предпринять ничего подобного даже в очень скромных размерах. По мнению епископа, вынужденная безучастность к бедствиям христиан нанесет огромный урон престижу России и Миссии. «Благотворительность — щедрость в международных отношениях в нужные моменты как во времена войны и других бедствий, есть всегда самая импонирующая форма представительства, свидетельствующая о духовной мощи народа-благодетеля», — писал он в Петроград.

Энергично и настойчиво новый епископ борется за увеличение субсидий на Миссию. Он пишет многократно в Синод, обер-прокурору, министру иностранных дел, члену Синода епископу Андрею (Ухтомскому), архиепископу Платону, митрополиту Питириму, митрополиту Вениамину: «Урмийская Миссия, служа России вблизи района войны, доселе остается без всяких средств. Положение критическое. Вынуждаюсь требовать немедленной денежной помощи русскому делу в Персии.» «Меня осаждают голодные. Умоляю оказать помощь.» Наконец, в письмах появилась и крайне резкая интонация: «Жаль, очень жаль, что у Святейшего Синода оказывались средства для отделки квартир Волжину и кабинета князю Жевахову, а на живое дело этих средств не отпускают...»

Архипастырь-миссионер честно выполняет возложенные на него обязанности, открывает на личные деньги детские церковные школы, неумоимо собирает средства на поддержание Миссии, поднимает моральный дух русских войск, стоявших в Урмийской провинции, но в письме к митрополиту Петроградскому Вениамину пишет о своем трудном моральном одиночестве...

После многочисленных его прошений об отзыве из Урмии Синод вынес решение о переводе преосвященного Пимена в город Верный на кафедру епископа Семиреченского и Верненского, викария Туркестанского. Это была Россия, русский город со знаменательным именем, переключавшимся с великим жертвенным таинством — литургией верных...

Закончился путь епископа Пимена как миссионера. Всем своим опытом прежнего служения он не был готов к миссионерству «голыми руками», для этого ему нужно было сломать в себе глубоко укоренившиеся представления о православной и культурной миссии русского государства, частью которого он себя осознавал. Это первая и, наверное, главная причина того, что он стал настойчиво проситься из Урмии.

Совершив длительный путь по бескрайним пространствам Средней Азии, запыленный ее дорогами 38-летний епископ прибыл в свой кафедральный город 11 октября 1917 года.

Первая его речь на новом месте служения была посвящена верности святому Православию и русской истории. Это были не просто слова к случаю, а многократно пережи-

тое убеждение, на котором стояла вся его жизнь: «Призванный здесь напомнить о силе Православной веры и своим, и чужим, да не осуждаю правого вместо виноватого, да не обличаю того, кого нужно утешать. А более прошу возноситься за святую Церковь и Россию молитвы Скорому Помощнику. Он даст нам разум, даст совесть, способность относиться к делу усердно и серьезно и вновь покажет нас народом великим, народом крепким, народом славным.»

С первых дней на новой кафедре он начал сеять «полной рукой». Он возобновил воскресные дневные чтения для народа. Имея немалый опыт устройства народных чтений в Перми, он стал привлекать на них множество людей. Для горожан это были настоящие еженедельные праздники, маленькие Пасхи, исполненные света премудрости Божией и радости о Христе. Тема одной из бесед, дошедшей до нас: «Какое чудо нам ныне нужно». Чудом, постепенно осознаваемым русским народом, владыка называет Всероссийский Поместный Собор. Рисуя картину бедствий России, он доказывает, что следование духу и слову Евангелия изначально несовместимо с революционным началом. Предвидя длительную гражданскую войну, он формирует идею белого движения, говорит о том, что перемена в жизни России совершится лишь «путем тяжелой и болезненной борьбы друзей порядка и законности в России с их врагами», что «безобразные подвиги социалистов побуждают спланиваться, собираться вокруг военных отрядов, сохранивших память об исторических задачах России.»

Епископ Пимен видел в лице Поместного Собора единственную историческую силу, достойную решать судьбы России. Его постановлениями он будет руководствоваться до последнего дня своего служения. После установления власти советов 3 марта 1918 года в городе началась предвиденная архипастырем гражданская война. Ее специфическим нервом явились старые земельные споры между казаками и горожанами, которые большевики использовали в своих интересах. В этих условиях одним из главных направлений деятельности епископа стало миротворческое усилие, смягчение душ, напоминание о братолюбии и добродетели Христа ради. Епископ Пимен делает все, чтобы поставить крепкий, построенный на христианских представлениях народа заслон межсословной ненависти, насаждаемой большевиками.

В Светлую седмицу 1918 года и на Преполование Пасхи он проводит два грандиозных крестных ходов от кафедрального собора к храмам примыкавших к городу казачьих станиц, лично встает во главе их. Во время одного из крестных ходов произошло столкновение с пролитием крови — крестные ходы были расценены как политические демонстрации. Ни казакам, ни ходатаям за это сословие пощады не было.

При всех поворотах событий епископ Пимен намерен был оставаться со своей паствой. Среди крови и страданий он видел главное свое дело — нести утешение всему народу в его несчастиях. В день Пасхи 1918 года он посещает и раненых красных солдат в больнице Красного Креста. Владыку поразила и воодушевила встреча, которую ему оказали красногвардейцы, жадное внимание, с которым слушались его слова.

Свою задачу он видел и в самоотверженном просвещении народа. Всеу происходящему он открыто давал хри-

стианские оценки — на страницах издававшейся в Кульдже и нелегально распространявшейся по Семиречью газеты «Свободное слово». Выводы о грабительской и безбожной сущности советской власти делались им и во время проповеди в самом городе Верном — большевистском логове Семиречья. Стоявшего на амвоне епископа слышали многие. Миф о высших народных интересах, стоявших за насилием, грабежом и демагогией, рушился в прах, подобно языческим кумирам во времена императора Диоклетиана и Максимиана.

В воспоминаниях участников революции сохранился эпизод, свидетельствующий о том. Вспоминает красный командир Н.Затыльников: «Помню такой случай. Тов.Виноградов предложил мне зайти в Архиерейскую церковь, так как ему сказали, что архиерей будет говорить для верующих очень выдающуюся проповедь. Зашли мы с ним в церковь, видно немного опоздали, так как проповедь подходила к концу, и архиерей, обращаясь к верующим, сказал: «Православные христиане! Вам известно, что большевики замучили Божия помазанника царя Николая Второго. Ведь они против воли народа и Бога идут со своим кровавым красным знаменем и творят невиданное в мире кровопролитие, они — захватчики власти.» И предложил: «Преклоните, православные, колени и молитесь об избавлении от супостата!...» Тов. Виноградов написал записку и передал записку одному служителю церкви, и на ухо ему сказал, что просит передать ее архиерею. А когда я спросил, что он этой запиской хочет достичь и что можно получить от этого фанатика, на то мне тов. Виноградов ответил: «Не беспокойтесь, архиерей меня понял, и будь уверен, с такой проповедью больше не выступит.» Однако на этот раз тов. Виноградов ошибся: архиерей еще чаще стал выступать с контрреволюционными проповедями.»

В первом «Деле» революционного трибунала на епископа содержится документ поразительного мужества, написанный рукой владыки. Семиреченский облисполком получил два письма из Духовной консистории. Одно — о невозможности уступить дом Духовной консистории, другое — с определением Поместного Собора о гражданском браке. Как известно, Собор резко осудил декрет о гражданском браке как несовместимый с христианскими ценностями народа и недопустимый в православной России.

Облисполком назвал их провокационными, контрреволюционными и черносотенными.

В ответном письме Владыка написал: «Я ознакомился с ответом Комитета на отношения Туркестанской Духовной консистории. Ответ этот не может быть оставлен мною без возражений и обличений тем, кто его составил. Так отвечать может только тот, кто не уважает не только других, но и самого себя. Ибо заменять основательность мыслей грубостью выражений, значит открыто признаваться в своей слабости, в неумении сказать что-либо полезное и приличное... Можно не признавать известных определений Собора, но нельзя безнаказанно над ними ругаться. Собор действует от имени ста миллионов русских православных христиан, пославших туда своих представителей. Поэтому и определения Собора не могут быть названы черносотенными и провокационными. Эти определения направлены к лучшему устройству жизни всего Русского Православного народа и обязательны для всех русских православных людей. Люди же, не прини-

мающие этих определений Собора естественно подпадают под церковную анафему... В Семиречье еще много есть жителей, дорожащих верой Православной и идущими от нее утешениями. Нападки на веру православную, без сомнения, чувствительно заденут и их, как уже и задевают...»

Предупреждение об анафеме архиепископа Андроника в адрес большевиков, грозно прозвучавшее в Перми и ставшее одним из самых значительных эпизодов в уже написанной истории российского новомученичества, под пером епископа Пимена стало твердо высказанным приговором, который он выводит в официальном документе.

Позиция епископа была оправданным продолжением борьбы Поместного собора с декретами советской власти, касающимися Церкви, развернувшейся летом 1918 года в Москве. Никакого самочинного выступления, продиктованного личным политическим темпераментом. Этот искренний горячий человек безусловно следовал букве и духу всей Церкви и ее соборному разуму. И мы слышим дыхание этой соборности в ответном письме на приведенное выше Постановление.

Епископ Пимен рассылает по приходам Семиречья указания по Таинству брака, сообразные с решениями Собора. И снова ответные действия властей, вторичное предписание ревтрибуналу начать следствие по предъявленным епископу Пимену обвинениям.

Несмотря на тучи, которые сгущались и становились грозными, он открывает очередной съезд семиреченского духовенства. Перед лицом опасности разрушения Веры и Церкви архипастырь призвал верующий народ к сплочению и единению на приходах, к радикальному обновлению приходской жизни. На съезде присутствовал некто, назвавший себя «доброжелателем большевиков», который в письме к комиссару юстиции Семиречья выразил опасение, что народ «набросится на учение пастырей». Он делает прямой вывод о том, что весь народ будет в православном лагере, он выражает уверенность, что главная опасность для большевизма заключена в Церкви.

Сердце народа было действительно с церковным главой. С утра до вечера в покоях владыки находился народ, безошибочно чувствующий в нем истинного праведника. Авторитет его слова был так велик, что становилась реальной угроза «двоевластия» советов и Церкви... Анна Алексеевна Шпилева была лично очевидцем того, что от владыки всегда выходили группы людей, «непонятно было, когда он находил время для себя, для отдыха». О народной любви к архиерею революционные власти знали, с ее ростом росла решимость расправиться с ним. В дальнейшей истории взаимоотношений пролетарского государства с Церковью это станет явлением закономерным: чем более будет народ любить своего пастыря, тем больше его будет ненавидеть «народная власть».

Второго «Дела» в архивном фонде не сохранилось. Вероятно, попытку внести в расправу над епископом видимость революционной законности персилил революционный порыв, довод лопнувшего терпения. «Он в своем доме принимал тьму всяких паломников, особенно женщин, целые дни у него торчал народ. Бешеную агитацию он развел... Ну, терпели, терпели это, а потом раз ночью арестовали его, вывели в Баумскую рощу и там расстреляли», — вспоминал член ревтрибунала С. Г. Малетин.

Епископа убрали с помощью красного партизанского отряда Мамонтова, отозванного специально с Семиреченского фронта, имевшего большой опыт карательных расправ и полевых судов.

Страстными страницами семиреченского евангелия можно назвать письмо игумена Вадима с подробным описанием событий того рокового вечера. В них узнаются сразу: перепуганные апостолы, жены-мироносицы, Иуда. Есть в них и указание на минуты, когда душа владыки пережила кровавый пот Гефсиманского сада.

Этого ареста давно ждали в архиерейском доме. Солдат с мандатом вошел в покои вечером. В резкой форме он потребовал от владыки собираться и ехать с ним. Его безуспешно пытались поставить на место две дамы, в ту пору пришедшие к епископу. «Если бы требование было предъявлено мне днем, я поехал бы, но так как наступает ночное время, то я не поеду», — сказал он. Последовали угрозы применения физической силы. Владыка сидел, погрузившись в раздумье. Воспрянув от раздумья, сказал: «Я решил ехать». Осенил себя перед иконами крестным знаменем и, прощаясь со всеми, кто находился при нем, сказал тихо игумену Вадиму: «Если меня долго не будет, оповещайте духовенство и пусть звонят по церквям во все колокола». На улице толпа солдат посадила епископа на тачанку и увезла, а собравшееся духовенство стало обсуждать вопрос относительно колокольного звона. Без сомнения, владыка сознательно пошел на великую жертву: он отдавал свою жизнь для того, чтобы расправа над ним стала сигналом православному народу явить свою сплоченность и силу. Только напрасно слух его — уже за городом — ловил звуки набата: духовенство приняло решение не звонить, подводя один довод малодушнее другого... Скорее всего, решающую роль при этом сыграло присутствие настоятеля Исык-кульского монастыря архимандрита Иринарха (Шемановского). Через две недели после расправы он написал заявление о приеме в партию большевиков, безупречно рассчитывая на положительный ответ.

Расправа над епископом имела серьезные последствия для верненской власти Советов. Горожане, узнав о расстреле, устроили на Гостинодворской площади митинг и демонстрацию протеста. Взрыв народного возмущения пресекли с помощью оружия. Народное возмущение задавили угрозами, а также лживыми уверениями, что епископ выслан за пределы Семиречья. Только вот на следующий день дети, ходившие в рощу за орехами, увидели на поляне убитого епископа, — девочка из этой стайки перепугавшейся детворы жива до сих пор...

Сбылись провидческие слова самого епископа Пимена — мудрого прозорливца, сказанные в 1916 году: «Для всякой законной власти ныне не легко при частом столкновении ее с усиливающейся тайной беззакония... Еще труднее бывает здесь положение епископов Православной Церкви. Как неприятель желал бы уничтожить офицеров вражеского воинства и для этого направляет на них всю

свою разрушительную силу, так и противники Церкви, желая ее подчинить себе, не хотят щадить епископов».

На месте, где лежал оставленный палачами епископ Пимен, сейчас виден ровный прямоугольник — размером в человека — ржаво-красного мха. Вокруг, да и по всей старинной роще, насаженной еще в прошлом веке губернским лесничим Баумом, такого нигде больше нет. Рядом — дерево, на котором видны старые гвоздики от образков — здесь было место тайного паломничества верненцев. По имеющимся сведениям, сохраненным в памяти горожан, простые люди совершили подвиг, достойный памяти их епископа: они тайно перевезли его тело в город и погребли глубокой ночью в парке рядом с кафедральным собором.

Отдавший свое сердце интересам Православной России, святитель Пимен призван и теперь послужить ее воссозданию. Без преувеличения можно сказать — это была лампада, возженная перед Богом от руки святого праведного Иоанна Кронштадтского, всю свою недолгую жизнь помнившая того, кем был возжен ее ясный жертвенный свет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Речь начальника Урмийской Православной Миссии, архимандрита Пимена (Белоликова) при наречении его во епископа Салмасского 5 августа сего года. / Прибавления к церковным ведомостям, 13 августа 1916 года, № 33.
2. Высота пастырского служения и путь приготовления к нему (к вопросу о реформе духовной школы). Доклад, произнесенный на епархиальном собрании / Владикавказские епархиальные ведомости, 1911, № 15.
3. Новгородские епархиальные ведомости, 1904, № 23.
4. Труды Киевской Духовной академии, 1904, сентябрь-октябрь.
5. Письма Пимена (Белоликова), ректора Ардонской Духовной семинарии Тверской обл. Митрополиту Флавиану, 28 марта 1910 — 20 июля 1912, 13 лл об./ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 736.
6. Иеромонах Стефан (Садо). Российская православная миссия в Урмии. / Христианское чтение. Журнал Санкт-Петербургской Духовной академии, 1996. № 13.
7. Кавказский благовестник, 1912, № 13.
8. Архим. Пимен. Памяти почившего апостола Японии. / Владикавказские епархиальные ведомости, 1912, № 6.
9. Архим. Пимен. Что потребует для нашего счастья новый год? / Пермские епархиальные ведомости, 1915, № 12.
10. Архим. Пимен. Место религии в жизни культурнейших государств и наша отсталость в этом отношении. / Там же, 1915, № 32.
11. Выписка из донесения Управляющего Вице-Консульством в Урмии от 21 декабря 1916 г., № 2975, РГИА, ф. 796, оп. 204/1917/ д. 86, ст. VI отд., л. 2.
12. РГИА, ф. 796, оп. 193/1911/д. 1395 (7015), 1 ст. 6 отд.
13. Какое чудо нам сегодня необходимо (Из чтений в Народном доме г. Верного) / Туркестанские епархиальные ведомости, 1918, № 1.
14. Дело о причастности епископа Пимена к убийству Овчарова и Березовского / Архив Алматинской области, ф. 348, о. 1, д. 210.
15. Вестник Семиреченского трудового народа, 1918, № 19 (14 июля).
16. Воспоминания участников революции и гражданской войны в Семиречье. / Архив Президента Республики Казахстан, ф. 71, о. 3, д. 4.
17. Доклад Духовной консистории Его Высокопреосвященству, Архиепископу Туркестанскому и Ташкентскому Инокентию / Центральный архив Республики Казахстан, ф. 489, о. 7, д. 1, с. 4-6.

ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ РУСИ

В. С. Орлов

ЧЕРЕМЕНЕЦКИЙ ИОАННО-БОГОСЛОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

По милости Божией возрождаются монастыри в России. Несколько лет назад возвращен Санкт-Петербургской епархии Черемнецкий монастырь, расположенный на берегу одноименного озера, в 25 километрах южнее г. Луги.

Черемнецкое озеро — одно из красивейших в нашем крае. Узкой, причудливо изгибающейся лентой тянется оно с юга на север более чем на 14 километров. На склонах высоких лесистых берегов часто встречаются обнажения древних красноцветных песчаников, что в сочетании с синевой неба и зеленью лесных чащ придает озеру весьма живописный вид.

У западного берега озера, почти на одинаковом удалении от его северной и южной оконечностей, некогда находились два небольших островка, которые позже, после соединения с материком и друг с другом, образовали небольшой полуостров. На холме одного из этих островов, который более выдается к середине озера, и возник в древности Иоанно-Богословский монастырь.

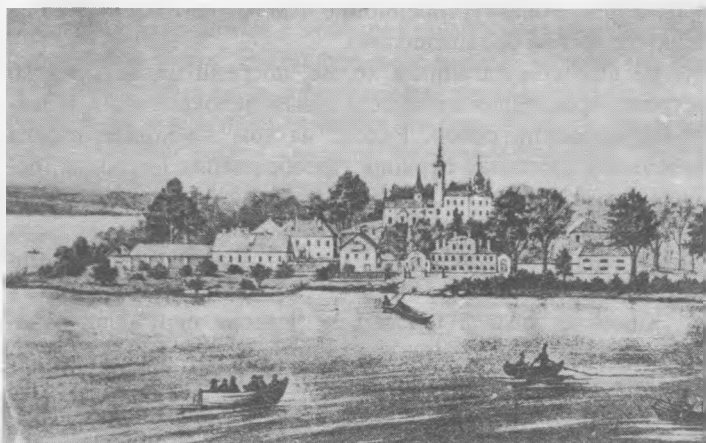
Местное устное предание, приводимое в ряде источников, рассказывает следующую историю основания:

В царствование Иоанна Васильевича IV, и именно в то время, когда он с московским войском находился в Новгороде для окончательного подчинения новгородцев (1478 г.), крестьянину деревни Русыня, по имени Мокий, на острове, занимаемом ныне монастырем, явилась икона св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Великий князь услышал о явлении Чудотворной иконы на острове и на месте явления ее повелел основать монастырь во имя св. Евангелиста Иоанна Богослова.

Согласно писцовым книгам Шелонской пятины 1581-1582 гг. в монастыре было две церкви — каменная (Богословская) и деревянная (Рождества Пресвятой Богородицы), шестнадцать мест келейных, двор конюшенный, четыре житницы, мельница конная, ограда и, наконец, деревни и земли на трех погостах: Петровском, Дремяцком и Передольском.

Несколько лет назад на территории монастыря работали ленинградские археологи. Ими был вскрыт древний фундамент Богословской церкви, по особенностям кладки которого можно предположить, что монастырь возник раньше, чем о том повествует легенда.

Судя по дошедшим до нас сведениям, Черемнецкий монастырь в древности никогда не был:

Черемнецкий монастырь. Общий вид
(с хромотографии конца XIX в.)

1. Большим — братии временами было в нем менее десяти человек.
2. Особенно богатым.
3. Приписным, а всегда самостоятельным.

Обитель исстари управлялась строителями и лишь временами — игуменами, а в 1780-90-х годах в ней существовало свое духовное управление, которое сперва подчинялось новгородской, а затем петербургской консистории. Синодик сохранил имена «создателей обители сей»: Логина, Авраама, Адриана. В XX веке в ней потрудились: строители Петр и Варсанофий, игумены Антоний, Авраам и Мелетий.

Из особенных событий в жизни монастыря сохранились сказания о двух бедствиях, постигших его в конце XVI и XVII столетий.

В 1680-х годах монастырь был «зжен от литовских людей». Сожжены были все 16 келий, братия была частью побита, частью взята в полон — оставался один «черный поп» Закхей, да два старца; настоятель тоже был пленен или убит. Правда, монастырские церкви не пострадали, уцелели и хозяйственные постройки: конюшенный двор, четыре житницы, мельница и даже ограда. Можно думать, что монастырь недолго оставался в запустении и вскоре возродился.

Второму разорению обитель подверглась в последней четверти XVII столетия и на сей раз не от иноземных захватчиков.

Два пришлых старца Симон и Прохор, изгнав настоятеля-строителя, подали новгородскому митрополиту челобитную – приписать обитель к Вяжицкому Никольскому монастырю. Митрополит Корнилий сперва согласился с этим, и архимандрит Боголеп вывез в Вяжищи, что под Новгородом, казну, бумаги и хлебные припасы, а лошадей и скот распродал. За монастырь однако вступились окрестные помещики: Елагины, Неплюевы, Ададуровы и другие, которые подали челобитную, сперва митрополиту Корнилию, а потом Патриарху Иоакиму. Предки помещиков были погребены в монастыре. Челобитная Патриархом была уважена, и Черемнецкий монастырь сохранил свою самостоятельность, но забранное имущество возвращено не было.

«Небольшой», «второклассный», «заштатный» – такие определения монастыря невольно настраивают на мысль о его скудости и убожестве, хотя в действительности обитель была хорошо благоустроенной, о чем говорят все видевшие ее до разорения большевиками.

На высоком насыпном холме, посреди монастырского острова, красовался величественный белокаменный Иоанно-Богословский собор. Рядом, на том же холме, стояла небольшая каменная церковь Преображения Господня, освященная 12/23 июня 1707 года и выстроенная на месте деревянной Рождества Пресвятой Богородицы, которая упоминается еще в конце XVI века. Оба храма были теплые, однопрестольные.

Каменная ограда и высокие деревья окружали монастырский холм, на который вела широкая каменная лестница из массивных известковых плит.

Собор и высокая над папертью колокольня были двухъярусными. Храм был выстроен из плиты и завершался большой главой и малыми главками по бокам. Колокольня имела вид восьмигранного столба, который венчался главкой с крестом. Внутри храма попасть можно было по каменному крыльцу.

30 апреля 1914 года был утвержден проект гражданско-го инженера Н. Г. Кудрявцева (1856–1941) постройки нового однокупольного собора, выдержанного в византийском стиле. Своды в этом двухэтажном храме предполагалось сделать из бетона. Но вскоре началась война и, судя по всему, постройку не удалось завершить или даже начать. В биографии, написанной сыном зодчего, о соборе не упоминается, лишь невнятно сказано: «участвовал в постройке каких-то строений в мужском Черемнецком монастыре».

Кудрявцев жил в семи верстах от Луги, в имении, выстроенном им на рубеже века. Здесь он возвел также Троицкую церковь, где были похоронены его сын и мать. В Луге зодчий построил Казанский собор, где ныне находится чтимая икона монастыря.

В память о посещении обители в 1897 году Высокопреосвященным Палладием, Митрополитом С-Петербургским и Ладожским, на деньги, пожертвованные бывшим назначаемым иеромонахом Вениамином и потомственным почетным гражданином Алексеем Андреевичем Максимовым, для собора отлит был новый колокол весом в 120 пудов, который повесили на временной деревянной звоннице.

Прекрасным было внутреннее убранство собора! Главной его святыней являлась чтимая чудотворная икона

Черемнецкий монастырь. Вид с озера. Снимок начала века

св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, явление которой привело к основанию монастыря. Она была украшена богатой среброзлащенной ризой, стразовым венцом и украшениями. Икона находилась в четырехъярусном иконостасе рядом с местным образом Спасителя. К ней в 1895 году Великим Князем Константином Константиновичем пожертвована была массивная серебряная лампада в память о двух (в 1888 и 1889 гг.) посещениях им монастыря.

В дни памяти Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова – 8 мая и 26 сентября вокруг монастыря совершался с иконой крестный ход. При благоприятной погоде паломников бывало очень много; некоторые приходили издалека и оставались ночевать в обители, при которой имелась гостиница.

С 1848 года чудотворный образ 1 мая несли с крестным ходом в Лугу, по обету, данному ее жителями, обносили вокруг города и посещали с ним дома. Однако перед революцией в этом крестном ходе носили список, а подлинная древняя икона оставалась в монастыре. Сейчас чудотворная икона находится в Казанском соборе Луги и перед ней, по словам настоятеля прот. Николая Денисенко, служить особенно легко.

В Казанском соборе образ со снятой ризой появился во время последней войны. Где он был после закрытия монастыря и как сохранился, установить пока не удалось.

Другой почитаемой иконой издавна была в Черемнецком монастыре старинная икона Божией Матери «Всех скорбящих радости», которая, вместе с чудотворной, участвовала в крестных ходах, но откуда и когда она появилась в обители и куда из нее исчезла, сведений, увы, нет.

На аналое, около иконостаса, в футляре за стеклом, находилось несколько древних крестиков и ковчежеч с частию Животворящего Древа и с частицами свв. мощей разных угодников Божиих. В ризнице можно было увидеть написанную на камне иконку св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, которую в 1875 году нашли в озере. Около пилонов стояли в киотах два больших образа в позолоченных окладах – Славянской и Печерской Божией Матери.

Неплохого качества была в храме живопись: в куполе была изображена Пресвятая Троица, на парусах – свв. Евангелисты.

В небогатой библиотеке монастыря хранился экземпляр Острожской Библии 1581 года и старинный синодик с

Часовня св. Ап. Иоанна Богослова
на месте явления чудотворной иконы (ныне разрушена)

ти жены в 1827 году пережил тяжелый душевный кризис и решил уйти в монастырь.

Целых десять лет Бочков странствовал из обители в обитель и лишь в 1837 году стал послушником в Троице-Сергиевой пустыни у свт. Игнатия, через год перейдя к прп. Леониду в Оптину пустынь. Постригся Алексей в 1847 году перед поездкой в Святую Землю.

Настоятелем монастыря игумен Антоний был в 1862-1866 годах. В это время он переписывался со свт. Игнатием, сам писал религиозные стихи, размышлял на богословские и исторические темы. В обитель на озере Антоний вернулся в 1868 году, но уже – на покой. Спустя три года он уехал в Москву, где умер, заразившись тифом при посещении больных. Его жизнь и творчество еще не исследованы в полной мере.

О том, как жил монастырь в конце прошлого века, живо рассказал в 1881 году в журнале «Странник» один из паломников.

«Открылась великолепная картина: перед нами красовался монастырь с белокаменной церковью, утопающий в саду, с постройками и пристройками, со стадами мелкого и крупного скота, стоявшего по брюхо в воде... Это были виды, которые так и просились под кисть художника...

Едва мы успели отчалить от берега, как в монастыре ударили три раза в колокол. Лодочник объяснил, что это прозвонили к проскомидии...

Наконец, лодка причалила к монастырской пристани. Славно так стало на сердце, и легкое чувство наполнило душу каждого, когда после благополучной переправы мы стали твердой ногой на монастырскую почву.

И потом: эти темные аллеи, обсаженные вековыми дубами, эти вороточки, увенчанные золотыми крестами и украшенные надписями вроде: «благословен грядый во имя Господне», «приидите ко Мне все труждающиеся» и т. д.

Каждому из нас захотелось помолиться и мы направились по дорожке мимо дома о. игумена, в монастырскую церковь... Иоанна Богослова...»

Далее автор пишет, как он и его спутники, выйдя из церкви, пошли с экономом о. Серафимом осматривать монастырь. Они увидели сады, огороды, гряды с сотнями саженцев различных деревьев: сосен, елей, пихты, дуба, кедра, а затем скотный двор, погреб для молочного скота, прачечную, кузницу и, наконец, побывали в иконописной мастерской и монастырской аптеке.

Заканчивается очерк выразительным рассказом о «хождении иконы св. Иоанна Богослова» по окрестным деревням, которое начиналось после 8/20 мая.

«Мне удалось видеть встречу иконы Иоанна Богослова и ее «хождение» в селе Югостицах Лужского уезда – это поистине зрелище величественное, трогательное и умирительное!

В день приема Св. иконы все крестьянские работы были остановлены. Народ весь, от мала до велика, в праздничных одеждах, был наготове встретить святыню. По разным местам были расставлены караульные, чтобы известить местного священника о приближении процессии. Едва они завидели ее, так тотчас же дали знать о. М., а тот распорядился начать колокольный звон – народ всем селом направился к храму Божию. Священник облачился в ризы, подняли хоругви навстречу иконе. Хор местных певчих крестьян стройно пел церковные песнопения. Когда вышли уже с крестным ходом в поле, то можно было вдали различить такую

гравюрами, купленный в Москве и в 1759 году подаренный Даниилом Панфиловым из села Наволока.

Малая церковь Преображения Господня, увенчанная восьмигранным куполом, стояла северо-западнее собора и была самой простой архитектуры. Стены и купол расписал художник Чернышев, который в куполе изобразил коронование Божией Матери с предстоящими небесными чинами. В церкви имелось несколько богато украшенных, хорошей работы образов: Преображения Господня, Тихвинской и Иерусалимской Божией Матери. За правым клиросом стоял киот со списком чудотворной иконы из собора – его пожертвовал Д. И. Калугин.

На монастырском и соседнем острове стояли другие постройки обители: келии, гостиница, амбары, сараи, конюшни. Большинство из них было встроено в разных местах в стену из булыжного камня, имевшую длину 250 сажень и высоту – 4 аршина. Стена была возведена между 1850-1853 гг., при строителе Иакинфе, вместо деревянной ограды.

На острове Деревелец, в 300 сажнях от монастыря, стояла каменная Успенская часовня, освященная 25 сентября 1905 года в память Высочайшего манифеста от 6 августа того года о веротерпимости.

Среди настоятелей обители особо надо отметить игумена Антония (Алексея Поликарповича Бочкова, 1803-1872), ученика свт. Игнатия (Брянчанинова) и исторического писателя. Он не сразу стал монахом. Получив хорошее образование, молодой купец начал печатать в столичных журналах повести из средневековой жизни, но после смер-

же массу народа, которая с хоругвями, крестами и с иконой Иоанна Богослова двигалась по направлению к нам.

Оба течения слились, наконец, в одно и образовали целую сплошную массу. Икону несли на носилках шесть человек; каждый стремился пронести ее, каждому хотелось поближе приблизиться к ней, но никакого замешательства, никаких беспорядков при этом, напротив, — самое строгое благоговение! Эта масса народа, движимая одним общим религиозным чувством, — это простое, но стройное пение мужиков: «Святый Апостол и Евангелисте Иоанне Богослове, моли Бога о нас», «моли Бога о нас» и пр., — далеко разлетающееся по полю, эти слезы умиления на глазах молящихся, дети и младенцы, со вниманием следящие за великим шествием, — все это не могло не тронуть даже черствого сердца, все это вняв показывало, как велика вера в пророках! <...>

Чтобы не задерживать народ о. М. предложил иеромонаху о. Е. направиться прямо в село. Входим в село. Пред каждым домом стоит стол и скамейки, покрытые белыми, как снег, скатертями, шитыми полотенцами, — это места для икон. Священник с причетником служит один молебен, монах с послушниками — другой и т. д., по очереди. Молебны служат пред домами под открытым небом, и все село, от мала до велика, переходит от дома к дому и выслушивает молебны, так что, когда, наконец, крестный ход направился к дому священника, то и весь народ пошел к дому священника <...>

Обходят со св. иконой несколько уездов, а не так давно ходили даже в Новгородскую губернию...»

Монастырские угодья находились частью при самом монастыре, на острове, где располагались скотный двор и главные хозяйственные постройки, а частью, на большем или меньшем расстоянии от обители. Рыбной ловлей монастырь пользовался в Черемнецком озере, а в старину также по р. Нарове близ Нарвы.

В конце XVI века обитель владела двумя деревнями, хотя неизвестно, сколько в них было жителей. Когда во второй половине XVIII века крестьян отбирали в казну, их числилось 170 душ.

При введении в 1764 году штатов Черемнецкий монастырь остался за штатом, на своем содержании, которое складывалось, во-первых, от угодий, принадлежавших ему, во-вторых, от получаемого из казначейства вознаграждения за отнятые рыбные ловли по Нарове, в третьих, от приношений богомольцев и, в четвертых, от частных пожертвований. Так, графиня А. А. Орлова-Чесменская сделала в монастырь вклад в 5715 руб. серебром.

Доход обители приносила также ее часовня в Петербурге на Моховой улице. По проекту епархиального архитектора Г. И. Карпова она была пристроена в 1863-1865 гг. к дому царскосельского купца Туранова. Часовня делилась на равные части двумя столбами; в ее иконостасе было всего три образа.

Справа от входа помещался богатый киот с образом Иоанна Богослова, точной копией с монастырской чудотворной иконы и совершенно одинакового с ней размера. Образ был пожертвован митрополитом Исидором в архипастырское благословение при освящении часовни. Над часовней, на третьем этаже, обычно жило три-четыре монаха, обслуживавшие ее.

В 1907 году в самом монастыре проживали: настоятель в сане архимандрита, 11 иеромонахов, 4 иеродиакона, 3 мо-

Интерьер Иоанно-Богословского собора.
Снимок начала века

нахов, 6 указных послушников и 30 послушников-богомольцев. Весной этого года в монастырь на трехмесячное клиросное послушание был сослан известный либеральный священник Григорий Петров, провинившийся в нарушении церковной дисциплины.

Рассказывая в связи с этим о монастыре, газеты отмечали суровую дисциплину в нем. Во время Великого поста печи не топились три недели и вся пища Петрова состояла из кусочка просфоры к утреннему и вечернему чаю. Описывалась и такая колоритная сцена: «Архимандрит едет», — кричит какой-то мальчуган в ворота, и через минуту в ограду въезжает возок, буквально весь облепленный детворой, как воробьями.

Среди милых, смеющихся, розовых лиц монастырских школьников едва можно различить лицо архимандрита Амвросия, закрытое меховым воротником и приветливо кивающее «гостям»...»

В одной из монастырских гостиниц размещалась с 1891 года двухклассная церковно-приходская школа на 16 человек при двух учителях. Позже появились курсы псаломщиков.

Описав, каким был Черемнецкий монастырь и жизнь в нем во времена благоденствия, мы с болью в сердце вынуждены говорить о его разгроме после революции.

Вскоре после захвата власти большевиками в монастыре была создана сельхозартель, в которой, на земле и в мастерских, трудились оставшиеся монахи. В 1925 году в обители побывал журналист Н. Никитин. Часть территории монастыря занимал в это время детский интернат.

Репортер поведал, что интернат отделялся от монастыря колючей проволокой. Далее он приводит любопытное высказывание учительницы: «Скучно здесь жить — выйдешь утром — идут черные монахи. Выйдешь вечером, опять они идут... Буд-

то никуда не скроешься от них. Негде нам повернуться... И через каждые полчаса бьет монастырский колокол...»

Весной 1928 года ОГПУ направило в Ленинградское земельное управление документы с критикой деятельности монастырских коммун. Это было сигналом к их ликвидации и закрытию самих монастырей. Очередь Черемнецкого монастыря, где подвизалось 18 монахов с игуменом во главе, наступила в 1930 году – в его зданиях разместилась сельхозартель «Красный Октябрь». Позднее ее сменила школа садоводства. Часовню в Петрограде закрыли в начале 1931 года. Все монахи были арестованы и сосланы.

В 1967 архитектор Я. О. Свирский предложил устроить в бывшем монастыре турбазу. Она была вскоре создана, заняв весь остров и часть прилегающего побережья. База просуществовала до конца 1980-х годов, когда монастырь был возвращен С-Петербургской епархии. Но в каком виде...

Уцелевший в войну Иоанно-Богословский собор был варварски взорван в 1946 году. Рассказывают, что местный начальник, увидев кирпичную облицовку оконных проемов, решил, будто все здание сложено из кирпича. После взрыва выяснилось, что собор выстроен из известняковых плит... Теперь на его месте «красуются» живописные развалины алтарной части и подклета. Наверху единственной частично уцелевшей стены выросла береза.

Церковь Преображения Господня сохранилась в искаженном виде и полностью утратила колокольную и внутреннее убранство. Она долго использовалась под клуб – здесь танцевали, выступали артисты, «крутили» кино. Киноэкран стоял на месте иконостаса.

Народная молва донесла до нас удивительный рассказ: когда стены клуба побелили, через некоторое время из-под побелки проступили лики святых. Так происходило несколько раз, пока рассерженное начальство не приказало сбить штукатурку вместе с росписями и покрыть стены деревянными рейками.

От былого налаженного хозяйства нет и следа: ни мельницы, ни лошадей, ни огородов, ни садов, ни лесопитомника... Сохранившиеся строения имеют плачевный вид.

Разоренным оказалось и кладбище, находившееся на монастырском острове с давних времен.

В 1907 году на церковной площадке находились могилы местных дворян: с северной стороны – Херасковых, Хохловых и Половецких; с южной – Базановых, Ренни, Полетика; в склепе, на склоне горы – Карамышевых, с восточной – Самариных.

Здесь же хоронили настоятелей. Игумен Авраам, умерший 8 декабря 1882 года, был погребен близ алтаря и на его могиле усердием лужского купца Тимофея Александровича поставлен крест с надписью и железная решетка.

Братское кладбище располагалось в юго-западном углу церковного холма. На нем решеткою было огорожено место для семьи генерала Глинки-Маврина.

В настоящее время от кладбища ничего не осталось. Надгробия были вывезены в пос. Скреблово и использованы для фундаментов домов. Единственный уцелевший надгробный камень находится рядом с руинами главного придела собора. Надпись на нем гласит: «Супруга действительного статского советника София Дмитриевна Квашнина-Самарина. Род. 28 октября 1810 г. Сконч. 17 августа 1880 г.» Недавно, среди ступеней лестницы на турбазе нашлась надгробная плита А. А. Муравьева, сына декабриста А. З. Муравьева.

Иоанно-Богословский собор (Алтарная часть). Современный вид

Вот в каком виде получила епархия получила монастырь. 8 марта 1991 сюда приехали клирики Троицкого собора Александро-Невской лавры, которой было поручено восстановление обители. «Крестным ходом с иконой Преображения Господня они прошли по Черемнецкому полуострову вокруг монастырской горы к церкви Спаса Преображения, где был отслужен молебен перед началом реставрационных работ».

Восстановительные работы начались и сперва велись довольно активно. Преображенская церковь была вновь освящена и в ней время от времени совершалось богослужение. Однажды из-за озера приехала большая группа детей. Крещальную купель вынесли из церкви на улицу и 16 ребят приняли таинство крещения. Прошли работы по благоустройству территории и ремонту уцелевших келий и гостиницы, где отныне могли останавливаться паломники.

Однако в последние три года восстановительные работы прекратились из-за отсутствия денег. Нет до сих пор и насельников... Поваром, экономом и сторожем состоит самоотверженная Мария Петровна.

Чтобы немного отдохнуть и посидеть с удочкой в лодке или на берегу озера, любил приезжать в обитель покойный митрополит Иоанн. Телепрограмма «Храм» как-то показала его за этим занятием.

В 1995 году Областная инспекция по охране памятников приступила к работам по изучению и сохранению собора: был сделан его обмер и чертежи для консервации уцелевших конструкций.

В июне 1996 года я побывал в монастыре. Рейсовый автобус из Луги останавливается всего в 200 м от входа. Меня встретили могучие многовековые тополя. Войдя в обитель, попадаешь как бы в старинный заброшенный парк... На высоких деревьях чернеют птичьи гнезда. Кричат грачи, летая над деревьями; кричат чайки, паря над озером. А в остальном вокруг царит тишина. Под ноги попадают сыроежки... Скамеечки, столбики на берегу озера... Несколько рабочих и служек занимаются повседневными трудами...

От редакции:

В канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы, 13 октября 1997 г. в Черемнецком монастыре появились первые насельники: настоятелем обители назначен иеромонах Митрофан (Осяк), благочинным и казначеем — иеромонах Евфимий (Шаморин). 3/16 декабря 1997 г. монастырь возобновлен юридически.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Иван Шмелев

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Скоро семь лет, как я выбрался *оттуда*, и верю крепко, что страшное наше испытание кончится благодатно и — невдолге. «Невдолге» — конечно, относительно: случившееся с нами — исторического порядка, а историческое меряется особой мерой. В надеждах на благодатную развязку укрепляет меня личный духовный опыт, хотя этот опыт маловера: дай ощупать. И Христос снизошел к Фоме. Да, я — «Фома», и не прикрываюсь. «Могий вместити...» — но большинство не может, и ему подается помощь. Я получил ее.

Живя *там*, я искал знамений и откровений, и когда жизнь наталкивала на них, *ощупывал*, производил как бы следствие. Я — судебный следователь по особо важным делам... был когда-то. В таинственной области знамений и откровений предмет расследования, как и в привычно-земном, — человеческая душа, и следственные приемы те же, с поправкой на некое «неизвестное». А в уголовных делах — все известно? Не раз, в практике следователя, чувствовал я таинственное влияние *темной силы*, видел порабожденных ею и, что редко, духовное торжество преодоления.

Знамения *там* были, несомненно. Одно из них, изумительное по красоте духовной и историчности, произошло на моих глазах, и я, сцеплением событий, был вовлечен в него; на — вот, «вложи персты». Страдания народа невольно дополняли знаменные явления... — это психологически понятно, но зерно истины неоспоримо. Как же не дополнять, не хвататься за попираемую Правду?! Расстаться с верой в нее православный народ не может почти физически, чувствуя в ней незаменимую основу жизни, как свет и воздух. Он призывал ее, он взывал... — и ему подавались *знаки*.

Народ, говорю... православный, русский народ. Почему выделяю его из всех народов? Не я — История. От нее не только не отрекся Пушкин, напротив: заявил, что предпочитает ее всякой другой истории. «Умнейший в России человек», — сказал о нем Николай I. А на днях читал я письмо другого умнейшего, глубокого русского мыслителя, национального зиждителя душ, — своего рода, мой коллега, «исследователь по особо важным делам»*. Вы читали его

книги, помните его «о борьбе со злом», удар по «непротивлению» Толстого. В этом письме он пишет:

«...Нет народа с таким тяжким историческим бременем и с такою мощью духовною, как наш; не смеет никто судить временно павшего под крестом мученика: зато пострадали себе дар — незримо возрождаться в зримом умирании, — да славится в нас Воскресение Христово!..»

Эти слова я связал бы с известными словами о народе — Достоевского, с выводом из истории — Ключевского. Помните, про исключительное свойство нашего народа быстро оправляться от государственных потрясений и крепнуть после военных поражений? Связал бы в «триптих русской духовной мощи».

Я расскажу вам не из истории, а из моих «документов следствия». Ими сам же себя и опрокинул, — мои сомнения.

Народу подавались *знаки*: обновление куполов икон... Это и здесь случалось, на родине Декарта, и «разумного» объяснения сему ни безбожники, ни научного толка люди никак не могли придумать: это — вне опыта. В России живут сказания, и ценнейшее в них — неутолимая жажда Правды и нетленная красота души. Вот эта «неутолимая жажда Правды» и есть свидетельство исключительной духовной помощи. Где, в целом мире, найдете вы такую «жажду Правды»? В этом портфеле имеются «вещественные доказательства», могу предъявить.

Как маловер, я применил к «явлению», о чем расскажу сейчас, прием судебного следствия. Много лет был я следователем в провинции, ждал назначения в Москву... — так сказать, качественность моя была оценена... — знаю людские свойства, и психозы толпы мне хорошо известны. В моем случае толпы нет, круг показания тесный, главные лица — нашего с вами толка, а из народа — только один участник, и его показания ничего сверхъестественного не заключают. Что особенно знаменательно в «явлении»...это — духовно-историческое звено из великой цепи родных событий, из далей — к ныне, свет из священных недр, коснувшийся нашей тьмы. Первое действие — на Куликовом поле.

Куликово поле... — кто же о нем не слышал! Великий Князь Московский Димитрий Иванович разбил Мамай, смертельно шатнул Орду, потряс давившее иго тьмы. А

* Речь идет о философе И. А. Ильине. — *Ред.*

многие ли знают где, это Куликово поле? Где-то в верховьях Дона?.. Немногие уточнят: в Тульской губернии, кажется?.. Да: на стыке ее с Рязанской, от Москвы триста с небольшим верст, неподалеку от станции Астапово, где трагически умирал Толстой, в тургеневских местах, знаемых по «Запискам охотника». А кто удосужился побывать, ощупать, где, по урочищам, между верховьями Дона и Непрядвой, совершилось великое событие? Из тысячи не наберется и десятка, не исключая и местных интеллигентов. Мужики еще кой-что скажут. Воистину, — «ленивы мы и нелюбопытны».

Я сам, прожив пять лет в Богоявленске, по той же Рязанско-Уральской линии, в ста семидесяти верстах от станции «Куликово поле», мотаясь по уездам, так и не удосужился побывать, воздухом давним подышать, к священной земле припасть, напитанной русской кровью, душу собрать в тиши, под кустиком полежать-подумать... Как я корю себя, из этого прекрасного далека, что мало знал свою родину, не изъездил, не исходил!.. Не знаю ни Сибири, ни Урала, ни заволжских лесов, ни Светло-Яра... ни Ростова Великого не видал, «красного звона» не слышал, единственного на всю Россию!.. Именитый ростовец, купец Титов, рассказывали мне, сберег этот «аккорд небесный», подобрал с колокольными мастерами-звонарями для местного музея... — жив ли еще «аккорд»?.. Не побывал и на Бородинском поле, в Печерах, Изборске, на Белоозере. Не знаю Киева, Пскова, Новгорода-Великого... ни села Боголюбова, ни Дмитриевского собора, облепленного зверями, райскими птицами-цветами, собора XI века, во Владимире-на-Клязьме... Ни древнейших наших обитателей не знаем, ни летописей не видали в глаза, даже родной истории не знаем путно, Иваны-Непомнящие какие-то. Сами, ведь, иссушали свои корни, пока нас не качнули, — и как качнули!.. Знали избитую дорожку — «по Волге», «на Минерашки», «в Крым». И, разумеется, «за границу». В чужие соборы шли, все галереи истоптали, а Икону свою открыли перед самым провалом в ад.

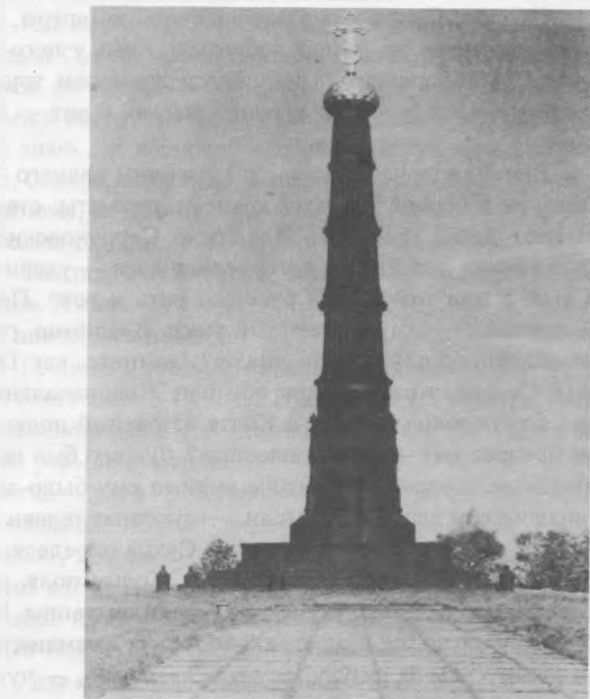
Проснешься ночью, станешь перебирать, всякие запахи вспомнешь... — и защежит-защежит. Да как же ты Север-то проглядел, погосты, деревянную красоту поющую, церквушки наши?! А видел ли российские каналы — великие водные системы? молился ли в часовенке болотной, откуда родится Волга?.. А что же в подвал-то не спустился, не поклонился священной тени умученного Патриарха Гермогена? А как же?.. Не спорьте и не оправдывайтесь... Это кричит во мне! А если кричит, — правда. Такой же правдой лежит во мне и Куликово поле.

Попал я туда случайно. Нет, не видел, а чуть коснулся: «явлением» мне предстало. Было это в 1926 году. Я тогда ютился с дочерью в Туле, под чужим именем: меня искали как «кровопийцу народного». И вот, один мукомол-мужик, — «кулак», понятно, — из Старо-Юрьева, под Богоявленском, как-то нашел меня. Когда-то был мой подследственный, попавший в трагическую петлю. Долго рассказывать... — словом, я его спас от возможной каторги, обвинялся он в отравлении жены. Он убрался со старого гнезда, — тоже, понятно, «кровопийца», — и проживал при станции «Волово», по дороге на Тулу. Как-то прознал, где я. Написал приятелю-туляку — «доставь спасителю моему», И я получил записочку — «по случаю голодаете, пребудьте экстрено, оборудуем». Эта записочка была для меня блеснувшим во мраке светом и, как увидите, привела к первоисточнику «явления».

Храм-памятник прп. Сергия Радонежского на Куликовом поле

Приехал я в «Волово». Крайней нужды не испытывал, и поехал, чтобы — думалось, так, — сбросить владевшее мною оцепенение безысходности... пожалуй, и из признательности к моему «должнику», тронувшему меня во всеобщей ожесточенности. Приехал в замызганной поддевке, мешанином. Было в конце апреля, только березки опушились. Там-то и повстречал участника «действия первого». Он ютился с внучатами у того «кровопийцы»-мукомола, кума или свояка. Пришлось бросить службу в имении, отобранном под совхоз, где прожил всю жизнь, был очень слаб, кашлял, после и помер вскоре. От него-то и слышал я о начале «явления». Не побывай я тогда в «Волове», так бы и кануло «явление», для меня. Думаю теперь: как бы *указано* было мне поехать, и не только, чтобы сделать меня участником «явления», исследователем его и оповестителем, но и самому перемениться. Как не задуматься?..

Колонна славы, установленная в память победы русских войск над Мамаем на поле Куликовом

Случилось это в 25 году, по осени.

Василий Сухов, — все его называли Васей, хоть был он уже седой, благообразный и положительный, только в светлых его глазах светилось открыто-детское, — служил лесным объездчиком у купцов, купивших имение у родовитых дворян Ахлябышевых. По соседству с этим имением лежало «Княжье», осколок обширной когда-то вотчины, принадлежавшей барину Средневу, родственнику Ахлябышевых и, как потом я узнал, потомку одного из дружинников Дмитрия Донского: дружинник этот бился на Куликовом поле и сложил голову. Барин Среднев променял свое «Княжье» тем же купцам на усадьбу в Туле, с большим яблоневым садом. Отметьте это о Средневе: речь о нем впереди.

Лесное имение купцов расположено в Данковском уезде и прихватывало кусок Тульской губернии, вблизи Куликова поля. А «Княжье», по каким-то приметам стариков, — отголосок предания? — лежало «на самом поле». Купцов выгнали, имение взяли под совхоз, а Василий Сухов остался тем же лесным объездчиком. При нем было двое внучат, после сыновей: одного сына на войне убили, другого комитет бедноты замотал за горячее слово. Надо было кормиться.

Поехал как-то Сухов в объезд лесов, а, по нужде, дал порядочный круг на станцию «Птань», к дочери, которая была там за телеграфистом: крупы обещала припасти сиротам. Смотрелся, прозяб, — был исход октября, промозглая погода, дождь ледяной с крупой, захвативший еще в лесах. Сухов помнил, что было это в «родительскую субботу», в «Димитриевскую», в канун Дмитрия Солунского. Потому помнил, что в тех местах эту «Димитриевскую субботу» особо почитают, как поминки, и дочь звала Сухова пирожка отведать, с кашей, — давно забыли. И внукам пирожка вез. Как известно, «Димитриевская суббота» установлена в поминовение убиенных на Куликовом поле, — и вообще, — усопших, и потому называется еще — «родительская».

Продрог Сухов в полушубке своем истертом, гонит коня, — до ночи бы домой добраться. Конь у него был добрый: Сухов берег его, хотя по тем временам трудно было овсом разжиться. Гонит горячей рысью, и вот — Куликово поле.

В точности неизвестно, где границы давнего Куликова поля; но в народе хранятся какие-то приметы: старики указывают даже, где князь Владимир Серпуховский свежий отряд берег, дожидаясь нетерпеливо часа — ударить Мамай в тыл, когда тот погнался русскую рать к реке. Помните, у Карамзина, — «мужественный князь Владимир, герой сего незабвенного для России дня...»? Помните, как Преподобный Сергей, тогда игумен обители Живоначальных Троицы, благословил Великого Князя на ратный подвиг и втайне предрек ему — «ты одолеешь»? Дух его был на Куликовом поле, а отражение битвы видимо ему было за четыреста слишком верст, в Обители, — духовная телевизия.

По каким-то своим приметам Сухов определял, что было это «на самом Куликовом поле». Голые поля, размытые дороги, полны воды, какие-то буераки, рытвины. Гонит, ни о чем, понятно, не думает, какие же тут «мамаи», крупы бы не раструсить, за пазуху засунул... — трах!.. — чуть из седла не вылетел: конь вдруг остановился, уперся и захрапел. Что такое?.. К вечеру было, небо совсем захмурилось, ледяной дождь сечет. Оглядел Сухов коня, отпрукал... — нет:

пятится и храпит. Глянул через коня, видит — полная воды колдобина, прыгают пузыри по ней. «Чего боится?..» — подумал Сухов: вся дорога в таких колдобинах, эта поболее только. Пригляделся... — что-то, будто, в воде мерцает... подкова, что ли?.. — бывает, «к счастью». Не хотелось с коня слезать: какое теперь счастье! Пробует завернуть коня, волю ему дает, — ни с места: уши насторожил, храпит. Прикрыл ему рукавом глаза, чтобы маленько обошелся, — никак. Не по себе стало Сухову, подумалось: «может, змею чует... да откуда гадюке быть, с мученика Автонома ушли под хворост?..»

Слез Сухов с коня, поводья не выпускает, нагнулся к воде, пошарил, где мерцало, и вытащил... медный крест! И стало повеселей на душе: святой крест — добрый знак. Перекрестился на крест, поводья выпустил, а конь и не шелохнется, «как ласковый». Смотрит Сухов на крест: видать, старинный, зеленью-чернотой скипелось, светлой царapiной мерцает, — кто-то, должно, подковой оцарапал.

В этом месте постоянной дороги не было: пробивали в распутицу, кто где вздумал, — грунтовая под лесом шла.

Помолился Сухов на крест, обтер бережно рукавом, видит — литой, давнишний. А в этом он понимал немножко. Из прежних купцов-хозяев один подбирал разную старину-историю, а тут самая-то история, Куликово поле; ходил с рабочими покопать на счастье, — какую-нибудь диковинку и найдет: бусину, кусок кольчуги серебряной... золотой раз перстень с голубым камушком откопали, а раз круглую бляху нашли татарскую, — месяц на ней смеется. С той поры, как битва была с татарами, больше пяти сот лет прошло. Сухов подумал: и крест этот, может, от той поры: земля — целина, выбили вот проезжие в распутицу.

Стал крест разглядывать. Помене четверти, с ушком, — наперсный; наось — ясный рубец, и погнуто в этом месте: секануло, может, татарской саблей. Вспомнил купца-хозяина: порадовался бы такой находке... да нет его. И тут в мысли ему пришло: барину переслать бы, редкости тоже собирал, с барышней копал... она и образа пишет, — какая бы им радость. А это он про барина из «Князьего», который усадьбу в Туле у купцов выменял и звал к себе Сухова смотреть за садом. Барин Сухову нравился, и в самую революцию собрался было Сухов уйти к нему, стало в деревне беспокойно, пошли порубки, а барин из Тулы выехал, бросил свою усадьбу и отъехал в Сергиев Посад: там потише. А теперь везде одинаково: Лавру прикончили, монахов разогнали, а мощи Преподобного... Господи!.. — в музей поставили под стекло, глумиться.

Смотрел Сухов на темный крест, и стало ему горько, комом подступило к горлу. И тут, на пустынном поле, в холодном дожде и неуют, в острой боли ему представилось, что все погибло, и ни за что.

— Обидой прожгло всего... — рассказывал он, — будто мне сердце прокололо, и стала во мне отчаянность: внуки малые, а то, кажется, взял бы да и...

Опомнился — надо домой спешить. Дождь перестал. Смотрит — с заката прочищает, багрово там. Про крест подумал: суну в крупу, лучше не потеряется. Полез за пазуху... — «и что-то мне в сердце толкнуло...» — рассказывал он, с радостным лицом: «что-то как затомилось сердце, затрепыхалось... дышать трудно...».

— Гляжу — человек подходит, посошком меряет. Обрадовался душе живой, стою у коня и жду, будто тот человек мне надобен.

По виду, из духовных: в сермяжной ряске, лыковый кузовок у локтя, прикрыт дерюжкой; шлычок суконный, седая борода, окладиком, ликом суховат, росту хорошего, не согбен, походка легкая, посошком меряет привычно, смотрит с приятностью. Возликовало сердце, «будто самого родного встретил». Снял шапку, поклонился и радостно поприветствовал: «здравствуйте, батюшка!» Подойти под благословение воздержался: благодатного ли чину? До слова помнил тот разговор со старцем, — так называл его.

Старец ласково «возгласил, голосом приятным»:

— Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Мир ти, чадо.

От слов церковных, давно неслышимых, от приятного голоса, от светлого взора старца... — повеяло на Сухова покоем. Сухов плакал, когда рассказывал про встречу. В рассуждения не вдавался. Сказал только, что стало ему приятно-радостно, и — «так хорошо поговорили». Только, смутился словно, когда сказал: «такой лик, священный... как на иконе пишется, в себе *сокрытый*». Может быть, что и таил в себе, чувствовалось мне так: удивительно сдержанный, редкой скромности, тонкой душевной обходительности, — такие встречаются в народе.

Беседа была недолгая, но примечательная. Старец сказал:

— Крест Христов обрел, радуйся. Чесо же смущаешися, чадо?

Сухов определял, что старец говорил «священными словами, церковными, как Писание писано», но ему было все понятно. И не показалось странным, почему старец знает, что он нашел крест: было это в дождливой мути, одна-два с конем, старца и виду не было. И нисколько не удивило, что старец и мысли его провидит, — как бы переслать крест барину. Так и объяснял Сухов:

Пожалел меня словно, что у меня мысли растеряны, не знаю, как бы сберечь мне крест... — сказал-то: чесо же смущаешися, чадо?

Сказал Сухов старцу:

— Да, батюшка... мысли во мне... как быть, не знаю.

И рассказал, будто на-духу, как все было: что это, пожалуй, старинный крест, выбили с-под земли проезжие, а это место — самое Куликово поле, тут в старинные времена битва была с татарами... может, и крест этот с убиенного православного воина; есть, словно, и отметина, — саблей, будто, посечено по кресту... и вот, взяло раздумье, верному бы человеку переслать, сберег чтобы... а ему негде беречь, время лихое, неверное... и надругаться могут, и самого-то, замотают, пристани верной нет: допрежде у господ жил, потом у купцов... — «а нонче, — у кого и живу — не знаю».

И когда говорил так старцу, тесно стало ему в груди, от жалости и к себе, и ко всему доброму, что было... — «вся погибель наша открылась...» — и он заплакал.

Старец сказал — «ласково-вразумительно, будто хотел утешить»:

— Не смущайся, чадо, и не скорби. Милость дает Господь, Светлое Благовестие. Крест Господень — знамение Спасения.

От этих священных слов стало в груди Сухова просторно, — «всякую тягость сняло». И он увидел: светло кругом, сделалось поле красным, и лужи красные, будто кровь. Понял, что от заката это — багровый свет. Спросил старца: «далече идете, батюшка?»

— Вотчину свою проведать.

Не посмел Сухов спросить — куда. Подумал: «что я, доследчик, что ли... непристойно допрашивать, скрытно теперь живут». Сказал только:

— Есть у меня один барин, хороший человек... ему бы вот переслать, он сберег бы, да далеко отъехал. И здешние они, у самого Куликова поля старое их имение было. В Сергиев Посад отъехал, у Троицы, там, думалось, потише... да навряд.

Старец сказал:

— Мой путь. Отнесу благовестие господину твоему.

Обрадовался Сухов, и опять не удивило его, что старец идет туда, — «будто бы так и надо». Сказал старцу:

— Сам Господь вас, батюшка, послал... только как вы разыщите, где они на Посаде проживают?... скрытное ноне время, смутное. Звание их — Егорий Андреевич Среднев, а дочку их Олей... Ольгой Егорьевной звать, и образа она пишет... только и знаю.

— Знают на Посаде. Есть там нашего рода.

Радостью осияло Сухова, — «как светом-теплом согрело», — и он сказал:

— Уж и поклончик от меня, батюшка, им снесите... скажите — кланяется, мол, им Вася Сухов, который лесной объездчик... они меня давно знают. А ночевать-то, батюшка, где пристанете... ночь подходит? позвал бы я вас к себе, да не у себя я теперь живу... время лихое ныне, обидеть могут... и церковь у нас заколотили.

Старец ласково посмотрел на Сухова, — «весело так, с приятностью», и сказал ласково, как родной:

— Спаси тя Христос, чадо. Есть у меня пристанище.

Принял Старец от Сухова крест, приложился с благоговением и положил в кузовок, на мягкое.

— Как хорошо-то, батюшка... Господь дал!.. — радостно сказал Сухов: не хотелось со старцем расставаться, поговорить хотелось: — Черные у меня думы были, а теперь веселый я поеду. А еще думалось... почтой послать — улицы не знаю... и допрашивать еще станут, насмеются... — да где, скажут, взял... да не церковное ли утаил от них... — заканителат, нехристи.

Сказал старец:

— Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

И помолился на небо.

— Господь с тобой. Поезжай. Скоро увидимся.

И благословил Сухова. Приложился Сухов со слезами ко благословившей его деснице. И долго смотрел с коня, пока не укрыли сумерки.

Когда Сухов рассказывал, как старец благословил его, — плакал. Тайный, видимо, смысл придавал он последнему слову старца — «увидимся» — знал, что недолго ему осталось жить? И правда: рассказывал мне в конце апреля, а в сентябре помер, писали мне. Со «встречи» не протекло и года. По тону его рассказа... — словами он этого не обнаружил, — для меня было несомненно, что он верил в посланное ему *явление*. Скромность и сознание недостойности своего не позволяли ему свидетельствовать об этом явно.

В этом «первом действии» нет ничего чудесного: намеки только и совпадения, что можно принять по-разному. Сухов не истолковывал, не пытался *ощупывать*, а принимал, как сущее, «в себе сокрытое», — так прикровенно определил он «священный лик». Вот — простота принятия верующей душой. Во «втором действии» в Сергиевом Посаде, «принятие» происходит по-другому: происходит мучительно, с протестом, как бы с насилием над собой, с *ощупыванием*, и, в итоге, как у Фомы, с надрывом и восторгом. Это психологически понятно: празднуется *победа* над злейшим врагом — неверием.

V

Рассказ Сухова о встрече на Куликовом поле не оставил во мне чувства, что было ему *явление*, а просто — «случай», странные по совпадениям, с мистической окраской. Окраску эту приписывал я душевному состоянию рассказчика. Василий Сухов, простой православный человек, душевно-чистый, неколебимо верил, что поруганная правда *должна* восторжествовать над злом... иначе, для него, не было никакого смысла и строя в жизни: *все* рушится?! Нет, *все* в нем протестовало, инстинктивно. Он не мог не верить, что правда скажется. Он — подлинная суть народа: «Правда не может рушиться». И так естественно, что «случай» на Куликовом поле мог ему показаться знамением свыше, знамением спасения, искрой святого света во тьме кромешной. В таком состоянии душевном мог он и приукрасить «явление», и вполне добросовестно. Мне он не говорил, что было ему *явление*, и сокровенного смысла не раскрывал, а принял благоговейно, детски-доверчиво.

Вернувшись в Тулу, я никому не рассказывал, что слышал от Сухова в «Волове». Впрочем, дочери говорил, и она не отозвалась никак. Но месяца через три, попав в Сергиев Посад, я неожиданно столкнулся с другими участниками «случая», и мне открылось, что тут не «случай», а знамение свыше. И рассказ Сухова наполнился для меня глубоким смыслом. Знамение свыше... — это воспринимается нелегко, так это необычно, особенно здесь, в Европе. Но *там*, в Сергиевом Посаде, в августовский вечер, в той самой комнате, где произошло *явление*, вдруг озарило мою душу впервые испытанное чувство *священного*, и я принял знамение с благоговением. Я видел святой восторг и святые слезы чистой и чуткой девушки... — какая может быть в человеке красота!.. — я как бы читал в открытой душе ее. И вот, захваченный необычайным, стараясь быть только беспристрастным, почти молясь, чтобы дано было мне найти правду, я повел свое *следствие*, и, неожиданно для себя, разрушил последнее сомнение, цеплявшееся за «логику» «Фомы»-интеллекта. Не передать, что испытывал я тогда: это вне наших чувств. Что могу ясно выразить, так это одно, совершенно точное: я *привлечен* к раскрытию необычайного... привлечен Высшей Волей. А что пережил тогда в миг неизмеримый... — выразить я бессилён. Как передать душевное состояние, когда коснулось сознания моего, что *времени не стало*... века сомкнулись... будущего не будет, а *все — ныне*, — и это меня не удивляет, это в меня вместились?!.. Я принял это, как самую живую сущность. Жалок земной язык. Можно приблизительно находить слова для выражения *этого*, но опалившего душу озарения... — передать это невозможно.

VI

Жизнь в Туле, призрачная, под чужим именем «мещанина Подбойкина», под непрестанным страхом, что сейчас и разоблачат, и... — стала невозможной. Что за мной числилось? Вопрос праздный. Ровно ничего не числилось, кроме выполнения долга — раскрывать преступления. Но для агентов власти я был лишь «кровопийца». Могли мне вменить многое: приезд Плеве, по делу убийства губернатора... раскрытие виновников злостной железнодорожной катастрофы, когда погибло много народу, а намеченная добыча, важный правительственный чин, счастливо избег кары... Я делал свое дело. Но вот такая странная вещь... Не могу понять, почему я,следователь-психолог, раскрывавший сложнейшее, в течение восьми лет укрывался в Туле, где меня легко могли опознать приезжие из Богоявленска! Возможно, тут работала моя «психология»: здесь-то меня искать не станут, в районе моих «злодейств», и не откроют, если не укажут обыватели. Непонятное оцепенение, сознание безысходности, будто пробка в мозгу застряла. Боялся смерти? Нет, худшего: страх за дочь, издевательства... и, что иным покажется непонятным, — полного беззакония страшился, вопиющего искажения судебной правды, чего не переносил почти физически. Это, своего рода, «порок профессиональный», мистическое нечто. Словом, оцепенение и «пробка». Самое, кажется, простое — ехать в Москву, острая полоса прошла, в юристах была нужда. Устроили бы куда-нибудь друзья-коллеги, уцелевшие от иродова меча, мог бы найти нейтральное что-нибудь, предложил бы полезный курс — «психология и приемы следствия», надо же молодежь учить. Почему-то все эти планы отбрасывал, сидела «пробка». И вот, оказалось, что мое сидение в Туле было «логично», только не нашей логикой.

Учил грамоте оружейников, помогал чертежникам завода, торговал на базаре картузами, клеил гармоньки. Дочь давала уроки музыки новой знати. Тула издавна музыкальный город: славен гармоньями на всю Россию, как и самоварами. Не этим ли объяснить, что началась, прямо, эпидемия — «на вертипьяных»? Все желают «выигрывать на вертипьяных» разные польки и романцы». И выпало нам «счастье»: навязалась моей Надюше... «Клеопатра». И по паспорту — Клеопатра, а разумею в кавычках, потому что сожительствовала она с «Антошкой». Так и говорили — «Антошка и Клеопатра». А «Антошка» этот был не кто иной, как важная птица Особ-Отдела, своего рода мой коллега... Бывший фельдшер. И вот, эта «Клеопатра», красавица-тулячка, мещаночка, очень похожая на кустодиевскую «Купчиху», такая же белотелая и волоокая... глупое и предобреешее существо, — походя пряники жевала и щелкала орешки, — и навязалась: «ах, выучите меня на вертипьяных!..» Мучилась с нею Надюша больше года. Инструмент у девицы был — чудесный беккеровский рояль, концертный. А Надюша окончила консерваторию на виртуозку, готовилась к карьере пианистки. И вот — «на вертипьяных». Забылась как-то, с Шопеном замечталась... — и вдруг, ревом по голове: «лихо наяриваете, барышня!» — «Антошка», во всей красе, с наганом. А «Клеопатра» в слезах восторга: «выучите, ради Господа, и меня такому!» Все-таки польку одолела, могла стучать, и была в бешеном восторге. Посылала кульки с провизией, «папашке вашему табачку», то-се... С отвращением, со стыдом, но принимали, чтобы отдать другим... — не проходило в глотку. А нужды

кругом!.. Урочные деньги Надюша не могла брать в руки, надевала перчатки. Лучше уж картузами, гармошками... Тошно, гнусно, безвыходно... — и при моем-то «ясновидении». В глазах народа я был «гадателем», так и говорили: «нашего следователя не обведешь, сквозь землю на три аршина видит!» И такое бессилие: засела «пробка». И в «Волово»-то смотался не от нужды, а как-нибудь сбросить это оцепенение, вышибить эту «пробку». И мукомол советовал: «ныряйте, Сергей Николаич, в Москву, — большая вода укроет». Но «пробка» сидела и сидела. Или — так *нужно* было? чего-то не хватало?.. И вот это *что-то* и стукнуло. Теперь вижу, что *так*, именно, и *нужно* было.

Вскоре после поездки моей в «Волово», в начале мая, приходит моя Надюша, пополовелая, остановилась у косяка... и такими страшными, неподвижными глазами, глазами ужаса и конца, смотрит в меня и шепчет: «папа... конец...» Это — конец — прошло мне холодом по ногам. Да, *конец*: пришло то, о чем мы с ней *знали* молчаливо, «если оно случится». И *оно* случилось: «все известно». Но самое страшное не это, не митарства, если бы не удалось нам *уйти*: самое страшное — позор.

В то утро мая «Клеопатра» разнежилась с чего-то и захотела обрадовать Надюшу: «а что вы думаете, мой-то все-о про вашего папаньку знает, как утруждающих засуживал... но вы не бойтесь, и папанька чтобы не боялся... мой для меня все сделает, так и сказал: «я его на высокую должность возьму, как раз по нем, засуживать... в помощники при себе возьму, в заседатели, а то все негодящие, дела спят...» — и жалованье положит, и еще будет натекасть, будете жить как люди». Это уж после Надюша мне передала, а тогда только — «*все известно*». И тут — вышибло мою «пробку»... в Москву!.. Это при «*все известно*»-то!.. при зверском контроле на вокзале!.. как новичок-воришка... вся «логика», весь мой следовательский опыт испарились.

Сказал Надюше самое необходимое собрать, шепчу — «есть выход... Москва — выход!..» Помню, смотрела с ужасом. А я кинулся на вокзал, — поезд когда отходит. Бегу, не соображая, что обращаю внимание... — одно в уме, зываю — «Господи, помоги!..» И уже *вижу* какую-то возможность: в Москве Творожников, кто-то говорил, в гору у *них* пошел. А он был когда-то ко мне прикомандирован, кандидат на судебные должности, очень талантливый, ловкий, «без предрассудков», после товарищем прокурора был. Расстались мы друзьями. Только бы разыскать его.

Вбегаю в вокзал, задохся, спрашиваю про поезд, а мне кто-то шипит грозяще: «ка-ак вы здесь?.. он!.. комиссия отъезжает, Рабкрин!» Рабоче-крестьянская инспекция! гром и огонь!.. *все может!*.. — страх и трепет. Метнулся в боковой зал, а там... «губернатор» наш, тянется, и вышние из Особ-Отдела, с наганами... кошмар!.. И вдруг: «Сергей Николаич... вы как здесь?» Он!.. Творожников, о ком только что в голову вскочило. Там такое бывало, многие подтвердят. Теперь что-то мне в этом видится. Но уточнять не буду, примите за «случайность».

Произошло все головокружительно. Творожников подошел ко мне, сухо спросил — «устроены?» Я ему — только: «в Москву... необходимо». Молниеносно понял, вынул бланчок и тут же, на портфеле, — «явиться немедленно, в распоряжение...» — отмычка ко всем замкам. Шел я домой, как пьяный, дышал, после стольких годов удушья. Словом — «счастливый случай».

VII

В Москве я устроился нейтрально — по архивам: разыскивал и приводил в порядок судебно-исторические дела, в уездной секции. Побывал в Клину, Серпухове, Звенигороде... и, в середине августа, выехал в Загорск, переименовали так Сергиев Посад. О барине Средневе не думал, случай на Куликовом поле выпал из памяти, а хотелось увидеть Лавру, толкнуло «к Троице». Что, собственно, толкнуло?.. Работавшие по архивам часто говорили о «Троице»: там ютилось много известных «бывших людей»; В. Розанов, А. Александров, Л. Тихомиров, работали в относительной тиши художники, навевался Нестеров, решал перелом жизненного пути С. Булгаков, в беседах с Павлом Флоренским... Нестеров написал с них любопытную картину: дал их «в низине», а по гребешку «троицкой» мягкой горки в елках изобразил символически «поднявшихся горе»... — русских богомольцев, молитвенно взирающих на куполки «Святого Града» — Троице-Сергия... Когда все было — не собрался, а тут — погляди остатки. И я поглядел эти остатки. И увидел — *нетленное*. Но в каком обрамлении! в каком надрывающем разломе!.. Не повидал при *свете*, — теперь посмотри во тьме.

Приехал я в Загорск утром. Уже не «Сергиево», а Загорск. И первое, что увидел, тут же, на станционной платформе, — ломается дурак-парнишка, в кумачовой ризе, с мочальной бородищей, в митре из золотой бумаги... кореником: с монашком и монашкой, разнузданными подростками. У монашка «горшок» в бечевках, — кадило; у монашки ряска располосована, все видать, затылок бритый, в руке бутылка с водкой — «святой водой». И эта троица вопит-визжит: «товарищи!.. все в клуб безбожников, к обедне!.. в семнадцать вечера доклад товарища Змея из Москвы!.. — «обман-леторгия у попов-монахов!».. показание бывшего монаха-послушника!..» И не смотрят на дураков, привыкли.

Иду к Посаду. Дорога вдоль овражка, — и вот, лезет из лопухов-крапивы кудлатая голова и рычит: «обратите антелегентовое внимание, товарищ!.. без признания прозябаю... бывшему монаху-канонарху!..» Отмахнул портфелем, а он с горечью на меня, рычит: «антелегентовы плевели!.. из-за вас вот и прем в безбожники!..»

И тут увидал я солнечно-розовую Лавру.

Она *светилась*, веяло от нее покоем. Остановился, присел на столбушке у дороги, смотрел и думал... Сколько пережила она за свои пять веков! сколько светила русским людям!.. Она светила... — и, знаете, что почувствовал я тогда, в тихом, что-то мне говорившем, ее сиянии?.. — «Сколько еще увидит *жизни*!..» Поруганная, плененная, *светилась* она — *нетленная*. Было во мне такое... чувство ли, дума ли... — «все, что творится, — дурманный сон, призрак, ненастоящее... а вот *это* — живая сущность, творческая народная идея, завет веков... *это* — вне времени, нетленное... можно разрушить эти сияющие стены, испепелить, взорвать, и ее это не коснется...» Высокая розовая колокольня, «свеча пасхальная», с золотой чашей, крестом увенчанной... синие и зеленые купола... — не грустью отозвалось во мне, а светило. Впервые тогда, за все мутные и давящие восемь лет, почувствовал я веру, что — *есть защита*, необоримая. Без веры, никакой, инстинктом, что ли, почувствовал, в чем — *опора*. Помню, подумал тут же: «вот почему и ютились *здесь*, искали душе — покоя, *защиты и опоры*».

У меня был ордер на комнату в бывшей монастырской гостинице, у Лавры. И вот, выйдя на лаврскую площадь, вижу: ворота Лавры затворены, сидит красноармеец в своем шлыке, проходят в дверцу в железных воротах военные, и так, — с портфелями. Там теперь, говорят, казармы и «антирелигиозный музей». Неподалеку от святых ворот толпится кучка, мужики с кнутями, проходят горожане-посадские. И, вдруг, слышу, за кучкой, мучительно-надрывный выкрик:

— «Абсурд!.. аб-сурд!!..»

Потом — невнятное бормотанье, в котором различаю что-то латинское, напомнившее мне из грамматики Шульца и Ходобая уложенные в стихок предлоги: «антэ-апуд-ад-адверзус...» и снова с болью, с недоумением:

— «Абсурд!.. аб-сурд!!..»

Проталкиваюсь в кучке, спрашиваю кого-то в картузе, что это. Он косится на мой портфель и говорит уклончиво:

— Так-с... выпустили недавно, а он опять на свое место, к Лавре. Да он невредный.

Вскочил в кучку растерзанный парнишка, мерзкий, в одной штанине, скачет передо мной, за сопливую ноздрю рак зацеплен, и на ушах по раку, болтаются вприпрыжку, и он истошно гнусит:

— Товарищ-комиссар, купите... — раков!.. — гадости говорит и передразнивает кого-то — «абсурд!.. абсурд!!..» — прямо бедлам какой-то.

И тут, монастырские башенные часы — четыре покойных перезвона, ровными переливами, — будто у них свое, — и гулко-вдумчиво стали отбивать — отбили — 10. И снова — «абсурд!.. аб-сурд!!..»

Я подошел взглянуть.

На сухом навозе сидит человек... в хорьковой шубе, босой, гороховые штанишки, лысый, черно-коричневый с загара, запекшийся; отличный череп — отполированный до блеска старой слоновой кости; лицо аскета, мучительно-напряженное, с приятными, тонкими чертами русского интеллигента-ученого; остренькая, торчком, борода, и... золотое пенсне, без стекол; шуба на нем без воротника, вся в клочьях, и мех, и верх. Сидит лицом к Лавре, разводит перед собой руками, вскидывает плечами, и с болью, с мучительнейшим надрывом, из последней, кажется, глубины, выбрасывает вскриком: — «Абсурд!.. аб-сурд!!..» Я различаю в бормотании, будто он с кем-то спорит, *внутри себя*:

— Это же абсолют-но... импоссибиле!.. абсолютно!.. абсолю-тно!!.. это же... контрадикцию!.. «антэ-апуд-ад-адверзус...» абсолю-тно!.. абсурд!.. аб-сурд!!..

Бородатые мужики, с кнутями, — видимо, приехавшие на базар крестьяне, — глядят на него угрюмо, вдумчиво, ждут чего-то. Слышу сторожкий шепот:

— Вон чего говорит, «ад отверзу»!.. «обсо-лю»! — чего говорит-то.

— Стало-ть уж ему известно... — Какого-то «Абсурду» призывает... святого может.

— Давно сидит и сидит — не сходит с своего места... ждет... Ему и открывается, такому...

Спрашивают посадского по виду, кто этот человек. Говорит осмотрительно:

— Так, в неопрятном положении, гражданин. С Вифанской вакадемии, ученый примандацент, в мыслях запутал

Худ. М. В. Нестеров. Видение отроку Варфоломею

ся, юродный вроде... Да он невредный, красноармейцы и отгонять перестали, и народ жалеет, ничего... хлеба подают. А, конечно, которые и интересуются, по темноте своей, деревенские... не скажет ли подходящего чего, вот и стоят над ним, ждут... которые конечно без пропаганды-образования.

Вот как встретил меня Сергиев Посад.

IX

Побывал в горсовете, осмотрелся. Лавру осматривать не пошел, *не мог*. Успею побывать в подкомиссии архивной. Потянуло в «заводь», в тихие улочки Посада. Тут было все по-прежнему. Бродил по безлюдным улочкам, в травкешелковке, с домиками на пустырях, с пустынными садами без заборов. Я — человек уездный, люблю затишье. Выглянет в оконце чья-нибудь голова, поглядит испытующе-тревожно, проводит унылым взглядом. Покажется колокольня Лавры за садами. Увидал в садике цветы, — приятные георгины, астры, петунии... кто-то, под бузиной, в лонгшезе, в чесучовом пиджаке, читает толстую книгу, горячим вареньем пахнет, малиновым... Подумалось: «а хорошо здесь, тихо... читают книги... живут...» Вспомнилось, что многие известные люди искали здесь уюта... художники стреляли галок, для пропитания, писали свои картины Виноградов, Нестеров... приехал из нашей Тулы барин Среднев... — «там потише», вспомнилось словечко Сухова... — рассказ его тут-то и выплыл из забвения.

В грусти бесцельного блуждания нашел отраду, — не поискать ли Среднева. Я его знал, — встречались в земстве. Про Сухова расскажу, узнаю — донес ли ему старец крест с Куликова поля. У кого бы спросить?.. И вижу: сидит у ворот на лавочке почтенный человек в золотых очках, в чесуче, борода, как у патриарха, читает, в тетрадке помечает, и на лавочке стопа книг. Извиняюсь, спрашиваю: не знает ли, где тут господин Среднев, Георгий Андреевич, из Тулы, приехал в 17 году. Любезно отвечает, без недоверия:

— Как же, отлично знаю Георгия Андреевича... благополучно переживает... книгами одолаемся взаимно.

Знакомимся: «бывший следователь...» «бывший профессор Академии...» Среднев проживает через два кварта-

ла, голубой домик, покойного профессора... друга Василия Осиповича Ключевского.

— Рыбку вместе ловили в Вифанских прудах, и я иногда с ними. С какой же радостью детской линька, бывало, вываживал на сачок Василий Осипович, словно исторический фрагмент откапывал!.. Какие беседы были, споры... — *все* кануло. В Лавре были?.. Понимаю, понимаю... трудно. «Абсурд»?.. Наш бедняга Сергей Иванович, приват-доцент... любимый ученик Василия Осиповича... не выдержал *напора*... «абсурд» помрачил его. Это теперь наш Иов на гноище. Библейский вел тяжбу с Богом, о *себе*, а наш «Иов» мучается за *всех* и за *всю*. Не может принять, как абсурд, что «ворота Лавры *затворились* и лампы... *погасли*».

Старый профессор говорил много и горячо. В окно выглянуло встревоженное ласковое лицо среброволосой старушки в наколочке. Я почтительно поклонился.

— Василий Степаныч, не волнуйся так... тебе же вредно, дружок... — сказала она ласково-тревожно и спряталась.

— Да-да, голубка... — ласково отозвался профессор и продолжал, потише: — О нашем *страшном* теперь говорят, как об «апокалипсическом». Вчитываются в «Откровение». Не так это. Как раз я продолжаю работу, сличаю тексты с подлинника, с греческого. Сегодня как раз читаю... — указал он карандашом, — 10 гл. ст. 6: «И клялся Живущим... что времени уже не будет...» — и дальше про «горькую книгу». Не то, далеко еще до сего, если принимать богодуховенность «Откровения». Времена, конечно, «апокалипсические», условно говоря...

Мы говорим, говорим... — вернее, говорит он, я слушаю. Говорит о «нравственном запасе, завещанном нам великими строителями нашего нравственного порядка...» — ссылается на Ключевского.

— Обновляем ли запас этот? Кто скажет — «нет»? Страданиями накопился, страданиями обновляется. Ключевский отметил смысл испытаний. Каков же духовный потенциал наш?.. История вскрыла его и утвердила. И Ключевский блестяще сказал об исключительном свойстве русского народа — *выпрямляться* чудесно — быстро. Искать ли «запас»? Нисколько. Потенциал огромный. *Здесь*, лишь за день до нашего «абсурда», в народной толпе у раки Угодника, было сему свидетельство наглядное. Бедняга Сергей Иванович спутал «залог», выражаясь этимологически-глагольной формой. Сейчас объяснюсь...

Снова милая старушка тревожно его остановила:

— Василий Степаныч, дружок... тебе же волноваться вредно, опять затеснит в груди!..

— Да-да, голубка... я не буду, — покорно отозвался профессор. — Видите, какая забота, ласковость, теплота... и это сорок пять лет, с первого дня нашей жизни, неизменно. Этого много и в народе: душевно-духовного богатства, вошедшего в плоть и кровь. «Окаянство», — разве может оно — пусть век продлится! — вскрикнул Василий Степаныч в пафосе, — истлить все клетки души и тела нашего!.. — *клеточки*, веками впитавшие в себя Божие?!.. Вот *это* — абсурд!.. Призрачности, видимости-однодневке... не верьте! не ставьте над духом, над православным духом — крест!.. абсурд! — повторяю я!..

— Да Василий Степаныч!.. — уже строго и не показываясь, подала тревогу старушка.

— Да-да, голубка... я не буду, — жалея, отозвался про-

фессор, — Сергей Иванович... — продолжал он, понизив голос, — увидел себя ограбленным, обманутым, во всем: в вере, в науке, в народе, в... *правде*. Он боготворил учителя, верил его прогнозу. И прав. Но!.. он смешал «залог». Помните, у Ключевского?.. в его слове о Преподобном? Ну, я напомним. Но предварительно заявлю: — православный народ сердцем *знает*: Преподобный — здесь, с ним... со всем народом, *ходит по народу, сокрытый* — говорят здесь и крепко верят. Раз такая вера, «запас» не изжит. Все лишь испытание крепости «запаса», сейчас творится выработка «анти-токсина». И не усматривайте в слове Ключевского горестного пророчества, ныне якобы исполнившегося, как потрясенно принял Сергей Иванович. «Залог»?.. Да, спутал Сергей Иванович, как многие. Все видимости «окаянства», всюду в России... — а Лавра — центр и символ! — «залог страдательный», а у Ключевского сказано в ином залоге.

Я не понял.

— Да это же так просто!.. — воскликнул Василий Степаныч, косясь к окошку:

— Ключевский — и весь народ, если поймет его речь, признает, — заключает свое «слово»: «Ворота Лавры Преподобного Сергия *затворятся* и лампы *погаснут* над его гробницей — только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его». Дерзните ли сказать, что «растратили без остатка»? Нет? Бесспорно, ясно!.. Мы все в страдании! Ныне же видим: ворота *затворены* и лампы — *погашены*!.. — выражено в страдательном залоге! страдание тут, *насилие*!.. и народ в этом неповинен. Свой «запас нравственный» он несет, и, в страдании, пронесет его и — сполна пронесет до той поры, когда ворота Лавры *растворятся*, и лампы *затеплятся*... — залог действительный!.. Не так ли?..

Я не успел ответить, как милый голос из комнаты взволнованно подтвердил: «святая правда!.. но не волнуйся же так, дружок».

Василий Степаныч обмахивался платком, лицо его пылало. Сказал устало:

— Душно в комнатах... в саду тоже, и я выхожу сюда, тут вольней.

Часы-кукушка прокуковали 6. Я поблагодарил профессора за любопытную беседу, за удовольствие знакомства и думал — «да, здесь еще *живут*». Профессор сказал, что сейчас я застану Среднева, он с дочкой, конечно, уже пришли из ихнего «кустыгра».

— Все еще не привыкли к словолитию? Георгий Андреевич работает в отделе кустарей-игрушечников, бухгалтером, а Оля рисует для резчиков. Усиленно сколачивают... это, конечно, между нами... на дальний путь. Поэт сказал верно:

*Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль, —
Не им размыкать наше горе,
Развеять русскую печаль.*

— Теперь не сказал бы... — заметил я, — тогда все же была свобода.

— *Не все же, а была!*.. — поправил меня профессор. — Гоголь мог ставить «Ревизора» на императорской сцене, и царь рукоплескал ему. Что уж говорить... Другой поэт, выше, сказал лучше: «Камо пойду от Духа Твоего? и от Лица Твоего камо бежу?..» Так вот, через два квартала, на-

право, увидите приятный голубой домик, на воротах еще осталось — «Свободен от постоя», — и «Дом Действительного Статского Советника Профессора Арсения Вонифатиевича...» Смеялся, бывало, Василий Осипович, называл провидчески — «живописная эпитафия»... и добавлял: «Жития его было...»

Шел я, приятно возбужденный, освеженный, — давно не испытывал такого. И колокольня Лавры светила мне.

X

Домик «Действительного Статского Советника» оказался обыкновенным посадским домиком, в четыре окна со ставнями, с прорезанными в них «сердечками», но развесистая береза и высокая ель придавали ему приятность. Затишье тут было полное, вряд ли тут кто и ездил: на не мощеной дороге, в буйной нетронутости, росли лопухи с крапивой. Я постучал в калитку. Отозвалась бляением коза. Прошелся, поглядел на запущенный малинник, рядом, за развороченным забором паслась коза на приколе. Подумал — ждате ли, и услышал приближавшиеся шаги и разговор. Как раз, хозяева: сегодня запоздали, получали в кооперативе давножданного сушеного судачка.

Узнали мы друг друга сразу, хоть я и поседел, а Среднев подсох и пооблысел, и, в парусинной толстовке, размашистый, смахивал на матерого партийца. Олечка его мало изменилась, — такая же нежная, вспыхивающая румянцем, чистенькая, светловолосая, с тем же здоровым цветом лица и милым ртом, особенно чем-то привлекательным... — наивно-детским. Только серые, такие всегда живые радостные глаза ее теперь поуглубились и призадумались.

Разговор наш легко наладился. Средневу посчастливилось: приехав в Посад, он поместился у родственника-профессора; профессор года два тому назад помер, и его внук, партиец, получивший службу в Ташкенте, передал им дом на попечение. Потому все и уцелело, и ржавая вывеска — «Свободен от постоя» — оказалась как раз по времени. Все в доме осталось по-прежнему: иконы, портреты духовных лиц, троицкие лубки, библиотека, кабинет с рукописями и свитками, пыльные пачки «Нового времени» и «Московских Ведомостей», удочки в углу и портрет Ключевского на столе, с дружеской надписью: «рыбак рыбака видит издалека». На меня повеяло спокойствием уклада исчезнувшего мира, и я сказал со вздохом:

— Все — в прошлом!.. Картина, в «Третьяковке»; запущенная усадьба, дом в колоннах, старая барыня в креслах, и ключница, на порожке... Так и мы, «на порожке»...

Олечка отозвалась из другой комнаты:

— Нет: все с нами, есть.

Сказала спокойно-утверждающе. Среднев подмигнул и стал говорить, понизив голос:

— Прошлого для нее не существует, а все вечно, и все — живое. Теперь это ее вера. Впрочем, можно найти и в философии...

В философии я профан, помню из Гераклита, что — «все течет...», да Сократ, что ли, изрек — «я знаю, что ничего не знаю». Но Среднев любил пофилософствовать.

— В ней это через призму религиозного восприятия. Весь наш «абсурд», вызывавший в ней бурную реакцию, теперь несколько ее не подавляет, он вне ее. Вот, видели

нашего «Иова на гноище»... его смолело, все точки опоры растерял и из своей тьмы вопиет «о всех и за вся», как говорится...

— Не кошунствуй, папа! — крикнула Олечка с укором, — ты же отлично знаешь, что это — «не как говорится», а!.. Бедный Сергей Иванович как бы Христа ради юродивый теперь, через него правда вопиет к Богу, и народ понимает это и принимает по-своему.

Среднев опять усмешливо подмигнул. Мне эти его жесты не нравились. Но он, видимо, намолчался и рад был разрядиться:

— Да, мужички по-своему понимают... и, знаете, очень остроумно выуживают из его темных словес — *свое*. Сергей Иванович путается в своих потемках, шепчет или выкрикивает «на-ша традиция... на-ши традиции...» — а мужики свое слышат: «*наше отродится*»! Недурно?..

— И они сердцем правы!.. — отозвалась Олечка: — они правдой своей живут, слушают внутреннее в себе, и им *открывается*.

Я дополнил, рассказав, как из «ад-адверзус» они вывели «ад отверзу», а из «абсолютно» — «обсолю». Среднев расхохотался.

— Чего тут смешного, папа!.. Верят, что «ад отворится», и все освободятся... и будет не гниение и грязь, а чистая и крепкая жизнь, — «обсолится»!.. Только нужно истинную «соль», а не ту, которая величала себя — «солью земли».

Среднев поднял руки и помахал с ужимками.

Осматривая кабинет покойного профессора, я заметил медный восьмиконечный крест, старинный, вспомнил Сухова и спросил, не этот ли крест прислал им Вася с Куликова поля.

— А вы откуда знаете?.. — удивился Среднев.

Я объяснил. Он позвал Олечку.

— Для нее *это* чрезвычайно важно... она все собирается сама поехать. Знаете, она верит, что нам *явился*... Нет, лучше уж пусть сама вам скажет. Нет, это профессорский, а тот она укрыла в надежном месте, далеко отсюда. Тот был меньше, и не рельефный, а изображение Распятия вытравлено, довольно тонко... несомненная старина. Возможно, что «боевой», от Куликовской битвы. В лупу видно, как посечено острым чем-то... саблей?.. Где посечено — зелень, а все остальное — ясное.

— Ка-ак?!.. ни черноты, ни окиси?.. — удивился я.

— Только где посечено... а то совершенно ясное.

Вошла Олечка, взволнованная: видимо, слышала разговор.

— Скажите... — сказала она прерывисто, с одышки, — все что знаете... Я три раза писала Васе, ответа нет. Хочу поехать — узнать все, как было. Для папы в этом ничего нет, он только анализирует, старается уйти от очевидно-сти... и не видит, как все его умствования ползут... Асами вы... верующий?

Я ответил, что — маловер, как все, тронутые «познанием».

— Маленьким земным знанием, а не «познанием»... — поправила она с жалеющей улыбкой.

— Да-а, «чердачок» превалирует!.. — усмехнулся Среднев, тыча себя в лоб, не без удовольствия.

— Скажите, что же говорил наш Вася... Сухов... как он говорил? Он не может лгать, он сердцем...

Я постарался передать рассказ Сухова точно, насколько мог. Олечка слушала взволнованно, перетягивая на себе вязаный платок. Глаза ее были полузакрыты, в ресницах чувствовались слезы. Когда я кончил, она переспросила, в сильном волнении:

— Так и сказал — «священный лик»?.. «Как на иконах пишется... в себе сокрытый...»?!.. Слышишь, папа?... а я... что я сказала, тогда?!..

Среднев пожал плечами.

— Что тут доказывает!.. — сказал он снисходительно-усмешливо. — Почему не объяснить нечудесным... тождеством восприятий?... Бывают лица, особенно у старцев... скажу даже — лики... очень иконописные!.. Не «небесной же моделью» пользуются иконописцы, когда изображают лики?!.. Тот же гениальный Рублев — свою «Троицу»?!..

Слышалось ясно, что Среднев говорит наигранно, и не так уже равнодушен к «случаю», как старается показать: в его голосе было раздражение. Да и рассказ мой о «встрече» на Куликовом поле слушал он очень вдумчиво.

Заинтересованный происшедшим *здесь*, — тут, может быть, сказала, и привычка к точности и проверке, — я попросил обоих рассказать мне, как они получили крест. Почему так меня это захватило, — не могу и себе точно объяснить. Помню, — я просил их — «по возможности точней, все, что припомните... иногда и мелкая подробность вскрывает многое». Будто я веду следствие... ну, может быть, машинально вышло, по привычке.

И вот, что рассказала Оля, причем Среднев вносил поправки и пояснения, в своем стиле.

XI

Случилось это в конце прошлого октября, или — по новому стилю — в первых числах ноября.

Оба помнили, что весь день лил холодный дождь, — «с крупой», — как и на Куликовом поле! — но к вечеру прояснело и заглодало. Тот день оба хорошо помнили: как раз праздновалась 8-я годовщина «Октября», день был «насыщенный». Загодя объявлялось плакатами и громкоговорителем наступление великой даты: «всем, всем, всем!!!» Повсюду било в глаза настоятельное предложение «показать высший уровень революционного сознания, достойный Великого Октября», всем решительно принять активное участие — в массовой манифестации, с плакатами и знаменами, с оркестром и хором, по всему городу, и присутствовать массово на юбилейном собрании в «Доме Октября», где произнесут речи товарищи-ораторы из Москвы. Ради торжества и для подогрева, была объявлена выдача — в самый день празднования, — всем сотрудникам, особенно, сверх нормы, «гостинца»: пшенной крупы и подсолнечного масла. Горсовет оповещал, что выдача будет производиться из горкооперата, с 7 до 8: «просят не опаздывать, празднование откроется массовой манифестацией, в 9-30».

Они получили юбилейную выдачу. Оля на манифестации не была, — «была в церкви», — но Среднев ходил с толпой по Посаду, — «часа два грязь месили под ледяным дождем». Уклониться никак нельзя, — бухгалтер! — заметили бы: «здесь их все знают». В 4 часа оба присутствовали на собрании и слушали ораторов из Москвы.

Вернулись домой, усталые, часов около семи. Закрыли ставни и подперли колом калитку, как обычно, хотя про-

никнуть во двор было нетрудно, с соседнего пустыря, — «как и выйти со двора», поправил Среднев: «забор на пустырь полуразвален». Оля поставила варить пшеничную похлебку. Слышали оба, как в Лавре пробило — 7.

Среднев читал газету. Оля прилегла на диване, жевала корочку. Вдруг — кто-то постучал в ставню, палочкой, — «три раза, раздельно, точно свой». Они тревожно переглянулись, как бы спрашивая себя — «кто это?» К ним заходили редко, больше по праздникам, и всегда днем; *те* стучат властно, и в ворота. Оля приоткрыла форточку... — постучали как раз в то самое окошко, где форточка! — и негромко спросила — «кто там?...» Среднев, через «сердечко» в ставнях, ничего не мог разобрать в черной, как уголь, ночи. На оклик Оли кто-то ответил «приятным голосом» — так говорил и Сухов:

— С Куликова поля.

Обоим им показалось странным, что постучавшийся не спросил, здесь ли такие-то... — знает их! Сердце у Олечки захолонуло, «будто от радости». Она зашептала в комнату: «папа... с Куликова поля!..» — и тут же крикнула в форточку — Среднев отметил — «радостно-радушно»: «пожалуйста... сейчас отворю калитку!..» — «и стремительно кинулась к воротам, не накрылась даже», — добавил Среднев.

Небо пылало звездами, такой блеск... — «не видала, кажется, никогда такого». Оля отняла кол, открыла, различила высокую фигуру, в монашеской наметке поверх скуфьи, и — «очевидно, от блеска звезд», — вносил свое объяснение Среднев, — лик пришельца показался ей — «как бы в сиянии».

— Войдите-войдите, батюшка... — прошептала она, с поклоном, чувствуя, как ликует сердце, и увидела, что отец вышел на крыльцо с лампочкой — осветить. Хрустело под ногами, от морозца.

Старец одет был бедно, в сермяжной ряске, и на руке лукошко. Помолился на образа — «Рождество Богородицы» и «Спаса Нерукотворного», — по преданию, из опочивальни Ивана Грозного, — и, «благословив все», сказал:

— Милость Господня, вам, чада.

Они склонились. То, что и он склонился, Среднев объяснял тем, что... — «как-то невольно вышло... от торжественных слов, возможно». Он подвинул кресло, молча, как бы предлагая пришельцу сесть, но старец не сел, а вынул из лукошка небольшой медный крест, «блеснувший», благословил им все и сказал, «внятно и наставительно»:

— Радуйтесь *Благовестию*. Раб Божий Василий, лесной дозорщик, знакомец и доброхот, обрел сей Крест Господень на Куликовом поле и Волею Господа посылает, во знамение Спасения.

— Он, — рассказывала Олечка, — сказал лучше, но я не могла запомнить.

— Проще и... глубже... — поправил Среднев, — и я невольно почувствовал какую-то особенную силу в его словах... затрудняюсь определить... проникновенную... духовную?..

Они стояли, «как бы в оцепенении». Старец положил Крест на чистом листе бумаги, — Среднев накануне собирался писать письмо и так оставил на письменном столе, — и, показалось, хотел уйти, но Оля стала его просить, сердце в ней все играло:

— Не уходите... побудьте с нами... поужинайте с нами...

у нас пшеничная похлебка... ночь на дворе... останьтесь, батюшка!..

— Вот, именно, про пшеничную похлебку... отлично помню!.. — подтвердил Среднев.

С Олей творилось странное. Она залилась слезами и, простирая руки, умоляла, «настойчиво даже», по замечанию Среднева:

— Нет, вы останетесь!.. мы не можем вас отпустить так... у нас чистая комната, покойного профессора... он был очень верующий, писал о нашей Лавре... с вами нам так легко, светло... столько скорби... мы так несчастны!

— Она была, прямо, в исступлении, — заметил Среднев.

— Не в исступлении... а я была... так у меня горело сердце, играло в сердце!.. я была... вот, именно, *блаженна!*..

Она даже упала на колени. Старец простер руку над ее склоненной головой, она сразу почувствовала успокоение и встала. Старец сказал, помедля, «как бы вслушиваясь в себя»:

— Волею Господа, пребуду до утра zde.

Дальше... — «все было, как в тумане». Среднев ничего не помнил: говорил ли со старцем, сидел ли старец или стоял... — «было это, как миг... будто пропало время».

В этот «миг» Оля стелила постель в кабинете профессора, на клеенчатом диване: взяла все чистое, новое, что нашлось. Лампадок они не теплили, гарного масла не было, но она вспомнила, что получили сегодня подсолнечное масло, и она налила лампадку. И когда затеплила ее, — «вот эту самую, голубенькую, в молочных глазках... теперь негасимая она...» — озарило ее сияние, и она увидела — *Лик*. Это был образ Преподобного Сергия. Ее потрясло священным ужасом. До сего дня помнила она сладостное горение сердца и трепетное, от слез, сияние.

В благоговейном и светлом ужасе, тихо вошла она в комнату и, трепетная, склонилась, не смея поднять глаза.

— Что было в моем сердце, этого нельзя высказать... — рассказывала, в слезах, Оля.

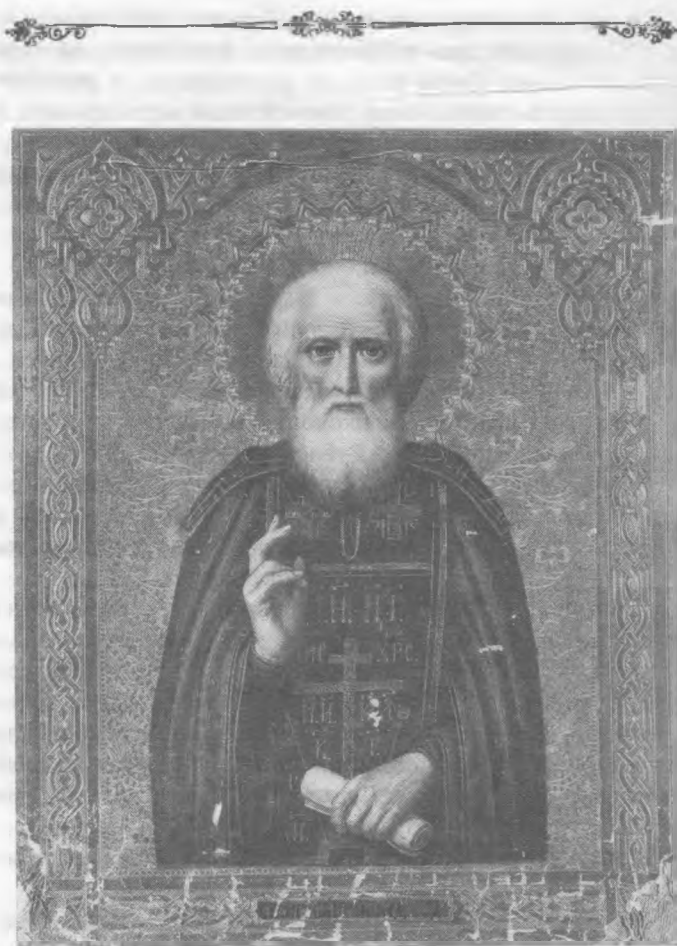
— Я уже не сознавала себя, какой была... будто я стала другой, вне обычного земного... будто я — уже не «я», а... душа моя... нет, это нельзя словами...

— Она показалась мне радостно-просветленной, будто сияние от нее!.. — определял свое впечатление Среднев.

А с ним ничего особенного не произошло: «только на душе было как-то необычайно легко, уютно». Он предложил старцу поужинать с ними, выпить чаю, но старец — «как-то особенно *тонко* уклонился, не приняв и не отказав»:

— Завтра день *недельный*, повечеру не вкушают. Среднев тогда не понял, что значит — «день недельный». Оля после ему сказала, что это значит — «день воскресный».

По его пояснениям, Оля тогда «была *где-то*, не сознавала себя». Она не шевельнулась, когда Среднев сказал ей поставить в комнату гостя стакан воды и свечу: ему хотелось, «чтобы гостю было удобно и уютно». Он отворил оклеенную обоями дверь в кабинет профессора, — «вот эту самую», — и удивился, «как уютно стало при лампадке». Приглашая старца движением руки перейти в комнату, где приготовлена постель, Среднев — это он помнил — ничего не сказал, «будто так и надо», а лишь почтительно поклонился. Старец — видела Оля через слезы — остановился в дверях, и она услышала «слово благословения»:

— Завтра отыду рано. Пребудьте с Господом.

И благословил пространно, — «будто благословлял все». И затворился.

Оля неслышно плакала. Среднев недоумевал, что с нею. Она прильнула к нему и, в слезах, шептала: «ах, папа... мне так хорошо, тепло...» И он ответил ей, шепотом, чтобы не нарушить эту «приятную тишину»: «и мне хорошо».

— Было такое чувство... безмятежного покоя... — подтверждал Среднев, — что жалко было его утратить, и я говорил шепотом. Это удивительное чувство психологически понятно, оно называется «воздействием родственной души»... в психологии: волнение Оли сообщилось мне: то есть, ее душевное состояние.

Стараясь не шуметь, Оля не цыпочках подошла к столу, перекрестилась на светлый Крест и приложилась. Ей казалось, что Крест *сияет*. Среднев хотел посмотреть, но Оля, страшась, что он возьмет в руки, умоляюще зашептала: «не тронь, не тронь...» Так Крест и остался до утра, на белом листе бумаги, нетронуто.

Среднев не спал в ту ночь: всякие думы думались, «о жизни». Чувствовал, что не спит и Оля.

Она лежала и плакала неслышно. Эти слезы были для нее — «радостными и светлыми». Ей «все вдруг осветилось, как в откровении». Ей открылось, что — все — *живое, все — есть*: «будто пропало время, не стало прошлого, а все — есть!» Для нее стало явным, что покойная мама — с нею, и Шура, мичман, утопленный в море, в Гельсингфорсе, единственный брат у ней, — жив, и — с нею; и все, что было в ее жизни, и все, что она помнила из книг, из

прошлого, далекого, — «все родное наше», — *есть*, и — с нею; и Куликово поле, откуда *явился* Крест, — *здесь*, и — в ней! Не ответ его в истории, а самая его живая сущность, живая явь. Она страшилась, что сейчас забудет это чудесное чувство, что это «дано на миг»... боялась шевельнуться, испугать мыслями... — но «*все становилось ярче... светилось, жило...*»

«Ночи она не видела. В ставнях рассвет...

Она хотела мне объяснить, как она чувствовала тогда, но не могла объяснить словами. И прочла, на память, из ап. Павла к Римлянам: «...и потому, живем ли, или умираем, всегда Господни».

— Понимаете, все *живет!* у Господа ничего не умирает, а все — *есть!* нет утрат, а... *всегда, все живет.*

Я не понимал.

XII

И вот, утро. Заскрежетал будильник — 6. Среднев вспомнил — «завтра отыду рано», и осторожно постучал в кабинет профессора...

—? Молчание. Оля сказала громко: «войди — увидишь: *он ушел*». Но *он не мог уйти!* Оля сказала, уверенно:

— Как ты не понимаешь, папа... это же было *явление Святого!*..

Среднев не понимал. Он вошел в комнату: постель нетронута, лампадка догорала под нагаром. Оля взяла отца за руку и показала на образ Преподобного:

— Ты видишь?! и — не веришь?! Среднев ничего не видел, не мог поверить: для него это был — абсурд.

Меня этот странный случай затронул двойственно: как следователя — загадочностью, которую надо разъяснить расследованием, и как человека — явлением, близким к чуду, против чего восставало здоровое чувство привычной реальности. Оля, видимо, это понимала: она пылливо-тревожно вглядывалась в меня, спрашивая, как будто: «и вы, как папа?..» Не вера моя в чудо была нужна ей, не укрепление этим ее веры: сама она крепко верила. Ей была нужна нравственная моя поддержка — рассеять сомнения отца. Мне стало жаль ее, и эта жалость заставила меня отнестись к странному случаю особенно чутко и осмотрительно.

И я приступил к расследованию.

Только один был выход из кабинета профессора, — через их комнату. Они не спали и — не видели ухода. Так подтверждали оба. Дверь из передней в сени Оля не запирала; это облегчало уход бесшумный; но парадная дверь была на щеколде, падавшей в пробой, — это могло, на первый взгляд, поразить: ушел, а дверь оказалась на щеколде! Среднев объяснял: они оба могли на миг забыться, и он тихо прошел в парадное: а то, что за ним дверь оказалась снова запертой, легко объяснить. Случай со щеколдой — не их изобретение, это делают все, когда надо уйти и замкнуть дверь, если дома кто-нибудь остается, а его не хотят будить.

— Мы всегда это делаем. Когда Оля уходит, а я еще сплю, она ставит щеколду стойком, и...

Он повел меня в сени и показал:

— Смотрите... поднятая щеколда держится довольно туго... ставлю ее, чуть наклонно, выхожу, захлопываю сильно дверь... — и щеколда падает в пробой! — сказал он уже за дверью. — Какое же объяснение иначе?!..

Я на это ничего не сказал, но подумал, что тут явная натяжка: «гость», выходит, уж слишком предупредителен, — не хочет беспокоить спящих, оберегает их от врагов и... догадывается повторить как раз их уловку, со щеколдой, которая туговато держится!..

Оля упорно повторяла:

— Это было *явление!*.. *Он ушел*, для него нет преград.

Из дальнейшего рассказа о том утре...

Среднев открыл парадное... В ночь навалило снегу, но никаких следов не было. И это было объяснимо: следы завалило снегом. Оля показала на крыльцо:

— Завалило снегом?.. Но раз отворялась дверь, она бы загребла снег, а снег лежит совершенно ровно, нетронуто!..

Среднев и тут объяснял логично: значит, ушел до снега. Полной вероятности, конечно не было, но, конечно, мог уйти и до снега... мог пройти мимо них неслышно... можно было и заставить упасть щеколду. Кол подпирает калитку, как было с вечера, но и тут... *можно* было пролезть в малинник, — забор развален.

Доводы Среднева были скользки, но нельзя было возразить неопровержимо, что это невозможно: тут не страдала логика. Для Среднева — *чудо* было гораздо невозможней. Оля смотрела на отца с грустной, жалеющей улыбкой, почти болезненной, но могла защищать свое, единственно, только *верой*. Среднев веры ее не разбивал, признавал, что сообщенное мной о встрече на Куликовом поле — «еще больше усиливает впечатление от старца: это, несомненно, достойнейший человек... может быть, болеющий страданиями народа, иннок высокой жизни...» Пробовал объяснить и мотив «явления»:

— Несомненно, это человек тончайшей душевной организации, большой психолог. Эта находка Васи!.. Только вообразите: крест, с Куликова поля!.. какой же символ!.. Этим крестом можно укрепить падающих духом, влить надежду, что... «ад отверзется»!.. эффект, психологически, совершенно исключительный. Заметьте торжественность его слов Васе и нам!.. — «Господь посылает *благовестие!*» Пять веков назад, с *благословения* Преподобного Сергия, русский Великий Князь разгромил Мамая, потряс татарщину, тьму... и вот, голос от Куликова поля: уповайте! — и чудо повторится, падет иго наипошнейшее, Крест победит его!.. И *он* принимает на себя миссию, идет к нам, в *вотчину* Преподобного, откуда вторично и воссияет свет!..

— Не выдумал же *он* Куликова поля!.. — воскликнула Олечка, это же *было*... и Вася думал о нас, о Троице!.. Как все надумано у тебя!..

Среднев чуть смутился, но продолжал свою мысль:

— Согласен неясности есть... но!.. — он развел руками, ища решения. — Я искренно растроган и преклоняюсь... за идею!.. готов руку поцеловать у этого светлого пришельца... И этот *уход* таинственный!.. какое тончайшее воздействие!.. обвеять *тайной*... это же почти граничит с чудом! Если *такое*... «явление»... бросить в массы!.. Но кто поверит нам, интеллигентам?.. Вы знаете, как народ к нам... Оля поведала лишь очень немногим, самым верным... нашего же поля, но этого недостаточно. Надо на площадях кричать, надо *объявить* Крест!.. И она хотела принять этот крест, бесстрашно!.. Я умолил ее не делать этого: это повело бы лишь к великим бедствиям...

Эти последние слова, о «принятии креста», Среднев

мне высказал наедине: «следствие» мое продолжалось не один день.

На доводы отца об «идее пришельца» Оля воскликнула:

— Но это ты сам выдумал «идею» и приписываешь ее... кому?! И принимаешь *это* за доказательство!.. где же твоя излюбленная «логика»?!.. Эта «идея» — обычный революционный прием!.. как это мелко... в связи со всем!.. Ты путаешься в противоречиях, бедный папа!..

Нет, *чуда* Среднев принять не мог. Я... почти верил. Я помню смуту во мне... и необъяснимую мне самому *уверенность*, что я — близ *чуда*. Но я хотел — *ощутить*. Опытом следователя я чувствовал, — по тону голоса, по глазам чистой девушки, по растерянности и шатким доводам Среднева, по всему материалу «дела», — что тут необъяснимое.

— И вы не верите... — с жалеющей улыбкой, болезненной, говорила Оля.

Я сказал, что искренно хочу верить, что «не могу не верить, смотря на вас», что никогда за всю мою службу следователем я не испытывал такого явного участия в жизни «благотворительности», что все слова и действия «старца» так поражают неземной красотой и... *простотой*, таким благоговением, что я испытываю чувство *священного*, — испытываю впервые в моей жизни. Говоря так, не утешить хотел я эту чистую девушку, а искренно слышал в себе голос «да, тут—чудо». Но не высказывал этого категорично: мне, — это я тоже чувствовал, — *чего-то* не хватало. Теперь я вспоминаю ясно, что моей почти-вере помогла эта девушка: своим порывом веры, светом в ее глазах, святой чистотой в них она заставляла верить. Помню, думал тогда, любясь ею: «какая она несовременная: извечное что-то в ней, заземное...такие были христианские мученицы-девы».

Наши обмены мнений продолжались дня три-четыре, нами овладевало, помню, и раздражение, и томление неразрешимости. Среднев заметно волновался. Я был во власти как бы навязчивой идеи, в таком нервном подъеме-возбуждении, что потерял сон. С утра тянуло меня в голубой домик, казавшийся мне теперь таинственным. Не раз я молитвенно взывал о... *чуде*. Да, я страстно *хотел чуда*, я *ждал его*. В моем подсознании, уже само творилось оно, *чудо*! Тогда я не сознавал этого: творилось оно неощутимо.

— Ну, хорошо... допустим: было *явление, оттуда*. Допустим, гипотетически... — будто сдавался Среднев. — Но!.. не могу я понять, почему — у нас?! Я, конечно, не голый атеист, не нигилист... этот путь ныне уже пройден интеллигенцией, особенно после книги Джеймса — «Многообразие религиозного опыта», меня чуть ли не оглушившей. Я уважаю людей *веры*... я лишь скептик, я... ну, я не знаю, кто я!.. Но, почему я, я!.. удостоен такого... «высокого внимания»?!..

— Но почему непременно вы упираете, что это *вы, вы* *удостоены*... «высокого внимания»?! — невольно вырвалось у меня, и я посмотрел на Олю. — Почему не допустить, что вы тут... только посредник?... для *чего-то*... более важного?..

Среднев заметил мой взгляд и совсем смутился.

— Вы правы... — сказал он упавшим голосом, — я неудачно выразился. Я не обольщаюсь, что я... нет, говорю совершенно откровенно, смиренно: я недостойн, я... — он не мог найти слова и развел руками.

— Папа, не укрывайся же за слова!.. — болью и нежностью вырвалось у Оли. — Ищет твоя душа, Бога ищет!.. но

ты боишься, что вдруг все твое и рухнет, чем ты жил!.. Ну, а все, чем ты жил... разве уже не рухнуло?!.. что у тебя осталось?... все твои «идеалы» рухнули!.. чем же жить-то теперь тебе?!.. Не может рушиться только вечное! А ты не бойся, ты не... — она не могла больше, заплакала.

Этот беспомощный ее плач переплеснул мне сердце. Оно уже не могло таить, не могло удержать того, что в нем копилось, — и *это* выплеснулось: что-то блеснуло мне, как вдохновенье, *откровенье*. По мне пробежало дрожью... и страх, и радость. Я уже *знал*. Знал, что таившееся во мне, неясное... сейчас вот станет ясным, *раскроется*. В мыслях... — или в душе?... — светилось и просилось определиться и стать реальностью, было в каком-то взвешивании, в некоей неустойчивости — «да?... нет?...» Светилось одно слово, как *живое*, — точнее не могу выразить. Это слово было — *суббота*. Взвешивалось оно, качалось во мне — «да?... нет?...» И я уже знал, что — «да». Как бы по вдохновению, слушаясь голоса инстинкта, не рассуждая... а также и по привычке к протоколу, я поставил вопрос о «сроке»: «*когда это произошло?*» Стараясь подавить волнение, я тут же восстановил, для них:

Встреча Васи Сухова со старцем на Куликовом поле произошла около 5 ч. пополудни, в канун памяти Великомученика Димитрия Солунского, в *субботу*, 25 октября, — в *родительскую субботу*, «Димитриевскую». Это бесспорно точно: Сухов возвращался от дочери, со ст. «Птань», где его угостили пирогом с кашей, и он вез кусок пирога внукам, потому что в тех местах этот день доселе очень чтут и пекут поминовенные пироги... пекли и в это время всеобщего оскудения. Я восстановил для них с точностью, когда произошло *явление* — *там*. И знал, с не меньшей же точностью, когда произошло *явление* — *здесь*.

Оля, смертельно бледная, вскрикнула:

— Да?!.. вы точно помните?... в *родительскую*?!.. я... я в церкви поминала... Папа... слушай... па-па!.. — задыхаясь, едва выговорила она, держась за сердце, и показала к письменному столу, — там... в продуктовой... записано... и в дневнике у меня... и в твоей!..

И выбежала из комнаты.

Среднев глядел на меня растерянно, почти в испуге, — и, вдруг, что-то поняв, судорожно рванул ящик стола... но это был стол профессора. Бросился к своему столу, выхватил сальную тетрадку, быстро перелистал, ткнул пальцем... Тут вбежала Оля с клеенчатой тетрадкой. Среднев — руки его тряслись — прочем прерывисто, задыхаясь: «...200 граммов подсолнечного масла... 300 граммов пшена...» штемпель... 7 ноября...»

— Но это... 7 ноября!.. — крикнул он, в раздражении, не то в досаде, и растерянно посмотрел вокруг.

— Да!.. 25 октября, по-церковному!.. в «родительскую» субботу!.. в церкви была *тогда*, 7 ноября... поминала... ты ходил по Посаду!.. — выкрикивала, задыхаясь, Оля, — в ту же субботу, как *там*, на Куликовом поле!.. в *тот же* вечер!.. Па-па!..

Она упала бы, если бы я не поддержал ее, почти потерявшую сознание. Среднев смотрел, бледный, оглушенный, губы его сводило, лицо перекошилось, будто он вот заплачет. Он едва выговорил: «в *тот же*... вечер...»

Он опустился на подставленный мною стул и закрыл руками лицо.

Оля стояла над ним, схватившись за грудь, и смотрела

молча, понимая, что с ним сейчас совершается важнейшее в его жизни. Среднева сотрясало спазмами. Подобное «разряжение» я не раз видал в моей практике следователя, когда душа преступника не в силах уже держать давившее ее бремя и — *разряжалась*, ломая страх. Но тут было сложнее неизмеримо: тут рушилось все привычное, рвалась *основа* и замещалась — чем?.. На это ответить невозможно: это вне наших измерений.

Оля смотрела напряженно и выжидательно, и это было такое нежное, почти материнское душевное движение — взгляд сердца. Я... не был потрясен: я был светло-спокоен, светло-доволен... — дивное чувство *полноты*. Видимо, был уже подготовлен, нес в «подсознательном» бесспорность *чуда*. Мелькавшие в мыслях две субботы — слились теперь в одну, так поразительно *совпали*, такие разные! Два празднования: — *там и здесь: Неба — и земли, Света — и тьмы*. И как наглядно *показано*. В ту минуту я не высказывался: я светло держал в сердце. Уверовал ли я?.. Кто скажет о сокровеннейшем? кто дерзнет сказать о себе, *как и когда* уверовал?! Это держит потайно сердце.

Я тогда испытал впервые, что такое, когда *ликует* сердце. Несказанное чувство *переполнения*, небывалой и вдохновенной радости, до сладостной боли в сердце, почти физической. Знаю определенно одно только: чувство освобождения. Все, томившее, вдруг пропало, во мне засияла радость, я чувствовал радостную силу, и светлую-светлую *свободу*, — именно, *ликованье, упование*: ну, ничего не страшно, все ясно, все чудесно, все *предусмотрено*, все — *ведется*... и все — *так надо*. И со всем этим — страстная, радостная воля к жизни, — полное обновление.

Было и еще чувство, но не столь высокого порядка: чувство профессионального торжества: *раскрыл!* Будто и неожиданно? Нет, я, внутренне, уже ждал «самого важного». И оно раскрылось: из Сергиева Посада я уехал совсем другим, с возникшей во мне основой, на которой я должен строить «самое важное». Это — бесспорный факт.

Чувство профессионального торжества... Но я знал, что это не я одержал победу, а Бог помог мне в моей *победе*: я одержал ее над собой, над пустотой в себе. Эту победу определить нельзя: это необъяснимо в человеке, как недоступны сознанию величайшие миги жизни — рождение и смерть. Тут было — *возрождение*. Это — невидимая победа-тайна.

А видимая победа была до того наглядна, что оспорить ее теперь было невозможно: никакими увертками «логики», никакими доводами рассудка нельзя было опорочить «юридического акта». Мое предварительное заявление о дне и часе *явления* на Куликовом поле и почти одновременно здесь, в Посаде, было подтверждено документально: записями в дневнике Оли и в грязной тетрадке Среднева — о... подсолнечном масле и пшене! какими же серенькими ме-

лочами! — вот, что разительно. Сколько же мне открылось в этом!.. Господи, Красота какая во — всем Твоем!..

Со Средневым *свершилось* сложнейшее и, конечно, непостижимое для него — *пока*. Он отнял от лица руки, окинул все — стыдливо, смущенно, радостно, — новым каким-то взглядом... смазал, совсем по-детски, слезы, наполнившие глаза его, и прошептал облегченным вздохом, как истомленный путник, желанный покой обретший:

— Го-споди!..

Оля, в слезах, смотрела на него моляще-нежно. В Посаде я пробыл тогда недели две, не мог, не хотел уехать. Много нами тогда переговорилось и передумалось...

Особенно поражало нас в нами воссозданном: «суббота 7 ноября», сомкнувшаяся со «святой субботой», ею *закрытая*. Оля видела в этом — «великое знамение *обетования*», и мы принимали это, как и она. Как же не *откровение*?.. не *благовестие*?!.. То, давнее, *благовестие* — Преподобного Сергия Великому Князю Московскому Димитрию Ивановичу — и через него всей Руси Православной — «ты одолеешь!» — вернулось и — *подтверждается*. И теперь — ничего не страшно.

Мы переменялись явно, мы этого теперь хотели. Мы ясно сознавали, что это, для нас, начало только... но какое прекрасное начало! Мы понимали, что впереди — огромное богатство, которого едва коснулись. Но это личное, маленькое *наше*: тогда, в беседах, нам открывалось все наше, родное, — *общее* — вневременное и временное, небесное и земное... — какие упования!.. Не для нас же, маловеров, явлено было чудо... И раньше, до сего, идеалисты, дети родной культуры, мы теперь обрели верную *основу*, таинственно нам дарованную *веру*. И поняли, оба поняли, что идеалы наши питались ее *светом*. Во имя чего? ради чего? для кого?

Какие были дивные вечера тогда, какие звездные были ночи!.. какую связанность нашу чувствовали мы со всем!.. Это был, воистину, творческий подъем.

И стало так понятно, *почему*, в темную годину, когда разверзлась бездна, пытливые, испуганные души притекали в эту тихую *вотчину*, под эти розовые стены Лавры... чего искали.

В светлой грезе, я покидал Посад. Лавра светила мне тихим светом, звала вернуться. И я вернулся. И до зимы приезжал не раз.

Приехал, как обещал, перед Рождеством. Все кругом было чисто, бело, — и розовая над снегом Лавра, «свеча пасхальная». Шагая по сугробам, добрел я до глухой улочки, постучался в занесенный снегом милый голубой домик... — никто не вышел. Соседи таинственно прошептали мне, что господа спешно уехали куда-то...

Очевидно, так надо было.

Париж. Январь-февраль 1939 — февраль-март 1947

Прототипом одного из главных героев рассказа И. С. Шмелева — Георгия Андреевича Среднева — был граф Ю. А. Олсуфьев (1869-1939), о котором в своих «Записках уцелевшего» рассказал московский писатель князь С. М. Голицын (1909-1989); «В Тульской Губернии были у нас соседи — графы Олсуфьевы — Юрий Александрович и его жена Софья Владимировна, урожденная Глебова, подруга моей матери с детства. О них стоит рассказать подробнее. Их имение Буйцы находилось в 25 верстах от Бучало, в историческом месте — на самом Куликовом поле. Юрий Александрович — юрист по образованию — с детства увлекался историей. Он ежегодно отправлялся путешествовать, но не за границу, как тогда было принято, а по старинным русским городам и в глухие места нашей страны. И везде он собирал различные древности. Крестьяне, распахивая

Куликово поле, находили оружие, разные старинные предметы и несли их на продажу графу. Так у него собрался настоящий музей, в котором была, например, такая ценность, как медный монашеский крест, найденный на Куликовом поле. Из летописей известно, что только два монаха находились в рядах русского воинства — Пересвет и Ослябя. Пересвет был убит в единоборстве с татарским богатырем Челубеем. Следовательно крест принадлежал ему. В революцию вся коллекция была разграблена, уцелело только то, что Юрий Александрович взял с собой, как самое ценное, в том числе и крест Пересвета. Остаток коллекции он пожертвовал в музей Сергиева Посада. Теперь там хранится несколько монашеских крестов, а который из них Пересветов — неизвестно. По своей халатности музейные работники все их перепутали».

(«Московский журнал». 1993. № 1. С. 45).

Есть и еще одно свидетельство чудесного явления преподобного Сергия Радонежского возле Куликова поля. Свидетелями его, в отличие от прикровенного явления Преподобного, утвердившего вновь в вере семейство Средневых (гр. Олсуфьевых) в Сергиевом Посаде в 1922 году, стали сотни человек. Относится это явление к 1942 году, и совершилось оно по прошествии двадцати лет после описываемых И. С. Шмелевым событий.

Явление преподобного Сергия Радонежского близ г. Богородицка Тульской области в январе 1942 года

Было это зимой 1942 года, в середине или в конце января месяца. Незадолго до этого немецкое наступление под Москвой, докатившись до этих мест, остановилось в верховьях Дона. Небольшое село Кузовка, лежавшее крестообразно в долине небольшой речки Уперты, притока Упы, было два месяца занято немцами. К востоку от него все время слышалась сильная канонада, а затем началось стремительное отступление немцев из этих мест. В январе село освободили, часть домов во время налетов авиации и боев сгорела, и сельчане жили по несколько семей в одной избе.

Железная дорога, пролежавшая в окрестностях села, была повреждена, поэтому поезда не ходили, ни грузовое, ни пассажирское сообщения восстановлены не были. Лишь два раза в день проезжала по ней ручная дрезина, на которой подвозились материалы для ремонта пути и контактной сети. По тому как долго отсутствовала дрезина, люди высчитывали, как далеко откатился фронт на запад, — канонаду орудий еще слышали в селе.

Однажды ясным солнечным январским днем жители села стали свидетелями удивительного явления: над железной дорогой за селом, по небу, в 20-30 метрах над землей, с северо-востока по направлению к юго-западу, вслед за уходящим фронтом, медленно шествуя по воздуху с посохом в руке, двигалась человеческая фигура. Первоначально многим показалось, что человек чинит поврежденную контактную сеть на железной дороге, но фигура продолжала двигаться прямо по небу и не над железной дорогой, а далее — над заснеженным полем. Солнце освещало ее силуэт и все жители, выбежавшие из домов, и верующие и те, кто относился к вере скептически, увидели, что это седой старец, вероятно монах, идущий с посохом в руке. Монах шел, не обращая

никакого внимания на толпы людей, многие из которых крестились, иные стояли молча, либо шепотом говорили: «Смотрите, смотрите, вон, видите — над железной дорогой!» А какая-то женщина громко крикнула, крестясь: «Да это Никола Чудотворец!» Старец все продолжал тихо идти вперед. В одном месте он остановился, положил посох (на воздух, будто там была земля!) и, сотворив земной поклон, снова взял его в руки и продолжил шествие свое дальше на запад. Фигура старца постепенно стала уменьшаться, пока не превратилась в маленькую точку, на которую было больно смотреть из-за солнца, светившего прямо в глаза. Чудесное явление длилось более часа и его наблюдало множество людей — жители села и эвакуированные из других мест, временно проживавшие в Кузовке.

Размышляя над виденным чудом, произведшим на всех огромное впечатление (а говорили о нем лишь в семьях, с самыми близкими, опасаясь давать своим рассказам огласку), люди пришли к убеждению, что это был не святитель Николай, а преподобный Сергий — небесный заступник края, по молитвам которого в этих же местах некогда одержал победу св. Димитрий Донской. Шел он с северо-востока, где лежит Свято-Троицкая лавра преподобного Сергия, оттуда, где некогда стоял стан русских воинов во время битвы на поле Куликовом. И двигался он на запад, вслед за уходящим фронтом, молясь за русский народ и за русских воинов, многие из которых вновь вспомнили о Боге в тяжелую годину войны и шли с оружием впереди, освобождая от иноземных захватчиков русскую землю.

Из рассказа В. А. Татаринова, очевидца явления.
Записано в 1995 году.
Публикация И. В. Попова

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОЧИВШИМ

БЛАЖЕННАЯ СТАРИЦА ЛЮБУШКА

(Любовь Ивановна Лазарева)

В праздник Усекновения главы св. пророка Иоанна Предтечи, 29 августа/11 сентября 1997 г., в Вышневолоцком Казанском женском монастыре Тверской епархии последовала кончина блаженной старицы Любушки (Любови Ивановны Лазаревой), долгие годы проживавшей на станции Сусанино, близ С.-Петербурга, и широко известной и почитавшейся богомольцами и многими православными христианами в России.

Невысокого роста, чуть согбенная, в светлом платке и длинной юбке, перепоясанной матерчатым пояском, с простым русским лицом, тронутым годами, — такой ее каждый день можно было видеть в храме пос. Сусанино или около него. То она что-то «пишет» пальцем правой руки на левой ладони, то прикладывает к образам, то кому-то строго грозит, то беседует с людьми, которые приезжают к ней за духовным советом и назиданием со всех концов нашей страны...

Любовь Ивановна Лазарева родилась 15 сентября 1911 г. в Сухиничском уезде Калужской губернии. В ее семье было пятеро детей. Родители скончались рано, и девочка их даже не запомнила. (По другим сведениям ее отец, будучи старостой сельского храма был расстрелян большевиками). Двенадцати лет (в 1923 г.) она уехала в Петроград, к брату, работая здесь кем и где придется. Затем устроилась на завод в пригороде. Посещала она в те годы, в основном, храм многострадального Иова на Волковом кладбище, Никольский собор и часовню блаженной Ксении.

Перед самой войной Любушка уехала на Кубань, где ей очень понравилось и где она прожила шесть лет, затем снова вернулась в город на Неве. По возвращении она пошла на обувную фабрику, находящуюся на Лиговке, и проработала там около трех лет. Как-то ей довелось приехать на престольный праздник в Сусанино. Храм и священник, служивший в те годы в Сусанинском храме — протоиерей Константин Леканов так тронули ее сердце, что в 1983 г. Любушка поселилась в этом поселке за Павловском. Жить ей поначалу приходилось у разных людей (вероятно, поэтому и называли Любушку странницей), последние годы проведенные в Сусанино, она постоянно жила у одной богобоязненной прихожанки на 6-й линии церковной стороны поселка.

Каждую литургию Любушка причащалась св. Христовых Таин, в храм всегда приходила заранее и лобызала все иконы. После службы возле церкви ее обступали приезжие. Любушка не богословствовала, а просто отвечала на разные вопросы, давала советы, утешала и укрепляла унывающих. При этом во всех ее словах и жестах можно было заметить не только назидание, но и черты юродства Христа ради.

По словам очевидцев, присутствовать при Любушкиных молитвах было до слез умилительно и страшно. Она брала принесенный ей хлеб, откусывала от него кусочки и, плача, по-детски простыми словами молилась за приносящих.

Потом остатки этого хлеба она брала с собой и кормила им птиц в ограде храма. Молитвы эти она совершала не только днем, но и ночью, не позволяя себе за это время не только прилечь, но даже присесть. Это был подвиг столпничества, который Любушка несла многие годы.

Жизнь Любушки и ее служение можно, пожалуй, сравнить с жизнью блаж. Ксении Петербургской, хотя семьи у Любушки никогда не было. Бывало, что не с каждым она станет разговаривать, не в каждый дом войдет, не каждое примет приношение. По рассказам многих очевидцев — пастырей, богомольцев, Любушка обладала несомненным даром прозорливости, заранее зная, кто к ней едет и откуда, порой выходила встречать, нередко предупреждала людей от греховных поступков или жизненных невзгод.

Благословение на несение послушания в окрестностях града святого Петра Любушка получила от блаженной старицы Марии, жившей в Никольском соборе. Незадолго до своей кончины та предсказала, говоря о Любушке: «Она — великая».

Так, странница жила сначала в Вырице, а затем, — в Сусанино, и наименование этой станции и поселка стало благодаря ей значимо, как имя одного из святых мест России для людей, приезжавших сюда из многих уголков страны.

В 1995–1996 гг. Любушка провела в женском монастыре г. Иванова-Вознесенска, куда приехала по благословию архим. Амвросия (Юрасова). За год по кончины, дату которой Любушка предсказала сама, она перебралась в Казанский женский монастырь г. Вышнего Волочка. Здесь, на 87-м году жизни, последовала кончина блаженной старицы.

И после ее ухода продолжается почитание праведницы в православном народе, и по молитвам угодницы Божией продолжает подаваться помощь страждущим. По свидетельству настоятельницы Вышневолоцкого Казанского монастыря игумении Феодоры, в день тезоименитства блаженной, 17/30 сентября, праздник святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, дивное благоухание исходило от деревянного креста над могилой старицы рядом с монастырским собором Казанской иконы Божией Матери.

В 40-й день по кончине блаженной, сотни паломников из С.-Петербурга, Москвы, Калуги, Ярославля, Сергиева Посада и многих других городов России приехали в Вышний Волочек почтить и помолиться у могилы старицы. И верим, предстательствовать пред престолом Всевышнего блаж. старица Любовь будет и за наш град, как это было при жизни матушки.

*Помяни, Господи, во Царствии Твоем
блаженную рабу Твою Любовь
и ея святыми молитвами
помилуй нас.*

Ф. Тютчев

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит,
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный нашей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил благословляя.

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?

Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись — теперь или никогда...